

Даниел Белл
Владислав Иноземцев

ЭПОХА РАЗОБЩЕННОСТИ

МОСКВА 2007

Даниел БЕЛЛ
Владислав ИНОЗЕМЦЕВ

ЭПОХА РАЗОБЩЕННОСТИ



postindustrial .net

Даниел БЕЛЛ
Владислав ИНОЗЕМЦЕВ

ЭПОХА РАЗОБЩЕННОСТИ

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О МИРЕ
XXI ВЕКА**

Москва

Журнал «Свободная мысль»

Центр исследований постиндустриального общества

2007

ББК 66.0
Б 43

Белл Д., Иноземцев В.Л.

Б 43 Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. – М.:
Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 304 с.
ISBN 978-5-90384-401-2

В книге выдающегося американского социолога и футуролога Даниела Белла и молодого российского экономиста и политолога Владислава Иноземцева анализируются наиболее актуальные и сложные проблемы, встающие перед человечеством в новом столетии. Авторы обсуждают перспективы постиндустриальной цивилизации, ее внутренние противоречия и взаимодействие развитых стран Западной Европы и Северной Америки с остальным миром, судьбы рыночной экономики и демократической формы правления, роль культуры и религии в формирующемся новом мире, контуры нового глобального порядка и проблемы прав человека.

Работа, воспроизводящая живой диалог авторов, состоявшийся в американском Кембридже весной 2006 г., написана живым языком, понятным даже читателям, не занимавшимся специально изучением экономических и социологических дисциплин. Книга адресована самому широкому кругу читателей.

ББК 66.0

ISBN 978-5-90384-401-2

- © Белл Д., Иноземцев В.Л., 2007
- © Журнал «Свободная мысль», 2007
- © Центр исследований постиндустриального общества, 2007

Оглавление

Предисловие	9
Введение	15
Глава первая ЗАПАД и ВОСТОК в XXI ВЕКЕ	21
Глава вторая РЕЛИГИИ, ИДЕОЛОГИИ И КОНФЛИКТЫ	67
Глава третья ДЕМОКРАТИЯ, ЕЕ ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ	119
Глава четвертая ПРАВА ЧЕЛОВЕКА. РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ МИРА	177
Глава пятая МИРОВОЙ ПОРЯДОК в XXI СТОЛЕТИИ	211
Глава шестая ГЛОБАЛИЗИРУЮЩАЯСЯ ЭКОНОМИКА	237
Глава седьмая (вместо заключения) АМЕРИКА И РОССИЯ в НОВОМ СТОЛЕТИИ	269
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	285



Фото В.А.Медведевой

Даниел Белл и Владислав Иноземцев
Париж, март 2000 г.

Предисловие

К моменту, когда читатель откроет эту книгу, пройдет ровно десять лет с того дня, как 12 декабря 1997 года я в первый раз переступил порог скромного кирпичного дома, расположившегося в самом конце Фрэнсис-авеню в американском Кембридже. В то зимнее утро погода – как почти всегда во время моих поездок в Гарвард – была намного теплее обычной для этого времени года. Снег таял, небо, затянутое низкими тучами, делало почти серым темно-красный кирпич университетских построек, а лица большинства спешивших по своим делам людей не излучали оптимизма. Но человек, открывший тонкую, почти картонную дверь, казалось, не имел никакого отношения к тому, что происходило за окном. «Дэн Белл...» – произнес он, широко улыбувшись, и пригласил меня в небольшую уютную комнату на первом этаже, стены которой были сплошь заняты если не полками с книгами, то старинными эстампами, вставленными в изящные тонкие рамки.

Мне было немного не по себе; я не мог не воспринимать собеседника как живую легенду и надеялся не столько на долгий разговор, сколько на простое знакомство с прославленным автором, чью основную работу мне хотелось представить российским читателям¹. Еще до поездки в Америку меня удивило, что профессор в тот же день ответил на письмо, посланное мною на номер факса, найденный в ежегоднике «Who's Who», и что на следующее письмо, в котором я предлагал приехать в Штаты для обсуждения

¹ Хотя к тому времени прошло четверть века с момента издания «Грядущего постиндустриального общества», в Советском Союзе русский текст книги был доступен лишь функционерам Коммунистической партии; известно, что она была переведена и издана ограниченным тиражом для служебного пользования, хотя найти ни одного экземпляра того издания я так и не смог. Коллеги из издательства «Прогресс» предоставили мне черновики переводов, которые дали толчок работе над новым изданием, но в значительной части оказались весьма вольным изложением оригинального текста.

условий публикации, последовало незамедлительное согласие. Мы довольно быстро обсудили формальности, связанные с приобретением прав; хозяин дома, правда, заметил, что я не первый гость из России, кто приходит к нему с этой идеей, – лет за десять до этого такое же предложение ему сделал Федор Бурлацкий, и он даже подписал какое-то разрешение на публикацию, но дело не сдвинулось с мертвой точки. Я собирался было откланяться, но начались вопросы о том, почему я хочу перевести книгу, читал ли я ее и что о ней думаю. Ответив, что книгу я читал и считаю ее выдающимся произведением, хотя сам имею несколько отличный взгляд на поднятые автором проблемы, я ввязался в дискуссию, которая вряд ли входила в планы каждого из собеседников.

«А сколько Вам лет? Небось где-то тридцать пять?» – спросил меня Белл через час бойкого обсуждения. «Нет, двадцать девять» – ответил я, и мы продолжили. Дверь гостеприимного дома закрылась за мной, когда на улице уже смеркалось.

На издание книги «Грядущее постиндустриальное общество» ушло полтора года и ее сигнальный экземпляр я привез в Гарвард в качестве подарка автору к 80-летию в мае 1999 года. А за полгода до этого Д. Белл, давно уже не выпускавший новых книг, написал для ее русского издания предисловие, размер которого вполне позволял выпустить его отдельной брошюрой. В ответ на мое удивление по поводу того, как он смог найти столько времени и сил для подготовки 70-страничного текста, профессор ответил, что он уверен: мало в какой стране интеллектуальный труд пользуется таким уважением и в то же время подвергается такой взыскательной оценке, как в России. Эти слова были сказаны летом 1998 года; через пару месяцев, в начале сентября, я получил от него трехстраничное письмо, написанное, как и остальные, на пишущей машинке с исправленными от руки ошибками. Белл писал о России, о ее истории, о тяжелом настоящем великой страны, о безответственном руководстве, о людях, чьи надежды были разрушены августовским дефолтом. «*Volyt dusha...*» – заканчивалось то письмо. До сих пор судьбы России остаются для Белла одной из самых важных тем; отчасти, вероятно, не только из-за абстрактной значимости России для мировой истории, но и потому, что сам он – выходец из семьи Болоцких, польских евреев из Белостока, города, на

протяжении XX века несколько раз переходившего от Польши к России/СССР и обратно.

Со времени первой моей встречи с Даниелом Беллом я не упускал возможности пообщаться с ним всякий раз, когда оказывался в Бостоне – и не уставал удивляться его невероятному кругозору, широте его интересов и его пристальному вниманию ко всему, что происходило в окружающем мире. Это чувство приходит ко мне довольно часто, когда случается общаться с людьми богатейшего личного опыта, свидетелями событий, которые большинству из нас знакомы только по книгам. Размышления этих людей порождены не информацией, почерпнутой из академических книг, а знаниями, впитанными вместе с воздухом тех эпох, в которые им выпало жить. Они бесценны, но в наше бурное время их все чаще заслоняют спекуляции на злобу дня, которые теряют всякое значение через несколько лет, но на короткий срок привлекают к себе всеобщее внимание.

Несколько лет назад Д. Белл рассказал мне о том, что собирается написать новую книгу – на этот раз посвященную системе международных отношений в том ее виде, в каком она сложилась на рубеже XX и XXI столетий. Эта книга пока так и не написана, но можно предположить, что некоторые ее основные идеи изложены в эссе «Возобновление истории в новом столетии», опубликованном в 2000 году в качестве авторского предисловия к юбилейному изданию одной из самых известных работ Д. Белла – его книги «Конец идеологии»², и что больше всего автора интересуют темы морали и ответственности в современной глобальной политике. Один из фрагментов книги был передан мне в Кембридже в феврале 2005 года – и я рад, что он впервые увидел свет именно на русском языке³. Сегодня, однако, сложно сказать, когда новая книга может быть закончена: причиной тому стала личная драма профессора Белла – неизлечимая болезнь его супруги Пёрл, которая с весны 2003 года прикована к постели.

В ноябре 2005 года я в очередной раз приехал в Кембридж. Стояла

² См.: Белл, Даниел. «Возобновление истории в новом столетии. Предисловие к новому изданию книги “Конец идеологии” (перевод с английского В. Иноземцева)» в: *Вопросы философии*, 2002, № 5, сс. 13–25.

³ См.: Белл, Даниел. «Нравственность и злодейство: две культурные парадигмы XXI века (перевод с английского В. Иноземцева)» в: *Свободная мысль – XXI*, 2005, № 3, сс. 11–26; осенью того же года она вышла на французском языке в журнале «Commentaire» (см.: Bell, Daniel. «La morale et le mal. Les deux cadres de la culture du XXIe siècle» en: *Commentaire*, No 111, Automne 2005, pp. 657–666).

поздняя осень, но погода была еще теплой и время от времени проглядывало солнце. После выступления на семинаре Центра российских и евразийских исследований я позвонил по знакомому телефону и получил приглашение в гости. На следующий день я заехал на Фрэнсис-авеню, 65, уже выписавшись из гостиницы и торопясь добраться к обеду до Нью-Йорка. Профессор Белл был в хорошем расположении духа; он заговорил о планах, об интересных людях, с которыми ему хотелось меня познакомить, о книгах, которые несомненно следовало бы перевести на русский язык и издать в России. Мы проговорили больше часа, и я предложил написать совместную статью, или серию статей, организовав их в виде диалогов, что могло бы серьезно упростить работу. В качестве основной темы я предложил выбрать вопросы технологического развития и эволюции постиндустриального общества; оценить роль информации и «экономики знаний» для современного человека; порассуждать о неравномерности развития и о глобальном неравенстве. Белл ответил, что считает эту проблематику «пройденным этапом» для себя и слишком привычной для большинства потенциальных читателей; в пространном письме он изложил альтернативное предложение – сосредоточиться на противопоставлении «философско-исторического» и «регионально-географического» подходов к изучению социальной динамики. По его мнению, в эпоху глобализации геополитика приобретает новое звучание; повсеместное распространение технологий делает материальный прогресс тем общим фоном, который особым образом оттеняет плюсы и минусы географического расположения отдельных государств и регионов, определяя их роль в мире. В свою очередь эта тема показалась мне слишком узкой и специальной, и компромиссом стало широкое обсуждение наиболее злободневных проблем, с которыми сталкивается современная цивилизация. Насколько интересным оно оказалось – судить читателю.

Предложив профессору Беллу организовать наши дискуссии, я находился под впечатлением замечательных диалогов выдающегося британского историка Эрика Хобсбаума с итальянским

журналистом Антонио Полито, вышедших за несколько лет до этого⁴. Я приехал в Кембридж в начале мая прошлого года и на про-

⁴ См.: Hobsbawm, Eric with Polito, Antonio. *On the Edge of the New Century*. New York: The New Press, 2000.

тяжении десяти дней мы с Д. Беллом обсуждали социальные, политические и экономические вызовы нашего времени по пять-шесть часов в день – по два-три часа утром и по столько же вечером. Послеобеденная «сессия» была отменена только 10 мая – в день рождения профессора. Затем последовали несколько месяцев расшифровки и редактирования текста, которые, увы, сильно затянулись уже по моей вине. Но вот работа закончена, и я надеюсь, что выход этой книги обрадует Даниела Белла, который после долгих лет неприятия в Советском Союзе обращается к малознакомой ему российской аудитории раньше, чем к своим многолетним западным почитателям.

*Владислав Иноземцев,
Лапино, август 2007 года*

Введение

Иноземцев: Еще несколько десятилетий тому назад людям казалось, что грань XX-го и XXI-го веков откроет человечеству какие-то новые горизонты, позволит увидеть новые ориентиры, укрепит в обществе новые принципы общежития. Однако в наши дни мир выглядит гораздо более дезориентированным, чем раньше. Серьезные социальные теории становятся все более редкими, да и «спрос» на них фактически отсутствует. Все чаще политики стремятся действовать исходя из текущей целесообразности, а не из нравственных принципов или из осознания перспективных задач и целей. Можно ли в такой ситуации говорить, что мы живем в мире, серьезно отличающемся от прежнего; следует ли надеяться на возрождение широких дискуссий, которые могут привести к появлению новых философских концепций и заложить фундамент новой организации человеческих обществ?

Белл: Во все времена людям было свойственно искать какой-то общий подход к осмыслению происходящих в мире процессов. Особенно характерными были такие попытки для западной научной мысли – и здесь основным методологическим достижением, получившим самое широкое признание начиная с XIX века, стала теория прогресса. Считалось, что развитие технологий и совершенствование нравов в конечном счете и определяют позитивное движение к разрешению всех имеющихся в мире проблем, к устранению противоречий и умиротворению. В экономической сфере маячила возможность преодолеть нехватку материальных благ, ту

их «редкость», которая на протяжении долгих столетий провоцировала соперничество между народами, по «естественным» причинам, как утверждали многие философы начиная с Т. Гоббса, желавшими добиться превосходства над другими.

Несколько позднее И. Кант, Ж.-Ж. Руссо и Ад. Смит разработали в своих трудах основы концепции прогресса, впитавшей традиции Просвещения. Во всех европейских языках само слово «Просвещение» – Aufklärung, Enlightenment, Lumière – делает акцент на «свете». Мир перестает быть «темным». И этот «свет» направляет нас на путь совершенствования, на путь прогресса.

Другой универсалистской парадигмой, которая прослеживается начиная с К. Маркса, была концепция капитализма, согласно которой возникающие в буржуазном обществе отношения между классами определяют характер социальной динамики. Отношения эти, по мнению Маркса, складываются между капиталистами, собственниками средств производства, и рабочими, владеющими только своей рабочей силой. К концу Первой мировой войны эту теорию дополнили представления о том, что капиталистическая система вот-вот рухнет, следствием чего будет становление во всемирном масштабе социалистического общества.

Существовал и третий подход, в котором абсолютизировался империализм; согласно ему, западные державы представляли собой воплощение цивилизации и были призваны распространить свое влияние на весь остальной мир – колонизировать его и эффективно управлять им.

Сегодня можно утверждать, что все эти теории переживают не лучшие времена. Империализм ушел в прошлое. В мире практически не осталось территорий, находящихся под колониальным владычеством. Всего сто лет назад, накануне Первой мировой войны, около 80% земной суши и почти такая же часть мирового населения находились под управлением западных метрополий – будь то Индия, или Индонезия, или страны Африки. Все это осталось сегодня лишь в нашей памяти. Многократно возросло количество независимых государств. Каждое из них прокламирует, что воплощает чаяния и интересы своего народа, и на этом основании претендует на политический суверенитет. В отличие от эпохи империализма (и даже от времен образования Организации

Объединенных наций, когда в мире насчитывалось, наверное, 70 или 80 независимых государств), сегодня ООН объединяет более 190 стран мира, и каждая из них имеет свой голос и свои неотъемлемые права. На место прежней империалистической системы пришла другая, основанная на практически бесконечной «мультипликации» суверенитетов.

В то же время утратила прежнее значение традиционная концепция капитализма как общества с антагонистическими классами; теперь внимание в большей мере акцентируется на процессах инвестирования и накопления капитала, поскольку возможности для инвестиций стали несравненно более широкими, а демократичность капитала повысила эффективность его приложения. Таким образом, акценты сместились с капитала как общественно-го отношения на капитал как средство увеличения богатства.

Мир оказался подверженным экономической глобализации, которая отличается от системы взаимосвязанных национальных экономик. Старая международная экономика представляла собой совокупность индустриальных, аграрных и добывающих обществ, которые покупали друг у друга и продавали друг другу те или иные продукты. Глобализация создает единые мировые рынки для отдельных типов товаров. Время от времени политики прислушиваются к своим народам и пытаются защитить их от влияния глобализации. Именно этим обусловлен напряженный характер отношения к глобализации многих национальных правительств, которые предпринимают попытки вести против нее своеобразную «оборонительную игру».

Еще одной важной особенностью нашей эпохи становится нарастающее значение знаний. Успехи того или иного общества все в большей мере определяются инновациями и нововведениями, которые непосредственно являются продуктом теоретической науки. В своей книге о постиндустриальном обществе я называл кодификацию теоретических знаний важнейшим признаком этого нового типа социума. Все самые значимые новации в производственной сфере напрямую зависят сегодня от развития знаний. Возьмем, к примеру, компьютер, в котором используются транзисторные схемы. Их создание было бы невозможно без теоретических работ А. Эйнштейна и М. Планка, которые обобщали послед-

ние достижения теоретической физики и двигали эту науку вперед. Возникающая экономика, которую характеризуют как основанную на знаниях или движимую знаниями, позволяет тем странам, которые наиболее успешно продуцируют знания, вырваться в своем развитии вперед – по крайней мере до тех пор, пока «догоняющие» экономики не стандартизируют процессы, ставшие результатом нововведений.

И, разумеется, происходят геополитические изменения, причем наиболее существенные из них обусловлены «новой географией» мира XXI века. В последние годы стало привычно говорить о «конце истории» – и мы действительно находимся сегодня в конце истории в том ее смысле, какой вкладывался в это слово в XVIII–XIX столетиях. Сегодня и прогресс, и развитие в их традиционном понимании имеют гораздо меньшее значение, чем география, чем территориальное распределение богатства и мощи. Важнейшими субъектами мировой политики становятся в новом веке Китай и Индия – державы континентального масштаба с населением более 1 миллиарда человек каждая. Эти страны несомненно станут заметными (если не основными) игроками на мировой арене в изменившейся геополитической ситуации. Всем нам следовало бы определиться в наших отношениях с Китаем и Индией.

По-прежнему сохраняются угрозы, с которыми мы вроде бы свыклись на протяжении второй половины XX века и которые в 90-е годы казались малозначительными. В первую очередь, речь идет о ядерном оружии, которое только и является оружием массового уничтожения в подлинном смысле этого слова. Проблема сегодня стоит, разумеется, не так остро, как в годы противостояния Соединенных Штатов и Советского Союза, но и сама ее суть серьезно видоизменилась. Сейчас угроза исходит не столько от мощных, но предсказуемых стран, сколько от государств типа Северной Кореи, которая разрабатывает и само ядерное оружие, и средства его доставки. Северокорейские ракеты летают над Японией – разве раньше в это мог кто-то поверить!..

Но, как и прежде, эффективно ограничивать распространение оружия массового уничтожения могут только национальные государства, а сами они становятся сейчас все менее самостоятельными субъектами на международной арене. На планете возникает своеобраз-

ный вакуум власти. О мировом правительстве говорить не приходится, но и возможности отдельных государств уже не те, что прежде. Постепенно происходит регионализация мира. Успешно развивается Европейский Союз. Создана НАФТА. В Латинской Америке усиливаются интеграционные тенденции. Нечто похожее происходит и в Юго-Восточной Азии. Регион становится наиболее эффективной экономической, политической и культурной «единицей».

Все эти перемены порождают у людей ощущение тревоги – особенно у тех, кто привержен наиболее традиционным верованиям. Масштабное распространение по миру западного образа жизни, политических институтов и экономических практик вызывает неадекватные реакции во многих странах, в особенности – в мусульманских обществах. Нужно ли приспосабливаться к новым условиям или следует препятствовать их возникновению – вот важнейший вопрос, тревожащий людей, и тот ответ, который дает на него ислам, способен определить его совершенно особую роль и особую миссию в новом столетии. Сколь бы спекулятивными ни были бы рассуждения мулл, они отражают взгляды миллионов людей – взгляды, которые могут спровоцировать их на определенные действия. Нельзя недооценивать исходящие отсюда опасности.

На эти процессы накладывается распространение демократии (хотя некоторые склонны полагать, что это только видимость, скрывающая политические процессы совершенно иного порядка). Не буду вдаваться сейчас в политические дискуссии; скажу только, что политические системы отдельных стран на всех континентах все больше зависят от волеизъявления своих народов, от выборов и голосований. В конце XVIII века в мире была только одна демократическая страна – Соединенные Штаты Америки¹. Сегодня подавляющее большинство государств претендует на статус демократических республик, хотя не все имеют на то достаточные основания. Возьмем, к примеру, Россию: является ли она

¹ Это наиболее популярная, но не вполне очевидная точка зрения. В период образования Соединенных Штатов круг участников демократического процесса оставался весьма узким; по разным данным, правом голоса в конце XVIII века обладали от 1,7 до 4,5% населения бывших британских колоний. В то же время в самой Великобритании уровень «демократичности» был несколько ниже: там в начале XIX столетия в парламентских выборах участвовало около 2,5% граждан. Так что США не были «единственной демократией» конца XVIII века; правильнее считать их единственной республикой того времени. – *Здесь и далее примечания В.Л. Иноземцева.*

демократической страной? И да, и нет – ответил бы я. Да, в ней регулярно проводятся выборы, граждане голосуют за кандидатов в депутаты парламента и на пост президента страны. В то же время власти жестко контролируют общественную жизнь и способны легко манипулировать избирательным процессом. Так что это особый в некоторых отношениях случай.

Наконец, повсюду в мире происходят стремительные изменения в составе и структуре рабочей силы. Неквалифицированные и низкоквалифицированные работники превращаются в настоящих изгоев. Растет занятость в сфере услуг – причем наиболее быстро в тех ее секторах, где требуются высокообразованные специалисты. Я имею в виду не фаст-фуд, а услуги в области образования, здравоохранения, личные и социальные услуги. Формируется слой профессионалов, и он постепенно оформляется в особый класс современного общества – класс, который обретает все большее влияние и силу. Вместе с его развитием увеличиваются престиж и популярность всех видов образования.

Все эти непростые процессы протекают одновременно, порождая массу противоречий и нестыковок. Именно поэтому я и называю наше время «эпохой разобщенности». Сегодня в рамках двух-трех простых парадигм нельзя объяснить все происходящее. Названные тенденции отчасти связаны друг с другом, а отчасти автономны; они то влияют друг на друга, то практически не оказывают никакого взаимного воздействия. И мы теряемся в догадках о том, что же происходит вокруг нас, – мы все больше и больше погружаемся в «разобщенное время», хотя по инерции нередко пытаемся «искать спасения» в простых и примитивных объяснениях...

1 ЗАПАД И ВОСТОК В XXI ВЕКЕ

Иноземцев: Тема, с которой хотелось бы начать, – это соотношение истории и географии. Возможно, я ошибаюсь, но у меня сложилось впечатление, будто большинство не только профессионалов, но и просто любителей истории знакомы, главным образом, с евроцентричным ее вариантом. Основные события, происходившие в мире, рассматриваются в контексте того, что в тот или иной период творилось в Европе или в тех регионах, куда европейские государства распространили свое влияние.

Возможно, в мире существуют и некоторые иные интерпретации истории – скажем, взгляды на нее «из Китая» или с позиций исламской цивилизации, но по сей день они не могут конкурировать по своей распространенности с западным вариантом истории. Более того, ни один «альтернативный» взгляд на исторический процесс не принимается во внимание при формировании современной «повестки дня» в сфере политики, не рассматривается в книгах, которые получали бы более или менее широкое признание и влияли на развитие современной научной мысли.

Поэтому возникают простые и понятные вопросы: существуют ли иные «истории», кроме предлагаемой Западом? Что такое Запад как «источник» истории? Насколько он един? Может быть, правильнее говорить об иудейско-христианской и о европейской трактовках истории? И наконец, какова ответственность перед миром той цивилизации, которая фактически выступает «творцом истории»?

Белл: Я считаю, что история – это западное изобретение и о ней можно говорить только начиная с XVIII столетия. До тех пор в жизни человечества имели место только события. В различных странах случалось то и это, но все происходившее не складывалось в системы или модели, которые можно было бы обобщать в научные теории. Причина этого заключалась в том, что вплоть до XVIII века вся «история» – как западная, так и остального мира – была историей империй: египетской, вавилонской, ассирийской, римской, а позже и европейских.

Империи – это в значительной мере географические образования, и логика их становления и развития задается стремлением к экспансии. В самом деле, мы видим, что они расширяются, пока имеют для того возможности. Именно столкновения этих расширяющихся империй с внешним для них миром и порождали те события, о которых я только что говорил. Поэтому единственной парадигмой и единственной моделью эпохи империй была модель постоянного расширения пространства, на котором господствовала та или иная империя.

Настоящая история началась в XVII–XVIII веках с появлением и распространением двух фундаментальных идей. Первая была спровоцирована открытием Америки. Совершенно неожиданно перед европейцами предстал новый континент, который выглядел абсолютно первобытным; в разных его частях они обнаружили общества, находившиеся на таких этапах развития, которые воспринимались как примитивные. С этого момента рассуждения европейцев об истории стали неразрывно ассоциироваться с идеей развития, с представлением об определенном пути, который проходит человечество. Вторая фундаментальная идея родилась в самой Европе и определялась десакрализацией общества и отторжением религиозных представлений о мире. Понятие прогресса стало в это время ассоциироваться с развитием общества в большей мере, чем с развитием личности; скорее с экономическими, чем с политическими процессами. Эта тема стала центральной в учениях шотландских просветителей – Ад. Фергюсона, Д. Юма и Ад. Смита.

Адам Смит предложил первую «сквозную тему» истории – способ существования людей. Карл Маркс воспринял ее, но пред-

почитал говорить о «способах производства». При этом он не упомянул о приоритете Смита, и многие современные исследователи даже не задумываются о том, что экономическая периодизация истории была предложена именно им². Итак, Смит и Юм предложили концепцию четырех последовательных способов существования. Первым они считали охотничий период, на протяжении которого людям просто приходилось выживать, и их потребление ограничивалось тем, что они могли добыть на охоте. Следующим этапом было общество собирателей и пастухов, в котором людям удалось приручить диких животных и собрать стада коз и овец, обеспечивших им ту еду, которую прежде приходилось добывать на охоте. Третьей стадией стало оседлое общество земледельцев; на четвертой роль «двигателя прогресса» приобрела коммерция.

Важнейшей чертой такого подхода к истории стало то, что развитие в ней оказалось связано с идеей собственности – как на землю, так и на получаемые от ее обработки продукты, которые могут в той или иной пропорции распределяться между людьми. Характер такого распределения задается фактором, о котором писал К. Маркс, но упоминание о котором он позаимствовал у Дж. Ст. Милля, – природными условиями, позволяющими или нет вести индивидуальное хозяйство. Этот подход был развит Карлом Виттфогелем³, обратившим внимание на наличие или отсутствие достаточного количества осадков, необходимых для земледелия. Там, где дожди распределе-

² Этот факт хорошо известен; связь между воззрениями Ад. Смита и К. Маркса выглядит очевидной, хотя марксисты долгое время умалчивали о ней, предпочитая ограничивать «вклад» шотландской школы в развитие марксистского учения чисто экономическими аспектами, такими как теория трудовой стоимости. О периодизации истории, предложенной шотландскими просветителями, и ее влияния на концепцию К. Маркса см.: Иноземцев, Владислав. *К теории постэкономической общественной формации*, Москва: Таурус, Век, 1995, сс. 74–81, и Иноземцев, Владислав. *За пределами экономического общества*, Москва: Academia, Наука, 1998, сс. 50–55.

³ Виттфогель, Карл Аугуст (1896–1988) – немецкий историк экономики; в молодости – марксист и член Коммунистической партии Германии. В 1935 г. эмигрировал в США; преподавал в Колумбийском университете и университете штата Вашингтон. Отказавшись от социалистических взглядов, он выдвинул теорию бюрократического деспотизма, сформулированную в его основной работе «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тоталитарной власти» (См.: Wittfogel, Karl A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*, New Haven (Ct.): Yale Univ. Press, 1957), где подверг жесткой критике все системы, основанные на государственной собственности. Считал политические системы СССР и Китая основными угрозами для глобального развития.

ны относительно равномерно, влага достается каждому земледельцу, и возникают условия для формирования частной собственности. Там, где дождя мало или он выпадает неравномерно, необходимы сложные ирригационные системы – такие, например, как в Западном Сычуане в Китае, да и много где еще.

Ирригационные системы подачи воды на поля предполагают централизованный контроль за ее распределением – даже в таких ситуациях, как ежегодные разливы Нила в Египте или Тигра и Евфрата в Месопотамии. Так возникли две системы собственности – частная, обусловленная доступностью воды, и государственная, опиравшаяся на централизованный контроль над ее источниками.

Четвертый этап общественного прогресса, по Смиту – коммерческий, – предполагает широкое перераспределение собственности и обмен продуктами труда ремесленников и мелких хозяйчиков. Разумеется, особую роль играет разделение труда, что Смит иллюстрировал своим любимым примером булавочной мануфактуры. Им же предложена идея возрастающей отдачи промышленных инвестиций. Чуть позже Давид Рикардо высказал мысль о снижающейся отдаче вложений в сельскохозяйственное производство. Осознание того, что наибольших выгод можно достичь в промышленности, и что реализованы они могут быть только через рынок, произвело переворот в тогдашнем мировосприятии. Мир стал рассматриваться взаимосвязанным.

Так впервые возникло представление о том, что в развитии есть свои законы. Впервые была сформулирована современная концепция истории.

Наконец, чуть позже Гегель предложил свое знаменитое видение истории как смены этапов самовоплощения абсолютного духа. Согласно его воззрениям, существует некая идеальная общественная форма, «снимающая» все социальные противоречия и преодолевающая любую общественную разделенность. Таким образом, хотя это и не кажется многим очевидным, история в том смысле, какой мы вкладываем обычно в этот термин, возникла именно в XVIII столетии, не раньше – и случилось это потому, что она стала идентифицироваться с развитием и прогрессом.

Сегодня (и мы еще вернемся к этому) многие уже не верят столь безоговорочно, как прежде, в неизбежность развития и прогресс-

са – хотя практически все признают, например, что для отстающих стран развитие оказывается своего рода «категорическим императивом».

Соответственно, второй Ваш вопрос – о «западных» истоках истории – оказывается в такой ситуации риторическим. Я отвечаю на него так: история порождена Западом, поскольку начало ей положено западной традицией, идущей от Ад. Смита, который применил понятия прогресса и развития к исследованию многих важных событий в жизни человечества и который придал истории экономические основания, выделив ряд «способов существования». С этой «стартовой позиции» началось формирование исторической науки.

Иноземцев: Вы представили очень интересный, но в то же время и достаточно неожиданный взгляд на проблему «начала истории», и потому мне хотелось бы... скажем так, не столько высказать какие-то существенные возражения, сколько задать ряд уточняющих вопросов.

С одной стороны, мне вполне понятно Ваше восхищение философами шотландского Просвещения, и я полностью разделяю Ваше мнение о том, что их вклад в формирование современной науки часто недооценивают. Но, хотя значение работ Смита и Юма для формирования теорий прогресса очевидно, многие социальные мыслители говорили о прогрессе задолго до них – пусть даже не об экономическом прогрессе, а о прогрессе нравов или прогрессе общественных институтов. Сама идея прогресса, как принято считать, была сформулирована в трудах ранних христианских богословов – таких как св. Августин или св. Фома Аквинский. Более того, на протяжении столетий прогресс в обществе традиционно связывался с прогрессом нравов и идей. Если взять, к примеру, «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Ж.-А. де Кондорсэ⁴, мы увидим там больше экономики, чем в некоторых работах Ад. Смита. Не преувеличиваете ли Вы роль шотландских просветителей и не сужаете ли тем самым рамки истории – причем ограничивая ее не «с конца», а как бы «с начала»?

⁴ «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» (Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain) – наиболее известная работа Ж.-А. де Кондорсэ, написанная им в тюрьме в ожидании казни в 1794 г. Состоит из десяти очерков, каждый из которых посвящен тому или иному этапу развития скорее не «человеческого разума», а производственных технологий и форм общения.

С другой стороны, моя личная точка зрения (которую, как я полагаю, готовы сегодня разделить многие) состоит в том, что история не может ограничиваться экономическими процессами. Как марксист я согласен с Вами в оценке роли периодизации на основе способов производства, и я готов поддержать Вашу мысль о том, что европейцы начали осмысливать историю со времени открытия Америк. Но даже сейчас в разных частях мира – на том же Ближнем Востоке, например, – мы постоянно сталкиваемся с процессами, которые нельзя объяснить исходя из одной только экономической логики. Не существует ли иной «истории», не сводимой к истории хозяйства? На самом деле мне трудно сейчас согласиться с тем, что целые столетия – от античной Греции до крестовых походов, от основания Римской империи до упадка феодализма – могут быть вычеркнуты из истории... Правильно ли считать, что древние, говорившие: *historia est magistra vitae*, жили «вне исторического времени»?

Белл: Вы абсолютно правы. История не сводится к экономическому развитию. Ее не сводил к такому даже Адам Смит. Возможно, Вы знаете, что он написал еще одну книгу, «Теорию нравственных чувств»...

Иноземцев: Конечно. И эту книгу, добавил бы я, он написал намного раньше, чем «Богатство народов», да и прижизненных изданий она выдержала побольше, чем вторая, – хотя именно последняя так широко известна сейчас.

Белл: Bravo. Но здесь мы сталкиваемся с тем, что я назвал бы расширением представлений о мире.

Вы правы, мир не сводится к экономике, но я настаиваю, что именно экономические закономерности определяют облик того или иного общества, лежат в его основе. Когда я говорю о новых горизонтах представлений о мире, открывшихся в эпоху Просвещения, я имею в виду идеи Д. Дидро и И. Канта – их мысли о роли чувствительности и социальности человека. Идея социальности предполагала, что люди могут на равных общаться друг с другом. Именно в XVIII веке возникла культура салонов, где зарождался диалог такого рода.

Относительно двух других важных пунктов, которые Вы упомянули. У св. Августина «исторические» идеи включены в религиозный контекст. Контекст этот задан идеей искупления – первородного греха всего человечества или деяний отдельных грешников. Поэтому я не стал бы говорить, что здесь речь идет об истории в ее обычном смысле. Скорее, о транзите каждой индивидуальной личности из этого мира в потусторонний. Искупление первородного греха не определяет истории. Путь от грехопадения через искупление к спасению – это не исторический путь; а ведь именно он и выглядит у св. Августина основным.

Иной подход содержится в трудах св. Фомы Аквинского, Пуфендорфа и Гроция. Здесь идет речь о «естественном законе», данном самой природой. Радикальное отличие шотландских просветителей от всех этих мыслителей состоит в том, что они объясняли социальные закономерности исходя из законов общества, а не природы. Был осуществлен переход от природы к обществу. Возникли общественные, а не нравственные науки. Именно тут появилась история. Потому что история есть только у общества, а природные закономерности внеисторичны. Потому что общество развивается, а нравственные устои заданы свыше. И эта масштабная перемена произошла, подчеркиваю еще раз, именно в эпоху Просвещения.

Таким образом, я по-прежнему придерживаюсь своей точки зрения: хотя Вы и правы в том, что общественное развитие не исчерпывается одним хозяйственным прогрессом, история как поступательное движение к преодолению различий между людьми началась в XVIII веке с распространения «экономического» взгляда на мир.

Иноземцев: Но если пойти дальше, то возникает иной вопрос, точнее – иная проблема. Допустим, мы согласились с тем, что история – это западное изобретение и даже западный феномен. Но что есть Запад? На первый взгляд, на этот вопрос ответить достаточно легко – и с географической, и с концептуальной точки зрения. Запад – это так называемая европейская цивилизация, а значит, Западная Европа, Северная Америка и те страны, которые иногда называют «европейскими ответвления-

ми» (European offshoots⁵) – такие, например, как Канада, Новая Зеландия и Австралия, поэтому каждый говорящий о Западе,

⁵ Понятие «European offshoots» введено в научный оборот известным историком экономики А. Мэддисоном (см.: Maddison, Angus. *The World Economy: A Millennial Perspective*, Paris: OECD Publications Service, 2001, pp. 6–7).

пусть даже несколько безотчетно, но достаточно определенно представляет себе, о чем именно идет речь. Однако у «Запада» еще задолго до того, как он начал свою «экспансию в мир», существовал антипод в виде «Востока». Их противостояние можно видеть еще в эпоху греко-персидских войн, не говоря о более поздних временах. Не зарождалось ли понятие Запада в те времена, которые видели варварские завоевания Рима; или тогда, когда в VIII веке арабы наступали на европейцев в Испании и Франции; быть может, оно кристаллизировалось, когда турки в XVI столетии стояли у ворот Вены? Если же Запад появился вместе с «историей», то есть в эпоху Просвещения, то не возник ли он не в противопоставлении себя Востоку как врагу или противнику, а на основе разделения мира на «объект» и «субъект» исследова-

⁶ См.: Said, Edward W. *Orientalism. Western Conceptions of the Orient*, London, New York: Penguin, 1995, p. 43.

ования, или, если воспользоваться словами Эдварда Саида, на «привычное» и «чуждое»⁶? Можно ли в таком случае считать концепцию

Запада продуктом ориентализма – как бы странно это ни звучало? Не окажется ли при ближайшем рассмотрении, что «Запад» обретает определенность, только будучи соотнесен с «Востоком» – что бы под ним ни понималось в тот или иной период истории? Итак: что есть Запад и каково отношение между ним и остальным миром? Что есть «иное» Запада?

Белл: На мой взгляд, в том, что Вы сказали сейчас относительно Запада и его истории, пересекаются – если не сказать перемешаны – реальность и ее осмысление, ее идеализация. Каким образом случилось так, что идеализация во многом затмила реальность, и каковы истинные взаимоотношения между данной реальностью и ее восприятием нами?

В самом общем виде Запад появляется с падением Византийской империи. Мы часто склонны забывать, что Византия существова-

ла на протяжении восьми столетий – от Константина до Константина⁷. После утраты контроля над Средиземным морем – а этот контроль был потерян с падением Константинополя – произошла естественная географическая переориентация на Атлантический бассейн. В период, когда европейская цивилизация оставалась цивилизацией средиземноморской, ни о какой «западности» невозможно было и говорить. Однако с перемещением ее активности из Средиземного

моря в Атлантический океан обозначилось быстрое возвышение Голландии, Англии, Франции, Испании и Португалии – западной части Европы. Главным направлением экспансии стало западное направление, заокеанские территории, потому что восточное направление было отныне закрыто для европейцев. Они начали искать иные пути в Азию, но наткнулись на Америку. Даже открыв ее, они долго не осознавали размеров нового континента, пытаясь обойти Канаду или Южную Америку в своем стремлении в Индию и Китай. И теперь желанный для них путь на Восток шел через Запад...

Так начиналась эпоха освоения планеты. С ней пришла идея поиска новых ресурсов и возможностей, нового мира, который мог дать золото, пищу и демонстрировал особые климатические условия. Все это, повторю еще раз, стало следствием «закрытости» Востока для европейцев. Россия в этот период была еще раздробленной и слабой – преодоление отсталости стало делом Петра Великого, причем намного позже. Пока же она не была вовлечена в события, которые определяли облик тогдашней Европы.

Здесь нельзя не вернуться к вопросу об отношениях с «другими». С изменением географического измерения на первый план вышли страны, возможности экспансии которых определялись наличием у них кораблей и флотилий, а не сухопутных армий. Франция имела мощную армию, которая позволяла ей контролировать часть Европы. Но англичане никогда не делали ставку на армию. У них был морской флот. У испанцев была довольно сильная армия, но акцент делался на Армаду, то есть на флот. Португальцы были силь-

⁷ В данном случае имеет место небольшая неточность. Если исчислять, как это делает Д. Белл, историю Византии «от Константина до Константина», то есть от римского императора Гая Флавия Валерия Аврелия Константина (306–337 н.э.) до последнего императора Византийской (Никейской) империи Константина XI Палеолога (1448–1453), то она насчитывает немногим более одиннадцати (а не восемь) веков.

ны только своим флотом. Голландцы – тоже. И именно эти государства достигли успеха.

Вторая основа западной идентичности была заложена в Великобритании. Я имею в виду верховенство закона. «Верховенство закона» – это немного курьезный термин, так как все сегодня апеллируют к верховенству закона и говорят о нем как об одном из важнейших принципов. Но применительно к Англии верховенство закона предполагало, по сути, защиту частной собственности, причем самым большим собственником был король – особенно после того как к короне перешли земли, конфискованные у католической церкви. Но встав на защиту частной собственности, принцип верховенства закона оказался также и гарантией свободы.

Это явление было уникальным для того времени. В России, например, практически отсутствовала сама идея частной собственности.

⁸ Имеются в виду Фердинанд II Арагонский (1452–1516) и Изабелла I Кастильская (1451–1504), в результате династического брака между которыми (1469) возникли предпосылки для объединения двух крупнейших государств Иберийского полуострова. После кончины сводного брата Изабеллы, короля Генриха IV Кастильского в декабре 1474 г., она провозгласила себя королевой Кастилии, что привело к «войне за Кастильское наследство», длившейся до 1476 г., когда армия Изабеллы и Фердинанда удалось одержать верх. В 1479 г., после смерти своего отца Хуана II, Фердинанд стал королем Арагона, и владения супругов были объединены в рамках одного государства. В 1492 г., с присоединением Гранады, завершилась т. н. реконкиста, и Испания стала единой христианской страной, а Изабелла и Фердинанд были объявлены папой Александром VI «католическими королями» (Reyes Católicos). Эпоха их правления известна также изгнанием евреев из Испании (1492) и открытием Америки Колумбом (1492). Браки пяти детей Изабеллы и Фердинанда породнили испанских монархов с самыми могущественными королями Европы и вскоре привели к объединению значительной части континента под властью их внука, императора Карла V.

Разумеется, бояре и князья владели собственностью, но в конечном счете ею распоряжался государь. О свободе можно и не вспоминать – ведь большинство населения находилось в крепостной зависимости. Возьмем Испанию – абсолютную монархию, в чьих колониях процветало рабство. Испания, конечно, была более развитой, чем Россия, но она возникла как единое государство в XV веке, когда была объединена армиями Фердинанда и Изабеллы⁸. При этом в Испанию вошла Андалусия с ее арабским влиянием, к тому же из страны изгнали евреев, что означало потерю многочисленного класса торговцев. Гонение на евреев имело не столько этнические, сколько социальные следствия. Потеряв предпринимательский класс, испанцы приняли идею открытости миру, попыта-

лись сами восполнить его недостаток. Однако коммерческая жила у испанцев никогда не была столь естественной и идущей изнутри, как у англичан. Англию изменила земельная аристократия, виги, которые стали носителями и защитниками идей частной собственности, экономического развития и свободы.

Так в каждом из регионов мира разворачивалась история взаимодействия и взаимодополнения частной собственности и утверждения идей свободы и верховенства закона. Политически эти принципы стали элементами какого-то идеала, основой концепций прогресса и развития. Сами же прогресс и развитие все больше идентифицировались с Западом. Почитайте, например, труды Гегеля или Маркса об Индии. Они не шли дальше утверждений о том, что Индия – это кастовое общество и она развивается по своим законам. Африка просто считалась первобытной. Индейцы в Новом Свете были вообще истреблены – и сегодня мы даже не вспоминаем об этом первом в истории случае геноцида. На Ближнем Востоке господствовали турки. Россия еще оставалась закрытой и отсталой. Франция была сухопутной державой, и ее борьба с Англией надолго определила судьбы европейского континента. Но именно в таких исторических условиях Запад и приобрел критическое значение.

Иноземцев: Однако если мы обратимся к более позднему времени – к периоду очевидного западного доминирования, ко второй половине XVIII столетия и XIX веку, – то, как мне кажется, увидим нечто, что не вполне вписывается в Вашу схему. Вы говорите об истории как об истории прогресса, задаваемого логикой экономического развития, и противопоставляете «истории» тот период, основные события которого в полной мере определялись «экспансионистскими поползновениями» империй. Но на протяжении всего XIX века, вплоть до раздела Африки между европейскими державами, история Европы была в том числе и историей колонизации заморских территорий. Владения европейских стран во много раз превосходили их самих по территории и численности населения. Европейцы занимались как раз строительством империй, и при этом неоднократно сталкивались друг с другом именно на мировой «периферии»; всем известны войны, вспыхи-

вавшие между англичанами и французами в Индии, англичанами, французами и испанцами на островах Карибского моря, а также в Северной Америке и других местах.

Возникает вопрос: что это было? Можно ли говорить о «европеизации» мира, происходившей в тот период? Устанавливали ли европейцы свои порядки (хочу подчеркнуть – именно порядки, а не просто власть) на территориях, контроль над которыми они получали? Насколько возможно было перенести европейские социальные практики в заморские страны, и можно ли было привить их местному населению? Или же, как Вы говорили, необходимо было попросту истребить аборигенов, чтобы дать европейцам возможность занять их место? Да, в Тринадцати колониях, а также в Австралии или Новой Зеландии их прежних жителей можно было не принимать в расчет – но в большинстве случаев европейцам приходилось управлять большими массами людей. Было ли это управление способом перенесения европейского порядка на чуждую почву или простым господством? Осуществляли ли европейцы «владение» своими колониями или они «цивилизывали» их, пытаясь в конечном счете «включить» новые народы в европейскую «историю»?

Белл: Ваш вопрос позволяет мне расширить сферу анализа. В целом Вы правы, но, говоря о европеизации, впадаете в некоторую идеализацию этого процесса. Первоначально реалии европейской экспансии определялись стремлением европейцев к расширению своих владений. Империализм и колонизация в классическом смысле появились намного позднее. Я даже не считаю, что до начала, скажем, XIX века есть смысл говорить о развитии «империализма» в его современном понимании.

Рассматривая европейскую экспансию на раннем ее этапе, я вижу в ней традиционную имперскую логику – по крайней мере в двух аспектах. С одной стороны, не следует сбрасывать со счетов, что все европейские державы того времени были монархиями, – а монархиям свойственно стремиться к умножению власти монарха и к расширению территории. Это применимо и к французским, и к немецким, и к английским правителям. Если вы правите одной страной, то разве не естественно желание возложить на себя еще одну корону?

Европейские монархи всегда стремились к этому – вспомните, например, Карла V⁹. А королева Виктория становится не просто сувереном какого-то сопредельного княжества, а властительницей Индии¹⁰! Чем это не имперская «мотивация»? С другой стороны, нельзя не замечать роли демографического фактора – в том аспекте, в каком об этом пишет Й. Шумпетер в своей книге об империализме и общественных классах¹¹. Я имею в виду проблему младших отпрысков. Если, например, вы владеете землей, которая по закону переходит по наследству старшему сыну, то что остается делать младшим? И это не праздный вопрос – на деле он во многом определил весь ход европейской истории... Но безземельных сыновей можно отправить в заморские территории, сделать их администраторами в Америке или Индии. Решение демографической проблемы было (и оставалось) одной из функций имперской политики европейских держав.

Однако это приводило как раз к тому, что европейцы стали переносить свои порядки в заморские владения – и это лучше всего прослеживается на примере британцев, так как английские порядки сильно отличались от тех, что существовали на континенте. Британцы первыми отошли от традиции прежних империй – от прямого и жесткого управления провинциями. Они начали править через систему администраторов, создавать суды и бюрократические институты. И это стало радикальной новацией, ибо никогда прежде империи не испытывали нужды в легитимации.

⁹ Карл V (1500–1558) – внук по материнской линии Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, был близким родственником многих европейских монархов того времени и носил титулы герцога Бургундского с 1506 г.; короля Кастилии, Арагона, Неаполя и Сицилии с 1516 г.; эрцгерцога Австрии с 1519 по 1521 г.; а также короля Германии в 1519–1530 гг. и императора Священной Римской империи с 1530 г. В 1556 г. Карл V отрекся от власти и удалился в замок Эскуриал, передав престол Испании своему сыну Филиппу II, а престол Священной Римской империи – своему младшему брату Фердинанду.

¹⁰ Этот случай не вполне типичен; королева Виктория не стремилась увеличивать число титулов до тех пор, пока в 1871 г. Германия не была провозглашена империей, в результате чего возникла ситуация, когда дочь королевы, Викки, бывшая замужем за наследным принцем Вильгельмом, могла бы в будущем стать правящей императрицей, превосходя мать по своему статусу. Для предотвращения этого парламент одобрил Royal Titles Act 1876 г., согласно которому королева с 1 января 1877 г. была провозглашена «императрицей Индии». Этот титул она носила до своей смерти в 1901 г. «Корона Индии», увенчанная знаменитым алмазом «Кох-и-Нур», по сей день хранится в Лондонском Тауэре.

¹¹ Имеется в виду книга Йозефа Шумпетера «Империализм и общественные классы» (См.: Schumpeter, Joseph. *Imperialism and Social Classes*, New Haven (Ct.): Meridian Books, 1960).

Здесь мы подходим к проблеме, которая часто становится предметом споров. Мой коллега Дэвид Лэндес¹², написавший много книг по экономической истории, уже давно подметил, что империалистиче-

¹² Дэвид Лэндес (р. 1924) – американский историк, почетный профессор Гарвардского университета, известный своим евроцентристским подходом к мировой истории. Автор ряда книг, среди которых наиболее известны «Освобожденный Прометей» (*The Unbound Prometheus*, 1969) и «Богатство и бедность народов» (*The Wealth and Poverty of Nations*, 1998).

было сказать обо всей Англии. Почему же такая система продолжала существовать? Прежде всего потому, что между метрополией и коло-

¹³ Сесил Родс (1853–1902) – известный британский предприниматель и политик. С 1871 г. занимался разработкой месторождений алмазов в Южной Африке, став одним из самых удачливых бизнесменов в этой области и основав в 1880 г. всемирно известную ныне компанию De Beers. С 1880 г. – депутат парламента, а с 1890 г. – премьер-министр Капской колонии. Особую известность С. Родсу принесло присоединение к Британской империи в 1893–1897 гг. области Машоналенд, названной в его честь Родезией (ныне – Зимбабве). Подробнее о С. Родсе см.: Давидсон, Аполлон. *Сесил Родс, строитель империи: человек и легенда*, Москва: «Олимп», 1998.

нийми устанавливались тесные связи; в заморских владениях жило все больше подданных короны, которые либо служили там, либо делали бизнес. И постепенно европейцы оказались вовлеченными в дела своих колоний.

По мере роста этой вовлеченности возникал и еще один немаловажный фактор, который хорошо прослеживается, в частности, на примере жизненного пути Джорджа Оруэлла. Он, как известно, начал свой путь с поста мелкого администратора в британской Бирме – восстанавливал порядок после крестьянских бунтов, дружил с местными князьками, охотился на слонов и т. д. Но затем он вернулся в Англию и стал писателем, создателем знаменитой антиутопии. Почему? Потому что понял, что выстроенная извне система управления не работает, что британцы не имеют права вмешиваться в дела тех, кто веками жил на своей земле. Англичане, кстати, всегда испытывали чувство вины за присутствие в Индии.

Иноземцев: Неужели? По-моему, более распространено диаметрально противоположное мнение.

ская политика не давала должной хозяйственной отдачи и стоила проводившим ее государствам гораздо больших денег, нежели обеспечивали поступления от колоний. Разумеется, отдельные граждане просто процветали. Например, дела Сесиля Родса¹³ шли очень хорошо, но этого нельзя

По мере роста этой вовлеченности возникал и еще один немаловажный фактор, который хорошо прослеживается, в частности, на примере жизненного пути Джорджа Оруэлла. Он, как известно, начал

Белл: Да-да; и я даже сказал бы, что чувство вины – не такое уж русское чувство, как это иногда пытаются представить. Русская литература полна образами не столько испытывающих чувство вины, сколько разочарованных и недовольных героев. Раскольников, например – это озлобленная, а отнюдь не осознающая свою вину личность. То же относится и к французам. У них имеется какой-то ген озлобленности, но комплексом вины они не страдают. Англичане, как и все протестанты, подвержены ему гораздо больше. В чувстве вины проявляется ощущение некоторой неправильности и несовершенства – и это чувство является характерным элементом западного мировосприятия.

Вы никогда не встретите чувства вины у китайца. Там люди не считают себя в чем бы то ни было виноватыми. Конфуцианство – это комплекс норм и правил поведения; он не предполагает чувства вины и не взывает к нему. Если вы и столкнетесь с чем-то подобным на Востоке (прежде всего в Японии), то с совершенно иным чувством – чувством стыда. Но это совсем иное: стыд – это ощущение, порождаемое отношением к вам со стороны других людей. Вы стыдитесь их мнения о самом себе. Вина же – это то, посредством чего человек наказывает сам себя, что он переживает сам наедине с собой, и в этом отношении чувство вины и чувство стыда – совсем разные чувства.

Все это я говорю для того, чтобы подчеркнуть: чувство вины и ощущение ответственности – это элементы западного отношения к миру, и по этой причине – факторы, определяющие поведение западного человека. Поэтому, как Вы правильно заметили, вестернизация создавала нечто гораздо большее, чем империю, скрепленную политической волей или экономической выгодой; в данном случае, несомненно, можно говорить о ее социальном и даже нравственном основаниях.

Иноземцев: Здесь я позволил бы себе не согласиться с Вами, или, точнее, обратить Ваше внимание еще на одну сторону вопроса. Как я уже говорил, меня очень интересует процесс «европеизации» мира в том виде, в каком он происходил в XVIII–XIX столетиях. Вы говорили сейчас о британском присутствии в Индии, в Африке, других странах, но мне кажется, что конец XVIII и первая половина XIX веков имели принципиальное значение для глобальной истории не только (и даже не столько) по-

тому, что в это время европейцы осваивали Азию, а потому, что в эти годы произошли Война за независимость в США, а также освободительные войны в большинстве латиноамериканских колоний. Если взглянуть на карту мира 1840–1850 годов, легко заметить, что обе Америки состояли к этому времени из независимых государств, более того – из стран, в которых существовала республиканская форма правления. Это произошло всего через два или два с половиной столетия после того, как эти территории были завоеваны европейцами. Причем, освободившись от европейского доминирования, эти страны создали политические системы, которые выглядели порой более прогрессивными, чем политические системы самих европейских государств того времени. Не следует ли считать эти процессы свидетельством «европеизации» мира – даже более масштабной, чем колонизация, предпринятая в XIX столетии?

Мне кажется, что опыт европейского присутствия в Латинской Америке, да и вообще на американском континенте, выглядит более вдохновляющим, чем в Индии, Бирме или африканских странах. Какую бы «вину» ни испытывали британцы за управление Индией или африканскими колониями, большинство стран, освободившихся в 60–70-е годы XX века, сегодня представляют собой несостоятельные или по крайней мере неэффективные государства, страшно далекие от демократии. На этом фоне латиноамериканские страны, не говоря уж о США, выглядят, несмотря на все случившиеся в их истории катаклизмы, чуть ли не образцовыми. Эти государства вполне могут быть названы европейскими по своей сути и по форме политической системы, которая поддерживается ими вот уже почти два столетия. Можно ли говорить о том, что в XIX веке подлинная «европеизация» происходила не в Индии или Африке, а прежде всего в молодых государствах на американском континенте?

Белл: Вы очень сильно забегаете вперед в хронологическом плане. И прежде чем обращаться к оценке современных нам событий, я хотел бы обратить внимание еще на два важных аспекта процесса вестернизации, без которых их понимание вряд ли может считаться исчерпывающим.

С одной стороны, нельзя забывать о том, какой заслугой западных государств – в частности, Великобритании и Соединенных Штатов – стала отмена рабства¹⁴. На протяжении нескольких тысяч лет рабство считали обычным и нормальным явлением. Африка не просто специализировалась на «производстве» рабов; они стали одним из ее основных экспортных товаров. Но рабству пришел конец, и на это были и нравственные, и экономические причины; наконец, для его отмены были применены и политическая воля, и военные усилия. В Америке это привело к тому, что негры, выходцы из Африки, составили значительную часть населения, которая во многом не соответствовала стандартам выходцев из Европы. Но рабству, тем не менее, был положен конец, и это стало большой моральной победой Запада.

С другой стороны, западное мировосприятие сделало центральным вопрос о роли и значении индивида. Вплоть до конца XVIII столетия идея индивидуализма воспринималась в качестве маргинальной; индивидуальным различиям не придавали особого значения; индивидуальное развитие не считали важным по сравнению с прогрессом общества в целом. Так, например, обстояли дела в Германии. В России воспитание и развитие индивидуальности ценились лишь в крайне узком кругу интеллигенции. Развитие личности – это западная концепция, и вскоре оказалось, что остальному миру весьма трудно принять ее значимость, трудно перестроить общество таким образом, чтобы сделать его восприимчивым к потребностям и интересам отдельного человека.

Важной причиной нынешнего отставания африканских и азиатских обществ, о котором Вы только что говорили, является то, что они (особенно это касается Африки) долгое время не знали принципа индивидуальной ответственности – и это крайне затрудняло для них восприятие идеи верховенства закона. Сегодня коррупция в Африке – хотя, конечно, она встречается практически в любой стране, так как людям свойственно стремиться к дости-

¹⁴ В данном случае помещение в один список Великобритании и США представляется несколько спорным. В Великобритании работорговля была запрещена Актом о запрете работорговли от 25 марта 1807 г., а владение рабами – Актом об отмене рабства от 23 августа 1833 г. В США, как известно, Тринадцатая поправка к Конституции была принята лишь 31 января 1865 г., а ратификация затянулась еще на 130 лет, пока последний штат, Миссисипи, не ратифицировал ее 21 марта 1995 (!) г.

жению своих целей простейшими путями, – стала настоящим бедствием, и она распространена там больше, чем в других регионах. Отчасти это объясняется отсутствием у населения традиции индивидуальной ответственности за свои действия. Это серьезно затрудняет организацию общества по современным канонам, значительно уменьшая тем самым его «живучесть» и конкурентоспособность в эпоху формирования глобализованного мира.

Преодоление коррумпированности станет одной из важнейших задач в мире XXI века, так как коррупция несовместима с рациональной экономической политикой. Последняя требует точного исчисления издержек, ясного понимания их компонентов и следования колебанию рыночных цен. Коррупция разрушает эту рациональность, обуславливая принятие и проведение в жизнь решений, которые приносят отрицательный экономический эффект. Достаточно взглянуть, к примеру, на Нигерию – предельно коррумпированную страну, прозябающую в абсолютной бедности в условиях, когда цены на нефть, ее главный экспортный товар, устанавливают один рекорд за другим. В Африке только ЮАР выглядит менее затронутой этим злом – в основном потому, что там сильнее утвердились западные подходы к организации экономики и общества. Но сказать это южноафриканцам не так уж и просто – вас обвинят в низкопоклонстве перед Западом, если не в расизме. Но, знаете, в некоторых случаях следует пожертвовать политкорректностью в угоду элементарной правде...

Так или иначе, проблема живучести большинства стран региона весьма актуальна. Единственная африканская страна, у которой есть собственная история, – это Эфиопия, но в ней на протяжении веков существовала монархическая система, причем в абсолютистской форме. На смену ей пришла марксистская диктатура, а в последние годы страна стоит на пороге экологической катастрофы из-за непрерывных засух. Африканским странам не на что опереться, и потому усвоение европейских практик могло бы стать для них весьма полезным, как стало, например, для Индии. Она, замечу, является единственной из незападных стран, где военные никогда не предпринимали попыток государственного переворота. Везде случались такие попытки – в Африке, повсюду в Латинской Америке, даже в Пакистане, а в Индии – нет. Я вижу причину этого в том, что в стра-

не создана сложная административная структура, с помощью которой можно эффективно управлять десятками народов, исповедующих разные верования и говорящих на разных языках. Структуру эту Индия унаследовала со времен британского владычества, и она помогла сохранить единство общества, не дать ему пойти «вразнос».

Поэтому наследие британского владычества в Индии, хотя оно далеко не во всем позитивно, обеспечивает индийскому обществу стабильность большую, чем в ряде европейских стран или в России, где военная верхушка не прекращает попыток перестраивать общество «под себя». Я не пытаюсь восхвалять Запад, так как он ответственен и за значительную часть коррупции, которую принес в отсталые страны, и за то глобальное неравенство, которого мы еще пока не касались. Но европейская история, которая началась в конце XVIII – начале XIX веков с идеи нравственного прогресса и экономического развития, принесла всему миру много позитивного. Да, основы ряда обществ Африки и Азии сегодня крайне нестабильны, но элементы западного (или европейского) наследия все же ощущаются во многих из них.

Иноземцев: Мне хотелось бы особо отметить один фактор, который, как мне показалось, остался за рамками нашего разговора. Дело в том, что страны, называемые успешными, были «европеизированы» не только теми нравственными идеями, научными концепциями или хозяйственными доктринами, которые принесли их народам европейцы. В гораздо большей степени все эти территории – Соединенные Штаты и Канада, Австралия и Новая Зеландия, Латинская Америка и, возможно, в несколько меньшей степени Южная Африка – были «европеизированы» самими европейцами, десятками тысяч переезжавших из мест, где они родились, в эти новые страны. Миллионы англичан, ирландцев и немцев заселили США; сотни тысяч выходцев из Франции определили культурное своеобразие Квебека; масса испанцев и португальцев колонизировали Южную Америку – пусть это были по преимуществу военные, но все же... В Австралию везли в основном каторжников и злодеев, но и такая «иммиграция» изменила облик этой страны.

Сегодня большинство историков признает существенное различие моделей развития тех стран, которые принято называть «ко-

лониями без постоянного населения (non-resident colonies)» и колониями в прямом смысле слова, который вкладывался в этот термин еще древними греками – то есть поселениями на новых территориях. И в такой ситуации возникает вопрос: насколько вообще реальна возможность «экспорта» европейских социальных практик и европейских идей без «экспортирования» самих их носителей, самих европейцев? Этот вопрос особенно важен в свете распространяющихся в последнее время представлений об «экспорте демократии». Можно ли привить народам новые идеи, не «впрыснув» в них иное по менталитету и образу жизни население?

Вы хорошо говорили об успехах британской административной системы в Индии. Однако у этой системы есть и обратная сторона – ведь не секрет, что англичане выстроили столь сложную систему отчасти и потому, что их присутствие в Индии было весьма ограниченным. Если я не ошибаюсь, вся колониальная администрация не превышала 700–800 человек. В целом Британская империя конца XIX века поддерживалась крайне небольшими воинскими контингентами – в совокупности за рубежом было размещено меньше британских солдат, чем сегодня находится в Ираке американских. Вообще колониальное управление было в то время большим искусством – и англичане не знали себе в нем равных.

Поскольку Вы вспоминали Эфиопию, позволю себе заметить, что в XIX веке британцы воевали в Эфиопии, причем весьма эффективно: за несколько месяцев боевых действий они сумели разгромить эфиопскую армию и захватить столицу страны штурмом, в ходе которого император был убит...

Белл: Простите, Вы говорите, наверное, об итальянцах?

Иноземцев: Нет-нет, о британцах. О событиях 1866–1867 годов, когда эфиопы захватили в качестве заложников два десятка европейцев, среди которых оказались и англичане. В ответ те предъявили ультиматум, который был отвергнут. Началась война. Британцы перебросили в Эфиопию армию с полным вооружением, и случилось то, о чем я только что говорил. Самое же удивительное в том, что за время кампании британцы потеряли... Сейчас точно не помню число убитых англичан, но оно было минимальным¹⁵. Причина состояла в том,

что под британским командованием в Эфиопии действовала так называемая первая индийская армия, переброшенная не с Британских островов, а с Индостана.

Англичане, выстраивая свою империю, использовали массу различных способов, позволявших им добиваться подчинения местного населения. В некоторых случаях это были экономические методы, в некоторых – военные; как никто другой, британцы умели играть на противоречиях между местными князьями и религиозными деятелями. Отчасти поэтому Индия стала самой успешной страной, которая после освобождения от британского владычества сумела сохранить стабильную политическую систему. Но, каким бы важным ни был этот пример, он остается единичным. А рядом мы видим Пакистан и Бангладеш, не говоря уже о Бирме или африканских странах... Поэтому я все же еще раз поставлю вопрос, который так долго пытаюсь задать: можно ли европеизировать, или вестернизировать, страну, не обеспечив массового притока в нее извне европейского (или ранее уже «вестернизированного») населения?

Бел: Вы отметили ряд очень важных, но в то же время разнородных обстоятельств. С одной стороны, речь шла об «экспорте» населения, об эмиграции – которая во многом и создавала новые государства. С другой стороны – о реакции, вызываемой этими процессами в тех странах, которые становились объектом европейской колонизации. Вы сейчас вспомнили про Эфиопию, но в самой Индии произошло знаменитое восстание сипаев¹⁶, в Китае, например, боксер-

¹⁵ Британцы не потеряли ни одного человека убитыми и всего 17 – ранеными; потери эфиопской стороны оценивались в 8 тыс. человек. В этом рассказе я, по сути, воспроизвожу отрывок из широко известной книги современного английского историка Найелла Фергюсона «Империя. Как Британия создала нынешний мир» (см.: Ferguson, Niall. *Empire. How Britain Made the Modern World*, London: Allen Lane, 2003, pp. 176–179).

¹⁶ Сипаи – солдаты, в конце XVIII – первой половине XIX века вербовавшиеся из числа местных жителей в индийскую армию, командование над которой осуществляла Ост-Индская компания. К 1857 г. численность сипаев достигала 257 тыс. человек, то есть превышала численность всей британской армии. В мае 1857 г. из-за конфликтов в региональных администрациях произошли первые столкновения сипаев с британскими солдатами, вызвавшие жесткие ответные меры англичан. Летом 1857 г. значительная часть Индии была охвачена восстанием, продолжавшимся до мая 1858 г. Подавление бунтов сопровождалось жестокой казнью нескольких тысяч сипаев и их сторонников. Для предотвращения повторения подобных восстаний в 1858 г. управление Индией было передано от Ост-Индской компании Британской короне.

ское восстание¹⁷ – и все они пытались противостоять вторжению извне. Япония – единственная страна, не подвергшаяся подобному колониальному захвату со стороны европейцев.

¹⁷ Боксерское восстание – восстание, поднятое членами «Общества справедливой гармонии» (название которого в китайском произношении напоминало англичанам слово «boxers») в ответ на ввод в Пекин иностранных войск 14 августа 1900 г. Восстание было подавлено в начале сентября 1901 г.; в его ходе погибли 230 западных граждан, 20 тыс. китайских христиан и десятки тысяч повстанцев.

Попробую дать ответ на некоторые из Ваших вопросов в рамках того подхода, которого я придерживаюсь. Говоря об иммиграции, нужно учитывать тот факт, что очень часто те, кто приехал раньше, пытались закрыть ворота перед остальными. Соединенные Штаты – это страна, населенная иммигрантами. Сегодня

ее жители стремятся ограничить приток в Америку новых иммигрантов, которые так же, как когда-то они сами, стремятся приобщиться к нашему образу жизни. Очень часто упускают из внимания, что значительная часть иммигрантов, въехавших в страну, впоследствии возвратилась обратно на родину. Множество иммигрантов из Греции и Италии поступило именно таким образом, так как они ехали в Америку, чтобы заработать денег, но большую часть жизни хотели провести в знакомой им среде. Да, большинство немцев, ирландцев, евреев, конечно, остались. Еще Маркс писал в свое время о том, что социалистически настроенные европейцы могут, приехав в Штаты, ассимилироваться, стать добропорядочными республиканцами и потерять свой революционный дух. Нередко так и случалось – поэтому проблемы миграции более комплексны, чем это традиционно принято считать. Они не могут быть сведены только к «экспорту» или «импорту» населения...

Если обратиться к другой затронутой проблеме, к реакции на действия западных держав, то она тоже не слишком проста. Япония, как я говорил (хотя и эта страна стремительно меняется сегодня), до последнего времени была единственной, остававшейся невовлеченной в имперские эксперименты Запада. Но это удалось ей не по причине противостояния Западу, а в силу умелого использования его собственных возможностей.

На первом этапе была русско-японская война 1905 года. Немногие в наше время знают, что японский флот был построен англичанами и голландцами, заинтересованными в неудачах России.

Поэтому сторонами в той войне были не просто русские и японцы, а русские и японцы, выступавшие в роли инструмента западных стран. Однако затем Япония выступила против Запада, установив контроль над большей частью Юго-Восточной Азии. Но даже несмотря на это, к 1960-м годам она была самой американизированной страной в мире. На втором этапе Япония восприняла западные индустриальные достижения и на их основе сумела совершить стремительный рывок, став опасным экономическим конкурентом Америки и Европы. В последние пятнадцать лет страна пребывает в кризисе, – что наводит меня на тяжкие размышления, и вот почему.

В начале XXI века на планете происходит масштабный географический сдвиг, который ставит на повестку дня вопрос о конце истории. Появляются новые жизнеспособные модели развития, диссонирующие с традиционными догмами. В изменившихся условиях многие страны отнюдь не стремятся перенять европейские методы развития, а заставить их сделать это не представляется возможным. Это обстоятельство, как я полагаю, и определит [важные] особенности наступившего столетия, которое явно ознаменует собой конец европеизации, а быть может, и вестернизации мира, поскольку новые самобытные социальные формы выйдут на первый план по мере подъема Китая и Индии. Япония была последней вестернизированной страной. Почему? Потому что она приняла – и даже усовершенствовала – западные принципы эффективной экономики.

Но, говоря о Западе, необходимо вспомнить одно слово, которое имеет принципиальное значение. Это термин Макса Вебера – рациональность. Запад сформировал рациональные стереотипы поведения. Конечно, в определенной мере рациональными были и архаические нормы, существовавшие в патриархальных племенах или общинах, – каждый понимал, пусть и не слишком четко, во что может обойтись ему то или иное действие. Однако в западном мире – в то время, когда он осознал себя как западный, то есть в эпоху Адама Смита – возникла идея производительности, позволявшая понять, как можно достичь больших результатов при использовании меньшего объема ресурсов. До этого времени и в те исторические эпохи, когда в мире господствовали империи, они

возвышались за счет войн, грабежа, эксплуатации рабов и обложения данью покоренных провинций. Экономика империй представляла собой «игру с нулевой суммой», так как основывалась не на умножении богатства, а на его перераспределении. Идея производительности ознаменовала появление качественно нового подхода – но для его применения требовалась рациональная оценка издержек и результатов.

Одним из важнейших вызовов, с которым столкнулась советская экономика, была проблема рационального измерения издержек. Хотя в СССР и существовала процентная ставка, она не отражала реального спроса на капитал. Советское государство не могло допустить, чтобы рыночная потребность в тех или иных товарах диктовала переток средств из одной отрасли в другую. Однако тем самым утрачивалось рациональное понимание значимости этих отраслей – например, тяжелая и оборонная промышленность развивались «любой ценой», а это предполагало, что эффективность инвестиций в этих областях была крайне низкой. Я не отрицаю, что страна действительно испытывала потребность в ускоренном развитии этих секторов экономики, но их доминирование в будущем и предопределило тот факт, что рациональное сопоставление затрат и результатов стало анахронизмом. Соответственно, вся система утратила возможность определять реальные экономические приоритеты.

В XVIII–XIX веках идея о том, что ставка процента – это цена капитала, была совершенно новой, но сегодня она превратилась в общепринятую. И по мере того, как эти правила игры принимают японцы, индусы или китайцы, мы наблюдаем прогресс вестернизации – хотя если они со временем станут лидерами мировой экономики, то вполне может оказаться, что у этой вестернизации не такое уж и европейское «лицо».

Иноземцев: Мы все ближе подходим к современной нам эпохе, и мне вновь хотелось бы вернуться к различным теоретическим построениям, в той или иной мере связанным с широко разрекламированной идеей о «конце истории». Прежде всего – и особенно ввиду того сдвига богатства и власти в Азию, о котором Вы вспоминали, – хочется попытаться прояснить, что же такое Запад. В колони-

альную эпоху ответ на этот вопрос был предельно простым – достаточно было сравнить метрополии с колониями, и все сразу становилось ясно. Затем в России произошла большевистская революция, и ситуация поменялась – в первую очередь из-за того, что в новых условиях стали считать Востоком. В годы «холодной войны», как известно, говоря о противостоянии Востока и Запада, под Востоком понимали не Китай или Индию, а страны советского блока. Граница между Западом и Востоком, говоря словами Черчилля, проходила от Штеттина до Триеста. Но и в этом случае присутствовала относительная ясность, сохранявшаяся до 90-х годов XX века.

Однако затем эта «история» кончилась. Возникла надежда на то, что и Россия воспримет западные ценности, в то же время стало формироваться ощущение, что сам Запад, который долгое время спланировала советская угроза, не слишком-то и един. Это особенно заметно в последнее время, начиная с 2003 года, когда Европа фактически противопоставила себя США во время войны в Ираке, а затем и позже, по мере того как постепенно исчезали надежды на сближение между Россией и большинством «западных» держав.

Но если проблему России можно и не считать здесь существенной, так как российская политика вряд ли сможет в обозримом будущем определять тенденции мирового развития, то вопрос о разьединении Европы и Соединенных Штатов кажется мне весьма существенным. Все мы видим, как быстро изменяется европейский континент из-за развития процесса интеграции; происходит отказ от суверенитета в пользу многосторонних институтов; введена единая европейская валюта. Роберт Купер в своей последней книге противопоставляет страны ЕС Соединенным Штатам как *post-modern states* не способному меняться *modern state*¹⁸; известный французский политолог Доминик Муази говорит о том, что в последние годы мир проделал путь из пункта, где были «один Запад и две Европы», к пункту, где существуют «одна Европа и два Запада»¹⁹. Насколько все это может повлиять на единство западного мира?

Есть и еще одна проблема. Когда Вы говорили о Японии и отмечали

¹⁸ Имеется в виду книга: Cooper, Robert. *The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century*. London: Atlantic Books, 2003.

¹⁹ См.: Moisi, Dominique. «Reinventing the West» in: *Foreign Affairs*, vol. 82, No. 6, November/December 2003.

ее «западный» характер, Вы акцентировали внимание на экономической рациональности. Однако мне кажется, что Япония сегодня вестернизировалась и в некоторых других аспектах – прежде всего в отношении образа жизни ее населения. Это население весьма состоятельно; его поведение часто определяется не вполне материалистическими мотивами; уровни рождаемости падают, средний возраст населения растет и т. д. Все это повторяет тенденции, свойственные, например, всей Западной Европе.

Вы наверняка помните, как в начале 70-х годов Иммануил Валлерстайн уверенно утверждал, что Япония обгонит США как ведущая экономическая держава к 1980 году; Эзра Вогель со своей книгой «Japan as No.1» в то время была одним из самых популярных экономистов. Но Япония вовсе не опередила Америку; более того, она практически остановилась. Сегодня мы слышим такие же прогнозы относительно Китая. Но насколько можно быть уверенным в их основательности? Так ли наверняка Китай превзойдет по экономическим показателям США к 2020 году? Действительно ли Индия имеет шанс превратиться в экономику, равную по масштабам экономике Европейского Союза? Вот такие вопросы...

Белл: Если возвращаться к той парадигме, в которой я рассуждаю сейчас, должен констатировать, что мы находимся у конца истории...

Иноземцев: Мы не находимся, Вы хотели сказать...

Белл: Мы находимся...

²⁰ Имеется в виду предисловие Д. Белла к юбилейному изданию его книги «Конец идеологии» (2000), опубликованное на русском языке в моем переводе (см.: Белл, Даниел. «Возобновление истории в новом столетии» в: *Вопросы философии*, 2002, № 5, сс. 13–25).

Иноземцев: Но не Вы ли совсем недавно убедительно писали о том, что история скорее начинается, чем заканчивается, в XXI столетии²⁰?

Белл: Мы находимся в конце истории в том смысле, о каком я говорил выше, – в смысле поступательного движения в направлении единой глобальной идеи. Марксово

понимание прогресса, да и поиск всеобъемлющей социологической парадигмы в целом – все это в прошлом. В этом смысле история действительно завершается. Потому что стремление к «цивилизованности» или «демократии» не заменяет и не заменит идей того масштаба, о которых писали Гегель или Маркс, – идей, которые человечество пыталось воплотить в жизнь на протяжении целых столетий.

Если вернуться к европейской истории, в ней можно выделить три периода, различение которых крайне важно для социального анализа. На первом этапе в каждой из стран шла внутренняя борьба. В Англии – чего стоила одна только Война красной и белой роз! Вплоть до эпохи Тюдоров страна жила в постоянной смуте. Во Франции войны также не были редкостью. На территории современной Германии существовало 140 отдельных княжеств. На Руси также происходили междоусобные войны, в которые вовлекались отдельные княжества – Киев и Москва, Москва и Великий Новгород... Конец всему этому – и первому периоду из тех, о которых я веду речь, – был положен лишь в XVIII веке с появлением национальных государств. Вестфальский мир дал толчок их формированию своей известной максимой *cuius regio, eius religio*, но не ознаменовал завершения процесса. Само становление национальных государств стало периодом войн, через которые Европа пришла ко второму этапу.

Этот второй этап характеризовался войнами между национальными государствами. Объединенная Англия – против абсолютистской Франции; затем модернизированная Петром I Россия – против Швеции, позднее Пруссия – против соседей, а там и наполеоновская империя против всей Европы. И так до завершения Второй мировой войны. Сегодня мы забываем, однако, сколь недавней является вся эта история: ведь ей немногим более двухсот лет... Пустяк с точки зрения прежних эпох.

Третья эпоха стала периодом экспансии Европы почти до границ мира.

Все эти периоды сильно отличаются друг от друга, но у них есть одна общая черта. В каждую эпоху для ответов на возникавшие вызовы оказывались необходимыми все более и более крупные политические образования. Почему возникло Европейское экономи-

ческое сообщество? Потому что европейские страны поодиночке проигрывали растущим экономикам США и Японии. Соединенные Штаты косвенно признали правоту европейцев, когда сами попытались организовать НАФТА. Не сомневаюсь, что по такому же пути в недалеком будущем двинутся и в Азии.

Обратите внимание на два обстоятельства. В начале Нового времени произошло то, что следовало бы назвать «скачком от географии к истории». До того мы имели империи – и императоров, желавших расширить свои владения до пределов Ойкумены. Вплоть до падения Константинополя именно география – территория, людские массы, ресурсы – играла абсолютно доминирующую роль. Затем она сменилась историей – поиском путей не к более оптимально разделенному, а к более эффективно организованному миру. Сегодня происходит обратный переход. Я называю наше время эпохой разобщенности. В современных условиях в мире уже не существует единого фактора или даже узкой группы факторов, которые оказывают определяющее влияние на направление мирового развития. Раньше говорили о капитализме, потом – об империях и приносимой ими цивилизованности. Сегодня ни о чем таком уже не вспоминают. Что же мы имеем? На экономическом «фронте» – глобализацию; пусть не все, но очень многое объясняется как следствие глобализации. В социальной сфере – общество знаний и структуры, возникающих для обработки и использования гигантских массивов информации. Но реакцией на такие перемены становятся религиозные войны, в первую очередь развязываемые от имени ислама. В то же время налицо и рост числа демократий – в свое время Соединенные Штаты были единственной демократической страной; сейчас таких много. Однако можно говорить и об усилении имперских тенденций – не исключено, что Китай и Индия в XXI веке могут превратиться в империи, пусть и особого типа.

При этом нет никаких правил, нет «стандартных ситуаций». Мы и сегодня пытаемся – отдавая дань нашему складу ума – найти некие общие объяснения происходящему, описать его в рамках единой теории. Но эти попытки порочны. Единого контура процесса не существует. Пытаясь его найти, вы обрекаете себя на ошибку. Поэтому время, в котором мы живем, если охарактеризовать его

одним словом, – это эпоха разобщенности. Самые разнопорядковые элементы и процессы взаимодействуют друг с другом непредсказуемым образом, и возникающая картина не описывается с позиций четкой системы методологических постулатов и не укладывается в рамки теории.

В то же время можно заметить, что среди всех этих явлений и процессов есть два, отличающихся заметной новизной. Это глобализация и, разумеется, производство знаний и информации. Все прочие – религии, геополитические игрища, империи – хорошо известны из прошлого и к тому же обладают географической определенностью. Ислам локализован в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Китай и Индия могут стать империями в первую очередь из-за обширности своих территорий и населенности. В нынешних условиях глобальные процессы воздействуют на национальные государства, но оставляют им возможность играть роль как ускорителей, так и тормозов глобализации – а последнее очень важно, когда речь заходит о процессах, природа которых вами не контролируется. И поэтому современное государство – горячая тема, поскольку считается, что оно может спасти вас от [неприятностей] глобализации.

Но перейдем к самим этим двум новым явлениям и начнем с первого – глобализации. В мире издавна существовало то, что можно назвать международной экономикой. Некоторые страны успешнее производили одни товары, некоторые – другие; третьи специализировались на добыче сырья. Между ними возникали торговые потоки. Были и механизмы установления эквивалентности обмена – через использование золотого стандарта и определение относительной ценности национальных валют.

Но глобализация – это не расширившаяся до планетарных масштабов международная экономика. В новой системе каждый товар производит глобальный эффект, и на его цену воздействуют глобальные факторы. Нефть, к примеру, сегодня уже не просто нефть – это товар, изменение предложения которого влияет на всю глобальную систему, а цена его определяется событиями, которые могут не иметь никакого отношения к условиям нефтедобычи в той или иной стране. Торговля нефтью – это не продажа товара из одной страны в другую (именно так по старинке ее, как

мне кажется, воспринимают сегодня в России, которая пытается возродить давно устаревший подход к ресурсам как к чему-то, что можно легко контролировать и продажами чего можно добиваться благорасположения соседей). Сегодня существует глобальная система производства нефти и торговли ею, которой Россия пытается сейчас противостоять. В таких попытках Россия не одинока. С формированием глобальной экономики и единого механизма определения цен на товары многие страны сочли, что складывающийся порядок угрожает их жизненным интересам.

²¹ См.: Bell, Daniel. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*, New York: Basic Books, 1976; последнее издание вышло в 1999 г.: Bell, Daniel. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*, New York: Basic Books, 1999; см. также русский перевод: Белл, Даниел. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*, перевод с англ. под ред. и со вступительной статьей В.Л. Иноземцева, Москва: Academia, 1999 (переиздан в 2003 г.).

Ее уже нелегко контролировать, хотя такие попытки и предпринимаются – например, через законодательство об авторских правах. Но ее невозможно отчуждать, продавать таким образом, который лишил бы ее создателя возможности ею пользоваться. Сдвиг от собственности на землю и товары в сторону владения знаниями создает предпосылки для своего рода «неисчерпаемой собственности».

²² Кеннет Эрроу (р. 1921) – выдающийся американский экономист, создатель современной теории экономического равновесия и один из пионеров информационной теории стоимости. В 1972 г. стал самым молодым лауреатом Нобелевской премии по экономике. Вместе с Д. Беллом учился в Городском колледже Нью-Йорка и аспирантуре Колумбийского университета. В 1968–1979 гг. работал в Гарварде и жил в Кембридже в соседнем с Д. Беллом доме на Фрэнсис-авеню, 68. В наши дни – почетный профессор Стэнфордского университета.

Экономика знаний тоже радикально отличается от прежней экономики – причем по двум причинам, каждую из которых я в свое время рассмотрел в своей книге о постиндустриальном обществе²¹.

Во-первых, собственность воплощается теперь не только в земле, условиях производства или вещных благах: на первый план выходит интеллектуальная собствен-

Во-вторых, возникает новая экономическая реальность, которая еще не исследована должным образом (я пытался изучать это явление, но Кен Эрроу²² несомненно продвинулся в этом направлении дальше других). В ее основе – изменяющаяся сущность капитала. Трудовая теория стоимости утрачивает свое значение. Труд заменяется знаниями, и

теперь мы имеем теорию ценности знаний. Стоимость не привносится более производством как таковым; в большей мере она порождается приложением к процессу производства идей и инноваций. Следствием становится воссоединение труда и капитала – а также огромная экономия на капитальных издержках. Новая экономика требует многократно меньших объемов капитальных вложений, чем прежде индустриальное хозяйство.

Эти две особенности меняют очень многое. Знания, созидающие интеллектуальную собственность, требуют осмысления современного нам глобального мира и потому не могут быть локальными, применимыми только в одном регионе или в одной стране. Еще некоторое время назад многие индусы склонны были считать, что обладают особым, специфически индийским пониманием того, что необходимо их стране. Но это продолжалось только до тех пор, пока они не столкнулись с необходимостью приспособиться к реалиям глобальной экономики. Они изменили свои подходы – и ныне с удовлетворением пожинают первые результаты.

При этом новая роль знаний в создании стоимости вызывает последствия, которые мы только еще начинаем осмысливать. Возникает, в частности, своего рода «контрреакция» со стороны других факторов производства, также участвующих в создании стоимости. Этим я склонен объяснять нынешний рост цен на сырье и ресурсы. В той же мере, в какой одни экономики сейчас консолидируются как производители знаний, другие получают выгоды от экспорта ресурсов – и потому заметно усиливаются. Россия – страна, не отличающаяся эффективным использованием сырья и энергии, – в одночасье обогатилась вследствие роста цен на ресурсы, значение которых сейчас приходится переосмысливать.

В такой ситуации актуальным становится вопрос, могут ли ресурсы стать основой для долгосрочного экономического роста – и от ответа на него зависит судьба России. Сегодня, похоже, она во все большей мере превращается в сырьевую экономику и пытается использовать свои поставки для политического давления на соседей. Однако любая ресурсная экономика сталкивается с проблемой, которую не ощущают большие и диверсифицированные хозяйственные системы: в долгосрочной перспективе она ограничена эффектом замещения производимых ею товаров. После

Второй мировой войны были созданы международные картели – цинковый, оловянный, медный и т. д. Но они утратили свою значимость и распались, когда на смену меди пришло оптоволокно и цены понизились (хотя сегодня они снова растут из-за повышения спроса).

Существуют ли заменители нефти и газа? Сегодня, как, наверное, и завтра, – нет. Но послезавтра они наверняка появятся. Новые технологии сделают приемлемыми цены на этиловый спирт и топливо, добываемое из нефтеносных песков, на ветровую и солнечную энергию. Мы даже не будем рассуждать о том, что все ресурсы исчерпаемы – гораздо важнее то, что любому сырью, извлекаемому из недр, со временем находится дешевый заменитель. Поэтому в краткосрочной перспективе изобилие ресурсов – благо; но в долгосрочной оно может обернуться проблемой.

Дешевые заменители имеются для всего, кроме знаний. Россия обязана иметь прочную интеллектуальную основу – тем более что на протяжении долгого времени она была лидером в сфере если не науки, то образования и культуры. Однако в любой экономической системе более всего ценится ее центральный ресурс, и если таковым в России являются сегодня сырье и власть, его контролирующая, то как же можно искусственно сымитировать ценность знаний? Как можно инициировать развитие по пути инноваций? У меня нет ответа. В любом случае это лишь подтверждает множественность существующих в мире парадигм и то, что нет единого пути развития в эпоху разобщенности.

Иноземцев: Говоря о разобщенности и регионализации, трудно обойти вниманием изменение самой европейской (или, как ее принято было называть в последние десятилетия, западной) модели. В последние годы Европа ищет собственный путь развития, усматривая будущее в Европейском Союзе – сильной региональной структуре с элементами наднациональной идентичности. Европейские страны активно передают свои суверенные полномочия комиссии в Брюсселе. Однако европейские элиты понимают (особенно после последнего расширения ЕС и в контексте начала переговоров с Турцией), что европейская модель не универсальна и Европейский Союз не может расширяться бесконечно. Напротив, Соединенные

Штаты не приемлют ограничений суверенитета, но пытаются в том или ином виде распространять принятые ими политические принципы на остальной мир. Откуда такие различия в отношении к миру? Не означают ли они возникновения того «раскола» внутри Запада, о котором мы уже говорили? Более того; считается, что Запад шире Европы и США: Японию, кстати, Вы уже относили к западному миру, несмотря на все ее особенности. Латинская Америка тоже развивалась в западной традиции. Насколько разобщенность, о которой Вы говорите, сегодня характерна и для западного мира? Возможна ли в будущем открытая конфронтация между его частями? Или даже их геополитическое соперничество?

Бел: Я считаю, что Запад как географическая реальность уже в прошлом. Прежнего Запада, единого в своих исторических основах, сегодня нет. Его не существует – и в этом еще одно проявление конца истории в том смысле, о котором говорилось выше. Сейчас следует размышлять о том, в какой степени те или иные страны – например, та же Япония – перенимают какие-то черты прежнего Запада. В то же время по аналогии с тем, как внутренние конфликты с формированием национальных государств перестали играть значимую роль в мировой политике, я полагаю, что и возможные противоречия между частями некогда единого западного мира не станут серьезной проблемой в наступившем веке.

Но я хотел бы отметить еще несколько моментов. Думая о будущих «линиях напряженности», я пришел к выводу, что одна из них протянется между Россией и Европой. Именно между Россией и Европой, а не между Россией и Соединенными Штатами. Несмотря на всю нервозность последнего времени (взять хотя бы выступление вице-президента Д. Чейни в Вильнюсе) наиболее серьезными окажутся именно российско-европейские проблемы. Потому что Россия стремится вернуть себе былой статус и при этом целиком полагается на сырьевой шантаж, для пущей убедительности пугая европейцев тем, что обратится на Восток, к Азии – построит там нечто вроде нового Великого шелкового пути.

Семь или восемь лет назад я выступал перед группой руководителей ведущих китайских университетов, которые приезжали в Гарвард, и говорил о том, что одним из ключевых для судеб ми-

ра регионов в XXI веке вновь станет Центральная Азия – причем по причинам географического порядка. В наши дни Россия, хочет она того или нет, постепенно становится «азиатской» страной – хотя бы просто потому, что теряет одну за другой те зоны своего влияния, которые связывали ее с Европой: сначала Польшу и Венгрию, потом Прибалтику, а сейчас, видимо, и Украину.

Поэтому противостояние скорее случится между Россией и Европой, а не между ней и Соединенными Штатами. США будут, конечно, поддерживать Европу, но даже не попытаются восстановить свое лидерство над ней. Америка попросту не способна на это. Она продолжит медленно утрачивать былое могущество – прежде всего потому, что в последние десятилетия ошибочно ставила целью сохранять военное доминирование в мире. Но ныне военная мощь значит совсем не то, что прежде, – взгляните хотя бы на Ирак. Неоконсерваторы, заправляющие сегодня в Вашингтоне, попытались было встать в позу и заявить: мы берем на себя ответственность и готовы подтвердить статус Америки как мощнейшей державы мира – но проиграли. Вспоминается очень интересный

факт: еще в 1910 году (или около того) Брукс Адамс, брат известного нашего историка Генри Адамса, написал книгу «Закон цивилизации и упадка»²³. И в этой книге он предсказал близкий конец Британской

²³ См.: Adams, Brooks. *The Law of Civilization and Decay: An Essay on History*, New York: Macmillan & Co., 1910 (современное переиздание: Adams, Brooks. *The Law of Civilization and Decay: An Essay on History*, Honolulu (Hi.): Univ. Press of the Pacific, 2002).

империи. Почему он был уверен в своем прогнозе? Потому что незадолго до этого англичане потеряли веру в себя в ходе англо-бурской войны – и никогда не обрели ее вновь. Мы утратили свое самообладание во Вьетнаме. Рейган попытался было возродить его, но теперь мы теряем его...

Иноземцев: Но мне кажется, что Рейган был не так уж и безуспешен в восстановлении американского лидерства в глобальном масштабе...

Белл: Возможно, но современные попытки добиться этого напоминают пародию. Нынешний курс все менее популярен в самой Америке; я не верю, что администрация Дж. Буша сумеет привести

Республиканскую партию к победе на предстоящих этой осенью «промежуточных» выборах в Конгресс²⁴.

Иноземцев: Если говорить только о событиях последних лет и при этом только об Ираке, тогда конечно... Но Америка остается самой собою при любом правительстве, а 1990-е годы с их безудержным оптимизмом – в экономике и политике – для американцев не такое уж далекое прошлое.

Белл: Рейган хотел восстановить американское величие исключительно через военную мощь – через способность страны вести себя так, как хочется.

Иноземцев: Мне все же кажется, что не все было так безнадежно... В первой половине 90-х Соединенные Штаты были отнюдь не только военной державой, которой боялся мир. «Американская мечта» привлекала многих, да и конкуренты были объективно слабее. В Европе на месте ЕС было всего лишь Европейское экономическое сообщество из двенадцати, а не двадцати пяти, членов. Евро не было и в помине. Япония только что вошла в полосу масштабного хозяйственного кризиса. Все восточноевропейские страны – да и Россия, если на то пошло, – были по крайней мере отчасти проамериканскими. Для Америки 90-е годы открывали замечательные перспективы. Но Дж. Буш-младший не смог – или не захотел – этим воспользоваться. Сегодня мне кажется, что Б. Клинтон – что бы о нем ни говорили – был гораздо эффективнее и успешнее на этом направлении.

Белл: Не со всем согласен – но мне трудно сформулировать, что именно вызывает у меня возражения. Проблемы, стоящие перед Соединенными Штатами, куда глубже. На протяжении многих лет, и даже десятилетий, нам удавалось «чудесным образом» удерживать под контролем инфляцию. А ведь именно она погубила Германию после Первой мировой войны. Она в 1970–80-х годах торпедировала экономический рост в латиноамериканских стра-

²⁴ Д. Белл оказался прав. На выборах, состоявшихся 7 ноября 2006 г., Демократическая партия установила контроль над обеими палатами Конгресса 110-го созыва, получив 51 место в Сенате и 228 – в Палате представителей.

нах. И она сегодня разъедает нашу экономику – хотя мало кто пока готов это открыто признать. В случае ее резкого взлета американскому устойчивому хозяйственному росту придет конец.

Одновременно углубляется неравенство – причем невиданными прежде темпами. Сегодня становится общей практикой то, что мы называем огороженными сообществами. Все больше и больше районов в стране оказываются закрытыми – их жители прячутся за оградями и заборами от социальной дезинтеграции. Растет доля испаноязычного населения, иммигранты не интегрируются в общество; уровень квалификации и образования молодых работников катастрофически снижается; доля пенсионеров увеличивается; неравенство, я уже говорил, становится недопустимым. Поэтому вовсе не исключено, что очень скоро наша военная мощь, которой, по мнению Вашингтонской элиты, все боятся, окажется, если воспользоваться китайским выражением, бумажным тигром.

Итак, я считаю, что Америка начинает свое движение вниз. Я пессимистически смотрю на перспективы американского могущества. Знаете, когда я только еще возглавил «Комиссию двухтысячного года», мне пришлось повстречаться с Джоном Гарднером, который вскоре стал министром здравоохранения, образования и социального обеспечения. И он тогда попросил меня «сделать прогноз на ближайшее будущее». Я ответил, что в 1964-м, 1968-м и, видимо, в 1972 годах состоятся президентские выборы. «Но такой “прогноз” ни в чем не дает нам уверенности!» – возмутился он. – «Да? – ответил я тогда. – А в скольких странах, по Вашему мнению, Вы могли бы четко назвать даты ближайших трех президентских выборов и не ошибиться?» Можете ли Вы утверждать, что В. Путин через два года уже не будет президентом России?.. Хотя я забыл: Вы-то как раз уверены, что он им останется. Тем более: мало где можно быть столь уверенным в стабильности и преемственности, как в США. И я верю в то, что эта стабильность сохранится и впредь. Важно то, что она ничего не будет стоить. Даже если наша военная мощь и останется в «надежных руках», она бессмысленна уже сегодня – а больше ничего столь же надежного и масштабного мы не создали. Неужели мы намерены воевать с Китаем, защищая свои экономические интересы? Нет, конечно. Так на что же мы тратим по 500 миллиардов долларов в год?

Иноземцев: Позвольте теперь мне не согласиться с Вами. Когда речь заходит о военной мощи, я вспоминаю беседу с Эриком Хобсбаумом²⁵, которую мне довелось вести в Лондоне два года назад²⁶. Одним из вопросов, который мы тогда обсуждали, был как раз вопрос о пределах военного могущества. Мне кажется, что не следует преуменьшать военные возможности Соединенных Штатов: сегодня Америка – самая мощная страна мира, и она способна нанести любому из своих потенциальных противников поистине невосполнимый ущерб. Вы упомянули о гипотетической войне с Китаем, – так вот, я уверен, что такую войну США как раз и могут выиграть. Я не утверждаю, что ее следует затевать, но уверен, что масштабная война с использованием, быть может, ядерного оружия или иного оружия массового поражения оказалась бы для Соединенных Штатов более успешной, чем нынешняя иракская кампания. Если задачей ставится уничтожение противника, нет никаких оснований сомневаться в том, что это Америке по силам, и будет оставаться по силам еще в течение многих десятилетий.

Проблема же Ирака состоит в том, что здесь задачей ставится не нанесение кому-нибудь поражения на поле боя, а установление и поддержание контроля над густонаселенной территорией. Особенностью нашего времени, как отмечал тогда в Лондоне профессор Хобсбаум, является категорическое нежелание народов покоряться захватчикам и их готовность противостоять любым превосходящим силам противника – вне зависимости от того, кажется такой тип поведения рациональным или нет. И это особенно заметно на периферии, в первую очередь – в относительно бедных регионах мира, где сильны религиозные чувства людей, а общественная жизнь в значительной мере мифологизирована.

²⁵ Хобсбаум, Эрик (р. 1917) – по признанию большинства специалистов, самый известный из живущих историков-марксистов, член Коммунистических партий Великобритании (с 1936 по 1956 г.) и Италии (с 1956 г.), профессор Лондонского университета и член Королевской академии наук Великобритании. Автор пятнадцати книг, особенно известны: *The Age of Revolution, 1789–1848* (1985), *The Age of Capital, 1848–1875* (1995), *The Age of Empire, 1875–1914* (1987) и *The Age of Extremes. A History of the World 1914–1991* (2001).

²⁶ См.: Иноземцев, Владислав. «Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России. Интервью с профессором Эриком Хобсбаумом» в: *Свободная мысль – XXI*, 2004, № 9, сс. 3–14 (обратный перевод на английский язык см.: «The Scale of the Postcommunist Disaster Is Not Understood Outside Russia. An interview with Eric Hobsbawm by Vladislav Inozemtsev» in: *Russian Politics & Law* Vol. 43, No. 4, July–August 2005, pp. 69–83).

Возможно, я не слишком патриотичен, но уверен, что если бы США вознамерились атаковать и захватить Россию (представим себе, что ни одна из сторон в этом случае не применила бы ядерного оружия), ей удалось бы установить полный контроль над страной гораздо легче, чем над Ираком. И это относится к любой иной сравнительно богатой стране с европейскими традициями. В таких странах люди более рациональны, и в большинстве случаев они не стали бы пытаться уничтожить нескольких американцев ценою жизни населения целых деревень, как это часто происходит в Ираке (и как это имело место в Советском Союзе в годы Второй мировой войны).

Поэтому мне кажется, что поражение США во Вьетнаме и Ираке (не ставшее еще фактом, но, по моему мнению, неизбежное в ближайшем будущем) обусловлены не столько недостатком у Америки военной мощи, сколько катастрофически ошибочным выбором объекта атаки и постановкой задачи, которая изначально была заведомо невыполнимой. И в такой ситуации, быть может, пока еще несколько преждевременно говорить о том, что американская военная мощь уже ничего не значит в современном мире.

Белл: Но я и не пытался утверждать, что она ничего не значит. Нет, она имеет большое значение, но я не считаю, что у американцев появится решимость начать новые такие предприятия. Произошла потеря какой-то основной жилки. Ядерное превосходство существует. Есть и явное доминирование в обычных вооружениях и подготовке военнослужащих, но отсутствует воля. Значение Ирака, как и значение Вьетнама, состоит именно в этой потере решимости – вспомним еще раз пример Брукса Адамса относительно Великобритании. Случай же провести войну того типа, который Вы описали, – против Китая ли, против России, – Америке уже вряд ли представится. Такие войны сегодня бессмысленны.

Если говорить о Китае, то мне кажется, что КНР в ближайшем будущем столкнется с нарастающими проблемами – в экономике, в финансовой сфере, в вопросах трудоустройства и социального обеспечения сельского населения. Сегодня в Китае больше ста миллионов безработных – как будет государство поддерживать их?

Да, Китай развивается стремительно, и в нем формируется крупнейший в мире средний класс. Но как китайцы справятся с теми трениями и противоречиями, которые накапливаются в обществе? Поэтому я не вижу угрозы со стороны Китая.

Более того, Соединенные Штаты уже не являются индустриальной страной, тогда как Китай выступает именно в таком качестве. Возникает взаимодополнение между знаниями и промышленностью. Какой же смысл может иметь война с Китаем? Или, например, с Индией, которая на наших глазах становится надежным союзником Америки? Сейчас мы поддерживаем Пакистан только в связи с ситуацией в Ираке. Если бы она нашла свое разрешение, у нас не было бы никаких поводов иметь тесные отношения с Пакистаном – если уж нам удалось установить их с Индией.

Но я еще раз повторю: основная проблема состоит в нежелании США быть имперской державой. Я вспоминаю сегодня, как Р. Никсон любил военные парады и демонстрацию силы. Но был ли он империалистом? Не думаю. Французы в свое время были империалистами. Британцы – тем более. Американцы – нет. Мы хотели и хотим гегемонии, но не имперскости. А Вы можете представить себе «гегемонистский империализм»? Что бы это все значило?! Мы никогда никого не колонизировали. И я уверен, что в будущем нежелание устанавливать свою власть в других регионах мира будет только возрастать.

Но есть исключение: Ближний Восток. И причина тому – Израиль. Влияние еврейского лобби часто сильно преувеличивается, но нет сомнения, что Америка в ситуации с Саддамом Хусейном была озабочена в том числе и возможными опасностями для Израиля, исходившими от Ирака. Сегодня его место занял угрожающий Израилю Иран. Поэтому мы боимся ядерного Ирана. Казалось бы, что особенно в очередной «ядерной державе»? У Пакистана имеется ядерное оружие, у Индии тоже, да и у Израиля оно уже давно есть – но здесь единые стандарты не действуют.

Эта проблема стала для США той горошиной, которая не давала спать принцессе из известной сказки. Израиль – что та горошина под десятью перинами, и мы привержены соблюдению его интересов. Тут, как еврей, я должен был бы сказать: и это правильно! Но всему есть объяснение. Я не сионист, и никогда им не был. И я счи-

таю, что израильяне вели и ведут себя неправильно – если не сказать: преступно – в решении многих своих политических проблем, в том числе и в отношениях с палестинцами. Но не это влияет на американское отношение к ним, а история. В 1939 г. в Польше жили три с половиной миллиона евреев – и почти никто из них не уцелел. Из полутора миллионов еврейских детей, находившихся в те годы в

²⁷ 15 ноября 1938 г., сразу же после «Хрустальной ночи» (9/10 ноября 1938 г.) правительство Н. Чемберлена согласилось предоставить временное убежище еврейским детям из Германии, Австрии, оккупированной части Чехословакии и Данцига. Власти гарантировали им пособие для последующей репатриации в сумме 50 фунтов стерлингов (около 4 тыс. долларов в нынешних ценах) и размещение в английских семьях. Вывоз детей был начат 1 декабря 1938 г.; последняя группа была отправлена из Гааги в Англию 14 мая 1940 г., в день капитуляции Голландии. Всего было спасено 11 тыс. человек. В США предложение об участии в подобной же программе помощи обсуждалось только в комитетах Конгресса, но даже не было вынесено на рассмотрение Палаты представителей или Сената.

Восточной Европе, Великобритания стала единственной страной, которая приняла около одиннадцати тысяч человек – по системе так называемого Kindertransport. А США – никого. Просто бросили их на верную смерть²⁷.

Если бы сегодня каким-то невероятным, иррациональным образом мы сподобились вдруг установить с Израилем совершенно обычные, ровные отношения – такие же, какие мы поддерживаем с десятками других стран, – это было бы замечательно! Но как можно забыть о про-

шлом и что делать с теми обидами, теми ненавистью и злобой, которые год за годом концентрируются на Ближнем Востоке? Вы совершенно правы, когда говорите о том, что в отсталых странах сегодня просыпается воля к сопротивлению. Запад сам долгое время учил – и научил-таки – людей ценностям свободы. Но мы даже не предполагали, в какие формы выльется правая или лукавая борьба за подобные ценности в наше время.

Вы правы, говоря о неготовности современного человека подчиняться. И я добавлю: нет ничего более разрушительного для взаимоотношений между людьми, чем унижение. Нельзя унижать человека. Мне вспоминается давняя встреча в Гонконге с вьетнамским маоистом, оставлявшим впечатление невероятно образованного и умного человека. После очередной его тирады о марксизме я сказал: «Неужели Вы во все это верите? Вы ведь настоящий интеллектуал!» – «Да, – ответил он, – но я вырос во Вьетнаме. И я жил в страхе и унижении многие годы французского правления, когда

нас вообще не считали людьми...» Еще до войны в Польше в университетских аудиториях для евреев были введены специальные скамьи – отдельно от остальных студентов. Они отказались сидеть на них, и предпочитали слушать лекции стоя. Унижение – худшее, что может случиться с человеком. И, к сожалению, Америка в наши дни унижает слишком многих – тех же палестинцев, и иракцев, и много кого еще. И как же мы можем выйти из этого порочного круга?..

Иноземцев: Мы говорили о «закате» Америки и «упадке» американского могущества; мы обсудили в той или иной степени проблему соотношения понятий Запада и Европы, Запада и Америки. В таком контексте с неизбежностью возникает вопрос о том, какая сила сможет заменить в будущем Соединенные Штаты, и, если таковая найдется, окажется ли она «антизападной», «незападной» или ей будут присущи основные черты западных обществ, и именно в них она, эта сила, станет искать свои конкурентные преимущества?

Белл: Вы знаете, в истории крайне важен вопрос о сроках; о том, какой запас времени есть у общества для того, чтобы противостоять разрушительным процессам или приспособиться к ним. Позволю себе напомнить, как Э. Гиббон в своей «Истории упадка и разрушения Римской империи» (а этот процесс часто называют моделью сегодняшних перемен) пишет, что с концом правления Диоклетиана Рим вступил «в мрачную эпоху своей истории – эпоху, продолжавшуюся более двух столетий».

Поэтому важно помнить: когда мы говорим об упадке, у нас не должно создаваться ощущения определенности и результата. Упадок – это всегда относительное понятие. Он никогда не бывает абсолютным. И если, например, кто-то намерен рассуждать об упадке Соединенных Штатов, ему необходимо обратить внимание на структурные изменения, скрывающиеся за поверхностью явлений. Мне давно уже приходится подчеркивать: делая определенные прогнозы, мы всегда должны говорить лишь о структурных изменениях, но никогда – об отдельных конкретных событиях.

Основной же структурный сдвиг сегодня – это перенесение промышленного производства из США в Китай и Индию, а также в другие страны, которые выигрывают у нас в ценовой конкуренции. Как только тот или иной продукт становится стандартизированным, издержки производства приобретают определяющее значение, и здесь аутсорсингу уже нет альтернативы. Соединенные Штаты пока компенсируют эти потери, переключаясь на производство услуг и информации, но остальные страны пытаются догнать нас и в этом. Постоянно поддерживается неустойчивое равновесие, хотя в общем и целом можно утверждать, что направление, в котором сегодня движется Америка, – это путь к снижению ее значимости по сравнению с большинством остальных регионов мира.

Если же попытаться ответить на Ваш вопрос, кто сможет заменить Соединенные Штаты, я вернусь к проблеме, которую мы обсуждали накануне, – к природе разобщенного мира. Я не вижу какого-то одного «преемника», по крайней мере в обозримом будущем. И поскольку такого преемника нет, и поскольку другим странам потребуется продолжительное время для того, чтобы догнать Америку по экономическим и технологическим показателям, мы можем быть уверенными, что серьезных катастроф не произойдет в ближайшее время – хотя ближайшие годы не будут стабильными и спокойными.

Однако за всей этой неопределенностью можно разглядеть одну объединяющую все страны мира особенность: каждая из них стремится ныне обеспечить экономический рост. Экономический рост – это своего рода новая общемировая метафизическая религия. Ни в одном государстве Вы не услышите: мы не хотим роста. Весьма вероятно, что реального роста так и не произойдет; не исключено также, что в некоторых странах он практически невозможен, – но все это не причины для того, чтобы правительства добровольно отказались от самой этой цели. Именно концепция экономического роста незримо стоит за всеми теми изменениями, которые мы наблюдаем в современном мире.

В каждом регионе существуют различные факторы, которые позволяют как подстегивать рост, так и блокировать его. Если взять Китай, то основные его черты – это географические масштабы страны и практически неисчерпаемые резервы дешевой рабо-

чей силы, способные поддерживать рост. Мы еще вернемся к проблемам Китая; пока коснемся лишь одного фактора, который позволяет понять, из-за чего в его экономике могут возникнуть сложности. 800 миллионов китайцев живут в сельской местности, но при этом не владеют землей, которую обрабатывают. В Китае, как известно, отсутствует частная собственность на землю. Крестьяне берут свои наделы в аренду у государства – но эта практика может быть когда-то пересмотрена, что способно спровоцировать серьезные политические потрясения. Если в КНР будет введена частная собственность на землю, расстановка сил в стране неизбежно изменится, причем самым радикальным образом; следовательно, тенденции социального и политического развития нельзя сбрасывать со счетов, когда речь заходит об экономическом росте и обеспечении конкурентоспособности. Индия – пример другой великой державы, сталкивающейся с подобными проблемами. Разрыв в уровне развития передовых и отстающих провинций страны с каждым годом нарастает. Хотя штаты Гуджарат и Бангалор по некоторым позициям конкурируют со странами «первого» мира, провинция Бихар, например, остается центром абсолютной бедности при ужасающем дефиците сельскохозяйственных земель.

Вот почему сегодня трудно сказать, сможет ли в будущем какая-то одна страна доминировать в мире – экономически или политически. Это представляется мне маловероятным. Но, возвращаясь к фундаментальному вопросу о влиянии Запада, я предположил бы, что в наступившем столетии оно будет определяться тем, что большинство стран мира выбрали главным ориентиром своего развития экономический рост, который имеет свою внутреннюю логику. Экономическое развитие основывается на рациональных оценках всех возможных факторов: ваших возможностей, масштаба издержек, серьезности и опытности конкурентов, преимуществ вовлеченности в глобальное разделение труда и наконец опасности захвата власти идеологически ориентированными или погрязшими в коррупции политиками. Современная хозяйственная логика предполагает, что экономический рост зависит от того, насколько развит класс интеллектуалов – причем не только экономистов, но и специалистов в естественнонаучных дисциплинах, прикладных исследователей да и образованной страты общества в целом. Рост

не может быть обеспечен людьми, единственное достоинство которых – политическая лояльность власти. Собственно, эта новая степень влияния экономических факторов и признание определяющей роли образованной части общества и отражают в наибольшей мере влияние западных ценностей на современный мир.

Иноземцев: Я позволю себе задать еще один вопрос – он, быть может, подведет черту под этой частью нашего диалога и станет «мостиком», выводящим нас на новую тему. Вы говорите о позитивной роли экономических интересов и экономического развития, но известно, что в Европе и в рамках «западной цивилизации» в целом экономические интересы нередко приводили к серьезным противоречиям, конфликтам и даже войнам. «Экономическая» логика далеко не всегда была логикой мира. Особенно явным это становится, если вспомнить события, происходившие в канун Первой мировой войны. То был период глобализированной экономики; время выдающихся научных успехов и зачаровывающих открытий; новая эпоха Разума, когда будущее человечества выглядело поистине безоблачным. Во главе ведущих держав стояли политики-интеллектуалы, в дискуссиях преобладала гуманистическая риторика. Но, несмотря на все это, в августе 1914 года мир был ввергнут в войну – оказалось достаточно лишь одного выстрела в Сараево. Первая волна глобализации завершилась, и миросистема XIX века осталась в прошлом. Похожие сомнения существуют у меня и сегодня.

Даже если признать, что и Китай, и Индия, руководствующиеся задачей обеспечения хозяйственного развития, не попытаются пойти на конфронтацию с Западом, можно ли полностью исключить вероятность конфликта между западной цивилизацией и «остальным миром»? Можно ли утверждать, что стремление к экономическому росту не просто распространилось повсюду в мире, но и стало преобладающим по сравнению с целым рядом политических, социальных и даже религиозных мотивов и традиций, которыми определялась и определяется во многих уголках мира жизнь населяющих эти уголки народов?

Белл: Давайте проанализируем ситуацию, которая предшествовала Первой мировой войне. В то время страны, которые наряду с

Соединенными Штатами были основными движителями экономического роста, оставались монархиями – прежде всего Германия и Россия. Эти государства имели архаическую форму правления и управлялись представителями помещичьей аристократии. Расширявшиеся экономические возможности вкупе с устаревшими императивами – такими, как желание расширить пределы своего политического контроля, – и оказались главной проблемой. В результате Первая мировая война разрушила Германскую, Австро-Венгерскую и Российскую империи и привела к становлению на территории этих стран совершенно новых общественных структур.

В последовавшие десятилетия другие факторы обусловили невозможность мирного экономического развития, – в первую очередь – подъем нацизма в побежденной Германии. Тревогу вызывало и укрепление Советского Союза; существенные элементы нестабильности проистекали из неустойчивости созданной в 1920-е годы Югославии. И только по завершении Второй мировой войны, а если быть более реалистичным, то по завершении противостояния между СССР и западным миром, возникло ощущение, что будущее Европы представляется преимущественно «экономическим». Никто сейчас не ожидает возрождения европейского милитаризма. Вряд ли мы увидим в будущем сильную европейскую армию. Даже Россия не может позволить себе иметь большую армию, поскольку это становится все более дорогим и сложным делом.

Если считать конец милитаризма в Европе свершившимся фактом, это способно изменить ситуацию в мире. Сегодня политические распри сменяются экономической интеграцией, достигаемой введением единой европейской валюты, унификацией хозяйственного законодательства, преодолением многих устаревших ограничений. Впервые Европа, веками служившая двигателем истории, превращается в сугубо экономический механизм.

Но и США, хотя они и вышли победителями из Первой и Второй мировых войн, не являются и не станут милитаристским обществом в том смысле, что военное сословие окажется в нем доминирующим²⁸. Хотя наблюдается рост военных расходов

²⁸ Следует заметить, что не все современные американские эксперты придерживаются этого мнения; многие крайне обеспокоены нарастанием милитаризации общества (см., напр.: Bacevich, Andrew. *The New American Militarism. How Americans are Seduced by War Supremacy*, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2005).

и влияния военной элиты, а также все более частыми становятся случаи применения силы, современная Америка – это не военизированное общество, каким была Германия эпохи Бисмарка. Соединенные Штаты интравертны, они заняты внутренними проблемами, хотя и поглядывают по сторонам. Американские интересы имеют в основном экономическую природу, тем не менее нестабильность в отдельных регионах мира и, разумеется, рост радикальных идеологий и религиозного экстремизма вызывают у нас беспокойство и даже страх.

Однако не думаю, что правильно противопоставлять «Запад» остальному миру, – прежде всего потому, что этот «остальной мир» не представляет собой какого-то единства. Запад консолидируют сегодня общие экономические интересы, в то время как «остальной мир» включает Китай, Индию, государства Юго-Восточной Азии, страны Ближнего Востока, всю Латинскую Америку и Африку – страны, которые не имеют ни общих интересов, ни, тем более, общих организационных структур.

В статье, в которой С. Хантингтон представил пресловутую идею столкновения цивилизаций (а люди, скажу я Вам, склонны запоминать броские фразы и не всегда задумываться об их смысле), он предположил возможность объединения Китая и Ирана в противостоянии Соединенным Штатам и Западу в целом. Но это бессмыслица. Можно с натяжкой согласиться с тем, что Китай – это особая цивилизация, но относить Иран к единой мусульманской цивилизации – это значит не понимать ее внутренней сложности. Иран – наследник персидской, а не арабской традиции, и потому, например, нет никакого «единства» между ним и Ираком; напротив, совсем недавно они вели друг с другом жестокую войну. Исходный тезис Хантингтона целиком ошибочен, но люди ухватились за его идею, так как ее можно применить практически что к любой конфликтной ситуации, усматривая в ней очередное проявление противостояния цивилизаций. Я же считаю, что разделение мира на «Запад» и «все остальное» бессмысленно, – мы живем в то время, когда мир слишком многообразен, чтобы, как я уже говорил, объяснять его исходя из каких-то единых принципов и «загонять» в единые концептуальные схемы.

2 РЕЛИГИИ И ИДЕОЛОГИИ

Иноземцев: Предлагаю поговорить теперь еще об одной острой проблеме – о соотношении религий и идеологий, об их истоках, их значении и роли в современном мире, об их будущем. Иногда политологи и историки рассуждают о «религиозных и идеологических противоречиях» так, будто они проистекают из одного источника; иногда, напротив, утверждают, что идеологии и религии имеют между собой довольно мало общего.

Мне кажется, что хотя религии и идеологии имеют различные основы, разные истории, хотя неодинаковы их внутренняя структура и логика, на протяжении многих столетий они оказывали на судьбы человечества во многом сходное влияние. В XX веке Европу сотрясали масштабные вооруженные конфликты, порожденные в том числе идеологическими противоречиями; гораздо раньше, с XI до начала XVII века, ее раздирали религиозные войны. Разумеется, и в отдаленном, и в недавнем прошлом идеологические и религиозные мотивы были лишь одним из источников конфликта; доминирующую роль играли геополитические и экономические факторы – но все равно нельзя приуменьшать значение идеологической или религиозной составляющих.

В то же время трудно однозначно охарактеризовать взаимоотношения между религией и идеологией. Существовали и существуют религии, которые, как мне кажется, не создают почвы для формирования идеологии – тут сразу же вспоминается буддизм как своего рода интравертная религия, призывающая человека изменять скорее самого себя, чем окружающий мир (христианство, кстати,

также делает на этом особый акцент). Есть и идеологии, отрицающие религиозную картину мира и выдающие себя за основанные исключительно на рациональных представлениях, как, например, коммунистическая идеология. И только иногда религии и идеологические доктрины «удачно» взаимодополняют друг друга – как, например, в миссионерском христианстве времен Крестовых походов и колонизации Америк или же в современном радикальном исламе. В обоих случаях результаты выглядят ужасающими.

Таким образом, хотелось бы начать с самых очевидных вопросов: сколь родственны религии и идеологии; можно ли (и следует ли) говорить сегодня о том, что идеологии стали достоянием истории (как Вы утверждали в своей известной книге о «конце идеологии»); наконец, действительно ли религиозный фактор обретает прежнюю роль в глобальной политике и этим ли обусловлен подъем религиозных движений? Как это может повлиять на мир в XXI столетии?

Белл: Начну с небольшого комментария. Осмысливая и описывая тот или иной феномен как социолог, я пытаюсь не думать об абстрактных категориях, а анализировать любые социальные явления в их историческом контексте. Не принимая этот контекст во внимание, невозможно постичь суть самих явлений. Не учитывая конкретных исторических реалий, в которых протекает тот или иной процесс или на фоне которых наблюдается то или иное явление, мы обрекаем себя на бессмысленные псевдонаучные спекуляции, бесконечно обсуждая вещи, которых заведомо не сможем постичь.

Все три вопроса, которые Вы сформулировали, представляются мне исключительно важными. Но я позволю себе напомнить о своей книге «Конец идеологии», опубликованной в 1960 году. Бог мой, как же давно это было...

Так вот, в той книге я старался показать, что исторически религиозные конфликты – в частности, противостояние католичества и протестантизма – нередко оборачивались кровью. Да, за религиозным фасадом скрывались конфликты интересов самого разного толка, но все же как риторика противников, так и система убеждений и верований каждой из противоборствующих сторон имели явный религиозный оттенок.

Особенно это проявилось в ходе войн между католиками и протестантами, которые закончились тем, что стороны – и мы уже говорили об этом – признали справедливость принципа «*cuius regio, eius religio*» и подчинили ему появившиеся в Европе «национальные государства».

Однако со временем эта перемена привела к снижению роли религии в жизни общества и распространению светскости (секуляризма), чему способствовали два обстоятельства. С одной стороны, большинство прогрессивных мыслителей XVIII–XIX веков – от Вольтера до Маркса – настаивали на том, что религия основана на суевериях и предрассудках, и потому исчезнет как только люди освоят более рациональные способы осмысления окружающего их мира. Эффективность светского государства лишь добавляла убедительности этой гипотезе. С другой стороны, произошла Французская революция, имевшая огромное значение для утверждения светских идей в народных массах. Религиозный аспект Французской революции не случайно упускается из виду или сводится к описанию проводившихся якобинцами фестивалей – таких, например, как Праздник Высшего существа.

На самом же деле именно в это время религия была, по сути, отодвинута в сторону системой социальных воззрений и мифов, отдельные элементы которой дополняли друг друга. В том виде, в каком эта система сложилась в годы Французской революции, она, быть может, еще и не была идеологией в том классическом смысле, который сегодня вкладывается в это слово, но явно претендовала на роль прообраза идеологий будущего.

Тем не менее сами идеологии также оказались вписанными в контекст истории – тем более что, претендуя на верное объяснение социальных процессов, они сильно теряли в своей популярности, если становилось ясно, что объяснения скорее противоречат реальности, чем проясняют ее. Это хорошо видно на примере Советского Союза конца 1980-х годов, где риторика еще оставалась коммунистической, но идеи коммунизма потеряли широкую поддержку; люди больше не верили в коммунизм. Конечно, далеко не все в СССР разочаровались в коммунизме, – но мнение ортодоксов уже ни на что не влияло, так как большинство, прежде всего практически вся интеллигенция, было теперь не на их стороне.

В то время когда в конце 1950-х годов я писал «Конец идеологии», я не догадывался, каким окажется исторический финал советской системы. Но я подчеркивал, что идеологии преходящи. Последнее, однако, не означало и не означает, что в будущем можно ожидать «конца» любых идеологий; речь шла о том, что неминуемо станет очевидной несостоятельность лишь наиболее масштабных, глобальных идеологий, которые могли тягаться с религиозными доктринами в своих попытках объяснить мир. Заменяя их, на перекрестках истории неизбежно будут возникать другие идеологии, более частные – национализм, пан-арабизм и т. д.

Теперь, прежде чем коснуться современных проблем, нужно определить тот смысл самого слова «идеология», в каком вы намерены его использовать. На мой взгляд, идеология прямо связана с идентичностью – термином, который Вы неоднократно употребляли в нашем разговоре. Но я сказал бы даже больше: это своего рода ее острие. Религия также имеет отношение к идентичности, но служит скорее фоном, антуражем, на котором формируется идеология. Идеологии же мобилизуют массы, и их сила заключена в способности поднять народ или класс на достижение поставленной цели – как правило, кажущейся почти недостижимой или по крайней мере весьма далекой.

Многие современные идеологии и впрямь черпают силу в религии – что не так уж и неожиданно, коль скоро эти идеологии перестали претендовать на универсальный характер. И если сейчас возникает такое переплетение религии и идеологии, надо вернуться к сути религиозной веры и попытаться понять, что заключено в ней такого, что так привлекает человека. Если мы возьмем такой угол зрения, то увидим: прежние представления о религии как о суеверии и вздоре ошибочны, поскольку религия дает людям важные для них ответы на вопрос об их идентичности и обеспечивает им ощущение особого рода «безопасности». Вокруг чего построены все религии? Вокруг идеи загробной жизни. Следовательно, религии позволяют человеку ответить на вопрос, для чего он живет здесь, на земле. Они сообщают, что произойдет с ним после смерти. Неужели там только пустота и забвение? Нет. Привлекательность христианства обусловлена этим обещанием иной жизни, по отношению к которой земное существование – всего лишь прелюдия. В буддизме эту роль играет доктрина реинкарнации, в других рели-

гиях представлены аналогичные идеи. И подобные обещания навечно останутся привлекательными.

Что же касается секуляризма, то я всегда подчеркивал, что это явление имеет два уровня. Обычно говорят об утрате человеком веры, о рационализации жизни. Но неверие всегда относительно – на самом деле, как правило, происходит переосмысление веры; разные верования сменяют друг друга или даже существуют параллельно.

Более принципиальное значение имеют институциональные перемены; духовная власть уступила свои позиции светской. Это произошло вследствие борьбы интересов – политических, экономических, социальных. Реакцией на оба этих процесса – крах религиозных институтов и возрождение интереса к религиозным практикам – становится быстрое развитие альтернативных религиозных организаций и групп, которое идет повсюду.

В Великобритании, например, которую К. Маркс считал самой развитой в индустриальном плане страной в мире, неожиданно расцвел методизм, ведущий историю от братьев Уэсли²⁹. При этом упорство британского рабочего класса в значительной мере объяснялось именно распространенностью методистских верований. Вообще много чего начиналось в форме культов, иногда довольно странных. На протяжении последних ста лет одно из таких движений, которое проявляло себя как культ или, в лучшем случае как странная система верований, превратилось в одну из самых влиятельных религий – мормонизм³⁰, основанный Джозефом Смитом и распространившийся из штата Юта по всему миру.

²⁹ Братья Джон (1703–1791) и Чарльз (1707–1788) Уэсли основали в Оксфорде в 1727 г. студенческое общество (получившее шуточное название «методистов»), члены которого занимались изучением Библии, выступали за неукоснительное следование христианским заповедям и канонам. Они полагали, что каждый христианин способен достичь единения с Господом уже в земной жизни, критиковали англиканскую церковь за формализм и апатию, ратовали за восстановление роли молитвы, причастия и приобщения к священным текстам как инструментам индивидуального обращения в веру. Множество сторонников новое движение нашло в Америке, где братья Уэсли проповедовали в 1735–1737 гг. Сегодня методизм – одно из течений протестантизма, число последователей которого в разных странах мира достигает 75 млн. человек.

³⁰ Джозеф Смит (1805–1844) – американский религиозный деятель, основатель в 1838 г. церкви Иисуса Христа Святых Последних дней (или церковь Мормонов). Стремясь вернуть христианское учение к первоначальной чистоте, Смит «обогатил» его «книгой Мормона» (1829 г.), которую он называл переводом на английский язык священных текстов древних жителей Северной и Южной Америки и считал органичным дополнением Библии. В наши дни число сторонников разных направлений мормонизма достигает 13 млн. человек, в большинстве своем – в США.

Но вернемся к фундаментальным вопросам. Религия сегодня усиливается повсюду в мире – прежде всего в Африке и Латинской Америке. В чем же дело?

Религии нередко процветали в те времена, когда исчезали надежды, когда все остальные типы социальных связей рушились, но как раз это и происходит сегодня во многих частях планеты. Прежние социальные связи разрушаются, и люди перестают понимать, во что они верят, к какой общности принадлежат, кто их друзья, а кто – враги. Поэтому в религиозной жизни братство, община или приход в большинстве случаев оказываются важнее абстрактного символа веры. Людям необходимы сообщества, в которых они могли бы найти духовный приют и ощущение физической безопасности. В результате мы сталкиваемся со странной ситуацией: чем больше в мире социальных расколов и размежеваний, тем сильнее в нем роль религий.

Процесс этот разнообразен, как различны сами люди на разных континентах, как несхожи проблемы, которые перед ними встают. Например, в Латинской Америке стремительно растет число разного рода протестантских сект – и чаще всего в них приходят успешные люди, в том числе и предприниматели. Протестантизм, прежде всего в его радикальных формах, говорят они, дает какое-то особенное чувство защищенности. На другом континенте, в Африке, распространяются ислам и католицизм, которые чистоте веры уделяют больше внимания, чем кодексу поведения. Поэтому, хотя обычно говорится об общей тенденции к росту влияния религии, в каждом регионе планеты за ней стоят свои особые смыслы.

В Китае распространение католицизма происходит на фоне страха перед режимом, мрачной светской диктатурой. Многие боятся властей, но, приобщившись к религии, вдруг начинают понимать, что в душе у них появляется нечто помогающее бороться со страхом, нечто сопротивляющееся разрушению внешними силами... В общем религия стагнирует сегодня только в Европе; во всех остальных частях света, в том числе и в США, она процветает.

Почему? Думаю, всему этому есть свое объяснение. Если в очередной раз вспомнить об идее сообщества, станет очевидным: в

Европе возникло больше устойчивых сообществ³¹, чем где-либо в мире. Здесь люди в меньшей мере нуждаются в конструировании дополнительных идентичностей, принимая свою жизнь такой, как она есть.

При этом сами эти сообщества, или социальные группы, сыграли совершенно особенную роль в жизни европейцев. Если мы обратимся к событиям начала XX века, то увидим, что главные линии социальной стратификации разделяли общество на классы. Классы и представлявшие их организации (взять хотя бы самую сильную политическую партию тогдашней Европы – Германскую социал-демократическую партию) были не только социальными группами, но и сообществами. Люди воспитывались в кругу социалистов, ходили в организованные ими школы, состояли в социалистических кружках, слушали в университетах лекции профессоров-социалистов, в зрелые годы участвовали в социалистических профсоюзах, а некоторых иногда даже хоронили на специальных участках кладбищ, выделявшихся для социалистов. Это было идеальное сообщество – и в следовании его традициям заключена была сила германской социал-демократии.

Ленин, конечно же, восстал бы против такой практики, считая, что она не воспитывает классового сознания. Ответ на подобные возражения можно найти у Самуэля Кампуса, который подчеркивал, что партия стремится воспитывать в своих членах не классовое сознание, а чувство принадлежности, точнее даже – причастности к классу. Но в той же мере и религия, представляющая собой совокупность чувств и верований, разделяемых относительно широким сообществом людей, создает отнюдь не формальные общности; вы принадлежите к церкви, состоите членами прихода или синагоги. Все это – своего рода общинные связи, а когда жизнь человека ломается, он ни в чем не нуждается так сильно, как в понимании близких людей, их привязанности.

Иноземцев: Но это значит, что многие ответы на вопросы, которые мы обсуждаем, с большим основанием можно поискать в социологии...

³¹ Здесь Д. Белл применяет двусмысленный термин «settled communities», которым обычно обозначают оседлые племена и народности. Однако предлагаемый вариант перевода в большей мере соответствует контексту диалога.

Белл: Ну если говорить об американской социологии, то все ее представители занимаются в основном чисто прикладными исследованиями и демонстрируют феноменальную неспособность к соотнесению результатов с какими-то более или менее общими теориями. Особенно это стало проявляться с тех пор, как в качестве такой общей теории практически перестали использовать марксистскую парадигму. К тому же, сегодня особенно ценятся результаты, представленные в математической форме; цель большинства исследований – выявление статистических соотношений, а не причинно-следственных связей. Еще одной нашей бедой стало стремительное распространение этнических и гендерных исследований; социологи берут в качестве важнейших линий социальной стратификации то пол, то этническую принадлежность и выстраивают вокруг них свои теории. Так что в своей узкой специальности социологи могут быть компетентны – но только не в более широких вопросах.

Иноземец: Согласен, что современные работы по социологии (да и не только по социологии, но также и по политическим и экономическим проблемам) как бы мельчают, становятся более «приземленными». Но в то же время хочу заметить, что всего-то лет пятнадцать–двадцать назад книг и статей, в которых предлагались какие-то концептуальные построения, было пруд пруди. Сегодня ситуация изменилась. Мне кажется, что отчасти это связано не только с ошибочной методологией, применяемой американскими исследователями, о чем Вы говорили, но и с изменением самого характера эпохи.

80-е годы принесли с собой множество перемен, которые воспринимались в основном в позитивном ключе; тогда и возникли многие теории, обращенные в будущее. Они как бы «подводили черту» под прошлым. Но затем оказалось, что изменилось немного: мы никуда не ушли ни от экономического неравенства, ни от разделенности мира на «Север» и «Юг», ни даже от «советскости» постсоветского пространства. В мире существуют прежняя экономика и прежние социальные проблемы. Поэтому понятен уход в конкретику. Как я помню, еще Ш. Фурье говорил об эпохах метафизических и диалектических. Порой мне кажется, что мы сей-

час живем в метафизическую эпоху, когда спрос на новые обобщающие теории если и существует, то серьезным образом маргинализован. И отнюдь не убежден, что этот период окажется непродолжительным³². Напротив, есть все основания для обратного.

³² См.: Иноземцев, Владислав. "What Will Be?" в: Ходорковский, Михаил (научный редактор). *Введение в будущее. Мир в 2020 году*. Москва: Алгоритм, 2006, сс. 9–59.

Белл: Человеком, который ввел понятие последовательности развития знания, был О. Конт. Он считал, что восприятие человеком мира сначала является анимистским, или религиозным, затем метафизическим, и только потом – позитивным, или научным. Позитивизм был для него синонимом научности. Проблема же состоит в том, что эти волны знания не сменяют друг друга в человеческой истории, а, скорее, наслаиваются друг на друга, сосуществуя во времени. И это порождает сложности, о которых философы XIX века не пытались задумываться.

Если вернуться к теории Конта, то для него (как, впрочем, и для Маркса) приметой прогресса было преодоление религиозной картины мира. Там, где нет места религии, мир открыт для науки, считал он (Маркс тут придерживался несколько иной позиции и выступал против религии прежде всего потому, что она использовалась господствующим классом для оправдания угнетения классов эксплуатируемых). Конт и Маркс считали, что прогресс науки (или институтов) отвратит народы от религии. Однако этого не случилось – прежде всего потому, что образ жизни и политические структуры общества не замещают веру. Они непостоянны: одни институты сменяют другие, а человеку хочется чего-то более стабильного. Кроме того, остаются вопросы, на которые никто не может дать ответ, не противоречащего мышлям человека о самом себе. Кто создал Вселенную? Как относиться к акту Творения? Существует ли жизнь после смерти? Или же есть лишь ничто в начале и пустота в конце? Людям не свойственно мириться с этими жестокими истинами.

В последние десятилетия, как мы уже говорили, во всем мире отмечается всплеск религиозности. При этом одни религии сосуществуют с другими, и все они – со светскими обществами. Поэтому нельзя говорить о последовательности религий или о смене рели-

гиозного видения мира научным. Конт был первым, кто жестко настаивал на такой преемственности мировоззрений (у его учителя А. де Сен-Симона эта концепция не получила развития); его поддержал в этом Маркс, но все они оказались неправы. Гегель считал, что в конце концов возникнет идеальное воплощение «абсолютного духа», которое вберет в себя все сущее. Возможно... Но мы не имеем никакого представления о том, что есть дух или, шире, сознание.

Сегодня в кругу неврологов, психоаналитиков и исследователей сознания идут нешуточные споры о том, что есть сознание и можно

³³ Даниел Деннет (р. 1942) – известный американский философ, специализирующийся в области философии познания, директор Центра когнитивной философии при Университете Тафта (г. Санта-Ана, шт. Калифорния), автор книг *Consciousness Explained* (1992), *Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness* (1997), *Freedom Evolves* (2003) и *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness* (2003).

ли свести его к одним лишь электрическим импульсам, которыми обмениваются нейроны головного мозга. На этом особенно жестко настаивает, например, Даниел Деннет³³, полагающий, что религия – не столько предрассудок, сколько традиция, которая будет существовать до тех пор, пока психология высшей нервной деятельности и когнитивная психология не дадут ответа на все вопросы о том, как функционирует человеческое сознание и что оно вообще собой представляет. Сегодня кажется, что именно неврология становится «звездой» на небосклоне позитивистской философии. И Деннет только что закончил работу над книгой против

³⁴ Вероятнее всего, имеется в виду книга: Denett, Daniel. *Breaking the Spell: Religion as a Natural Phenomenon*, New York: Viking, 2006.

³⁵ Хилари Патнэм (р. 1926) – выдающийся американский философ, специалист в области теории и философии познания и теории символов, в 60-е годы – левый марксист. Почетный профессор Гарвардского университета, в 1976–1978 гг. – президент Американской философской ассоциации, автор более 30 книг, среди которых *Philosophy of Logic* (1971), *Meaning and the Moral Sciences* (1978), *The Many Faces of Realism* (1987), *Realism with a Human Face* (1990), *The Threefold Cord: Mind, Body, and World* (1999) и *Ethics Without Ontology* (2004).

религии³⁴; я хорошо его знаю, это исключительно интересный и достойный человек...

Но вот другой пример. Много лет подряд я вел здесь, в Гарварде, методологический семинар с моим коллегой Хилари Патнэмом³⁵. Хилари Патнэм, вероятно, лучший из американских философов. Когда мы с ним сотрудничали, он был маоистом, а в последние годы ударился в религию. При этом он отделяет свои религиозные взгляды и уча-

стие в общественной жизни от своей работы, оставаясь гением аналитической философии. А ведь когда-то он был первым человеком, разработавшим философские основания всей компьютерной науки, и создал ряд фондов, занимавшихся финансированием естественнонаучной философии!

Итак, нет никакой последовательности вариантов мировосприятия. Они сосуществуют, и нам придется с этим смириться и сжиться. И когнитивная философия – это, несомненно, и наука, и религия грядущих дней. Она уверенно проникает в самые разные теоретические дисциплины, включая экономику. Возникает специальная область знания – социобиология, которая, по словам моего коллеги Эда Уилсона³⁶, скоро придет на замену традиционным общественным наукам. Социобиология сегодня вообще практически не признается обществоведами и формально никак не включена в систему гуманитарного знания, но она стремительно распространяется и обретает сторонников. Сегодня среди ученых наблюдается повальное увлечение Ч. Дарвином. Это кажется на первый взгляд странным. Почему? Потому что теория высшей нервной деятельности нуждается в предшественниках. И Дарвина сегодня представляют как одного из ее праотцов. Значит ли это, что мы наблюдаем явный прогресс науки? В некоторых сферах, да; но в некоторых – нет...

Как бы то ни было, в современном мире – хотя это и воспринимается многими как что-то неожиданное – религия укрепляет свои позиции повсюду, за исключением Европы. Россия занимает в этой картине совершенно особое место, так как в стране по-прежнему задают тон централистские тенденции и практики. Церковь, Русская православная церковь, в последние годы пользуется открытой поддержкой со стороны государства, так как власти полагают, что в случае необходимости она может быть им полезной, – но это приводит лишь к тому, что остальные конфессии ощущают себя обделенными. И мне кажется, что это обернется серьезными неприятностями, так как Русская православная церковь – это

³⁶ Эдвард Осборн Уилсон (р. 1929) – американский биолог и натуралист, профессор Гарвардского университета, создатель концепции социобиологии и теории «научного гуманизма», автор множества книг, в том числе *Sociobiology: The New Synthesis* (1975), *Genes, Mind and Culture: The Coevolutionary Process* (1981), *The Diversity of Life* (1992), *Consilience: The Unity of Knowledge* (1998) и *The Creation: An Appeal to Save Life on Earth* (2006).

зашоренная организация, насквозь пронизанная духом подчиненности и контролем сверху; я не думаю, однако, что общество – а Церковь в особенности – может быть успешным, если оно организовано подобным образом.

И тут мы подходим к заданному Вами фундаментальному вопросу – о сложных отношениях религии и идеологии в современном мире. Считаю, что религии сейчас становятся основаниями, на которых формируются социальные движения, теми «матрицами», в которые они вписываются. Однако сами эти общественные движения идеологичны, поскольку создаются как своего рода армии, которые должны быть мобилизованы для решения вполне конкретных задач – от достижения определенных целей до победы над оппонентами. Имеются ли сегодня идеологические конфликты? Да, в том смысле, что идеологии служат своего рода таранами, которые используют энергию человеческой мобилизации. Однако все чаще и чаще за этой идеологической оболочкой скрываются религиозные основы.

Иноземец: Да, профессор, Вы предложили очень интересные соображения, которые требуют продолжительного и спокойного осмысления. Пока же мне хочется задать еще один вопрос, развивающий эту тему.

Мне кажется, что, хотя в последнее время много говорят о конфликтном потенциале межконфессиональных отношений, существует примечательная закономерность. Известно, например, что в Европе христианство обрело господствующие позиции еще во времена упадка Римской империи. За исключением периода вторжения арабов в VIII веке и турок в XV-м, этому господству никто не угрожал. Тем не менее именно в Европе произошли самые жестокие религиозные войны, ставшие – отметим это особо – войнами между людьми, которые верили в одного Бога. Все пошло от зарождения кальвинизма и лютеранства, от разрыва Генриха VIII с Римом и т. д. В результате крови пролилось немало.

Или посмотрите на Ирак. Сегодня страна находится на грани гражданской войны не столько из-за сопротивления американцам, сколько из-за вражды между суннитами и шиитами – также предста-

вителями двух ветвей ислама, чьи пути разошлись бог весть когда и по какой надуманной причине. В то же время (если, конечно, не принимать во внимание не слишком, как нам обоим кажется, основательную теорию «столкновения цивилизаций») история знает не так уж много примеров межрелигиозных войн. Даже битва при Пуатье воспринималась как важнейший эпизод борьбы европейцев³⁷ против арабов, но не христиан с мусульманами. Сами арабы тоже были озабочены, как молодая нация, территориальной экспансией, а не принесением другим народам заветов Пророка. Завоевание ими Северной Африки правильнее было бы поставить в один ряд с великими переселениями народов, которые хронологически совпали с упадком и разрушением Римской империи. Так что нынешнее присутствие американских и британских войск в Афганистане и Ираке может оказаться самым жестоким и кровавым «межрелигиозным» конфликтом в истории (я предложил бы такую провокационную формулировку тем, кто привержен хантингтоновской идее). Могли бы Вы прокомментировать эти соображения?

Белл: Неплохая цепочка рассуждений, но из Вашей картины выпадает один важный элемент – Крестовые походы. Они несомненно выглядели войной между христианством и исламом. И они принимали разные формы – взять хотя бы детские крестовые походы³⁸. Мы имеем дело с масштабной мобилизацией, наблюдавшейся по всей Европе. Позже ответом стала мощная консолидация и мобилизация на Востоке. Символом первой можно считать Ричарда Львиное Сердце; символом

³⁷ Согласно практически единодушному мнению историков, сами понятия «Европа» и «европейский» получили широкое распространение в VIII–IX веках и впервые были использованы для описания армий под командованием Карла Мартелла, противостоявших арабам при Пуатье (см.: McCormick, John. *Understanding the European Union. A Concise Introduction*, Basingstock, New York: Palgrave, 1999, pp. 33–34).

³⁸ «Детский крестовый поход» – название, данное позднейшими историками ряду реально имевших место в 1212–1213 гг., а также вымышленных, но относимых к тому же периоду событий. Речь в общем и целом шла о массовом движении детей и подростков, ведомых несколькими подростками-проповедниками из Германии, Франции и Валлонии, считавшими, что способны вернуть христианам Иерусалим, незадолго до этого отвоеванный Саладином. Наиболее распространенная версия событий состоит в том, что дети общим числом около 20 тыс. добрались до Южной Италии, где часть из них погрузилась на корабли и лодки, предоставленные местными жителями. Никто не добрался до Святой Земли; часть погибла при крушении кораблей, часть была отнесена бурей к берегам Северной Африки и продана там в рабство. Существует и ряд иных трактовок этих событий.

³⁹ Ричард I, или Ричард Львиное Сердце (1157–1199) – граф Анжуйский, герцог Нормандии и король Англии с 1189 г. Совместно с Филиппом II, королем Франции, возглавил силы христиан в III Крестовом походе. Поход принес лишь частные успехи, в том числе захват Аккры в 1191 г. и разгром Саладина в битве при Арсуфе 7 сентября 1191 г. На обратном пути Ричард I был захвачен в плен императором Священной Римской империи Генрихом VI и провел в плену более двух лет. Саладин, или Салах-аль-Дин (1138–1193) – курдский военачальник, основатель Айюбидской династии, правившей в Египте, Сирии, Йемене и Ираке. Консолидировав в 1170–1176 гг. свою власть над Египтом и Сирией, он потерпел поражение от армии крестоносцев в 1177 г. и заключил мирный договор с ними в 1178 г. Однако в ответ на инициированную христианами блокаду торговых путей в Красном море и в отместку за разгром ими каравана паломников, совершавших хадж в 1185 г., он начал военные действия против крестоносцев, завершившиеся взятием Иерусалима 2 октября 1187 г. В 1192 г. после поражения от армии Ричарда Львиное Сердце он заключил с ним соглашение, гарантировавшее безопасность христианских миссий в Иерусалиме и свободный доступ европейских паломников к святым местам.

дело с типичным примером войны между представителями разных конфессий.

⁴⁰ Не исключено, что в этом случае Д. Белл ошибается. Мусульмане построили две наиболее крупных мечети на Храмовой горе после первого завоевания Иерусалима в конце VII века н. э. Это так называемый Купол над местом святилища храма Ирода Великого, заложенный около 690 г., и мечеть Аль-Акса, возведенная в 710–715 гг. После возвращения Иерусалима под контроль мусульман в 1187 г. новых крупных мечетей над Стеной плача не возводилось.

го человека. В наше время все части мира стали более досягаемы, и это отчасти меняет ситуацию.

второй – Саладина³⁹. Таким образом, можно считать, что этот конфликт имел все же преимущественно (если даже не всецело) религиозную подоплеку.

Однако нужно иметь в виду, что такая мобилизация имела вполне конкретный повод. У последователей любой религии есть символические и священные места, а здесь символы и святыни христианства и ислама воплощались в одном и том же городе – Иерусалиме. Именно поэтому поначалу христиане так отчаянно стремились захватить Иерусалим, а затем арабы десятилетиями столь же упорно пытались отнять его у них. В конце концов мусульмане преуспели в своих попытках и впоследствии отметили свою военную победу строительством новой большой мечети над Стеной плача⁴⁰. Поэтому в данном случае мы действительно имеем

Однако в прошлом территории, на которых были распространены те или иные религии, были разделены в пространственном отношении. В Средние века европейцы не могли предпринять попыток захватить Китай – он попросту слишком далеко отстоял от Европы. Марко Поло побывал там, но это было единичное путешествие, поездка одного

С довольно давних пор здесь, в Гарварде, историки стали называть религиозные войны войнами за истину. И это действительно так. В подобных войнах противники считали, что один из них постиг истину, а другой – нет. Что одни будут спасены и предназначены к вечной жизни, другие – нет. Поэтому в этих войнах всегда присутствовали ощущения превосходства и отверженности. «Холодная война» между Советским Союзом и союзными Европой и Соединенными Штатами тоже в некотором смысле была войной за истину, но не в полной мере. Она началась в таком качестве, потому что марксисты полагали, будто их идеи в скором времени завоюют весь мир. Но затем им пришлось отступить от этого замысла. Вы, быть может, помните старую шутку о том, что сначала коммунисты пытались построить социализм во всем мире, потом – в отдельных странах, а смогли это сделать только в рамках «отдельно взятой» семьи – как это было, например, в Румынии или Северной Корее...

Почему так произошло? Во многом потому, что социалистические страны не могли полностью игнорировать экономические факторы, находиться вне мирового хозяйства, отказаться от торговли с Западом. Между тем очень трудно вести «войны за истину», когда вы зависите от торговли с врагами. Развитие торговых и экономических контактов положило конец хотя бы части авторитарных режимов и устранило некоторые элементы противостояния времен «холодной войны». Карл Шмитт⁴¹, сам по себе ужасный человек, говорил, что в политике есть друзья и враги, а в экономической жизни – лишь конкуренты. В современном мире народы оказываются именно конкурентами, а такое отношение предполагает определенный уровень стабильности и взаимозависимости. И никто в такой ситуации не может играть в игру с нулевой суммой, а религиозные войны представляли собой именно такой тип «игры», в которой не было места компромиссам. В результате стали появляться исключения, а правила начали становиться все мягче. Так, например, католическая церковь до сих пор утверждает, что существует только одна истинная вера. Однако ее иерархи

⁴¹ Карл Шмитт (1888 – 1985) – немецкий философ и политолог правового толка, член НСДАП с 1933 г., автор книг «О диктатуре» (1921) и «Политическая теология» (1922), в которых он обосновывал исключительные возможности и полномочия государственной власти.

понимают, что такое представление почти невозможно утвердить в большом обществе. Поэтому они допускают исключения. Они пытались, да и в наши дни порой пытаются, контролировать круг чтения людей, осуждать те или иные книги, фильмы или песни, но понимают, что полный успех тут невозможен. Пытаясь навязать определенные истины целой стране, вы неминуемо вынуждены будете использовать насильственные методы, что приведет к конфликту, подобному прежним «войнам за истину».

Таким образом, если имеет место развитие торговли, возникает ситуация, о которой мы уже говорили: современный мир имеет одно важное отличие, а именно – экономические представления о мире, когда источником богатства становятся не грабеж и насилие, а рост производительности, достижимый преимущественно в условиях мира. Идея производительности изменила мир, отвергнув все предшествовавшие ей представления об источниках богатства.

Все великие войны прошлого во многом определялись личностью одного человека. Достаточно вспомнить, например, Чингисхана, вождя монголов, разрушившего десятки царств. Есть и более древние примеры – в первую очередь совершенно уникальный, связанный с человеком, который вознамерился управлять всем миром, так как был в глубине души уверен, что этот статус сделает его богом. Разумеется, я имею в виду Александра Великого. Он направил свои войска в Египет не просто для грабежа, но и с тем, чтобы выведать у египетских жрецов тайны бессмертия. Это, конечно, можно отчасти объяснить личностью его наставника, Аристотеля. В этом случае в одном человеке совместились воин и интеллектуал. Александр не был подобен Чингисхану. Он был таким же жестоким правителем, таким же блестящим полководцем, но он не стремился к простому уничтожению одного народа за другим, потому что хотел покорить и укротить персов и египтян – и стать их новым богом. В новое время единственным человеком, которого в какой-то мере можно было бы поставить в этот ряд, был Гитлер, также стремившийся стать своего рода высшим существом. Сталин?.. Мне кажется, что сравнивать Сталина с Гитлером (что сейчас довольно-таки модно) неправильно. Сталин ощущал себя частью широкого исторического процесса, а Гитлер – единственным воплощением идеи

исключительности арийской нации, триумфа германского народа. Поражение, которое в конечном счете он потерпел от русского народа, стало поражением, нанесенным идеологией квазирелигиозной доктрине.

Итак, вопрос о религиозных войнах предполагает понимание того, что мы имеем дело именно с войнами за веру, за истину, а не просто за обладание территориями. Единственным символическим местом, где эти понятия пересекаются, стал Иерусалим – город, священный и для христиан, и для иудеев, и для мусульман. Он не мог не вызвать конфликта, так как если место священо, оно не может быть священо наполовину, и если кто-то считает его священным, он не верит, что оно священо и для других. Святость всегда едина и нераздельна – в этом сама ее суть.

Иноземцев: Пока Вы говорили, а я размышлял над сказанным, мне в голову пришла вот такая странная мысль. Понимание религиозных войн как войн за веру, за правду, за истину вполне оправданно. Столь же очевидно, что религиозных истин не может быть много; если я верю во что-то, то не могу допустить, что моя вера равнозначна и равноправна вере других. Я должен быть уверен в превосходстве своей веры – в противном случае для веры как таковой у меня не останется оснований.

Следовательно, утверждаясь в своей вере, последователь любой религии воспринимает себя как особое существо, познавшее и испытавшее то, до чего неверные не могут подняться. Происходит логичное приближение себя к Богу и дистанцирование от него всех прочих. И вот тут возникает вопрос, на который я не нахожу ответа. Если я действительно ощущаю себя каким-то более высоким по отношению к другим людям существом, зачем мне стремиться к распространению моей веры? Разве в таком случае я не уравниваю себя с теми, кто еще вчера был недостоин постичь моего Бога? Почему прозелитизм был и остается так свойствен всем великим религиям, которые тем самым принижают, если не отрицают, свою собственную исключительность?

Мне лично кажется, что приверженцам великих религий должно льстить то, что они способны взирать на всех остальных свысока, как на невежд, не постигших истину. Ведь истину всегда счи-

тали чем-то скрытым от глаз непосвященных – так зачем же знакомить их с ней, к тому же еще насильственным образом? Достаточно вспомнить, к примеру, масонские ложи, члены которых никогда не пытались «раствориться» в массах. Я пытаюсь понять предназначение миссионерства, но не могу.

Белл: Я хотел бы обратить Ваше внимание на два обстоятельства. С одной стороны, иногда объяснение выглядит довольно простым – как, например, в случае с исламом. Само слово «ислам» означает «подчинение». Человек должен подчиняться. И его приверженцы выбирают подчинение – доктрине, символу веры, мусульманским богословам. Конечно, отношения суннитов и шиитов омрачаются вопросом о том, кто кому должен подчиняться и почему, но это нас не касается...

С другой стороны – в свое время я писал об этом, – существует и более универсальное объяснение, которое я позаимствовал у Гегеля из его «Феноменологии духа». В этой книге есть большая и чрезвычайно убедительная глава, называющаяся «Господин и раб», в которой Гегель излагает довольно странный тезис о том, что с первой же встречи любые два человека изготавливаются к смертельной схватке. Вы сразу же хотите спросить: но почему? Почему люди не способны любить друг друга, как обязывает их к тому Священное Писание, или хотя бы рационально сотрудничать для взаимной выгоды?

На это Гегель отвечает, что человек – это уверенное в своей безнаказанности существо, которое стремится к постоянному расширению своей власти, и остановить в этом его может только смерть. Каждый из людей знает, что смертен. Многие надеются на продолжение жизни в потустороннем мире, но никто не может быть в этом уверен. И Гегель спрашивает (тут его мысль пересекается с фрейдовской): как можем мы защититься от ощущения смертности? С одной стороны, можно найти бессмертие в детях, чьи мысли о смерти сводятся к тому, что с ними этого просто не может приключиться. С другой – можно утешиться фантастическими иллюзиями всемогущества.

Человеку свойственно увлекаться идеями всемогущества и универсальности. Фауст говорит в трагедии Гёте, что если ему не удастся обрести божественное знание, он вынужден будет признать свое

родство с земляным червем. Стремление к всемогуществу – у нас в крови. А что произойдет, если одна «всемогущая» личность встретит другую? Два всемогущих существа не могут сосуществовать одновременно в тех же пространственных рамках. Одно из них должно или подчиниться другому, или умереть. Существует непреодолимая дихотомия господина и раба. В этом мне видится фундаментальное психологическое, психоаналитическое, интимное в своей сути объяснение непреходящей, воссоздающейся от века к веку неизбывной конфликтности межличностных отношений.

И я хотел бы добавить, что особая сила этой гегелевской главы о господине и рабе заключается в том, что в ней господин и господство изображаются не как тиран и доминирование, а как носитель верховной власти и само превосходство. Господство предполагает не столько подавление, сколько превосходство, властвование. Жажда властвования, по сути, вытекает из стремления к всемогуществу. Сталин в этом отношении может быть интересным примером. Известно, сколь последовательно он уничтожал Зиновьева, Каменева, Бухарина, Радека – всех, кто когда-то и в чем-то демонстрировал свое превосходство над ним. Ленин к тому времени уже не представлял собой проблемы – потому что был мертв. Могу привести одну историю в подтверждение.

Я был хорошо знаком с Марекон Зборовски, антропологом и философом, входившим в число близких друзей Троцкого. Архивы Троцкого, как Вам, может быть, известно, хранились в Париже, в филиале Института социальной истории, под присмотром Бориса Николаевского⁴². И настал день, когда они исчезли, – а всего несколько человек вообще знали, где они в тот момент находились.

⁴²Борис Николаевский (1887–1966) – русский революционер, член РСДРП с 1901 г., в 1903–1906 гг. – большевик, с 1906 г. – член меньшевистского крыла партии. С декабря 1917 г. – хранитель архива РСДРП; с 1919 г. – управляющий Московским историко-революционным архивом. В 1921 г. арестован и выслан из РСФСР в Германию. С 1924 по 1932 г. сотрудничал с Институтом Ленина при ЦК ВКП (б) и Институтом Маркса и Энгельса при ЦИК СССР, собирая в Европе архивные документы по истории социал-демократического движения. В 1933 г. сыграл решающую роль в спасении от нацистов архива К. Маркса и Ф. Энгельса, перевезя его в Париж, в местное отделение амстердамского Института социальной истории. В 1936 г. из этого института была похищена значительная часть архива Л. Троцкого, о чем и упоминает Д. Белл. В 1940 г. переехал в США, где считался одним из лучших специалистов по внутренней политике СССР. Автор сотен книг и статей, он известен прежде всего как выдающийся архивист; в 1963 г. он продал свой архив (около 300 фондов) Гуверовскому институту войны, революции и мира при Стэнфордском университете, но заведовал им до конца жизни.

Зборовски рассказывал мне, как Николаевский вышел на контакт с людьми из НКВД и попытался прояснить ситуацию, поскольку ощущал себя в большой опасности: ведь он был одним из двух или трех человек, кто знал об архивах, и друзья могли заподозрить его в предательстве. Ему ответили: мы выкрали архивы, потому что хотели сделать товарищу Сталину достойный подарок ко дню его рождения. Все ради того, чтобы позволить человеку верить в свое всемогущество...

Это, конечно, отдельный случай – но он возвращает нас к тому, с чего я начал: к жажде всеисильности. Религии основываются именно на ней, как бы «организуя» это стремление через расширение круга «всемогущих». Религии убеждают людей, что они правы в своей вере, что в будущей жизни они неминуемо обретут Царствие небесное, и что каждый из них – это один из тех избранных двенадцати (или пятисот, или ста сорока четырех тысяч), кто твердо стоит на стороне Бога в войне со злом...

Иноземцев: Ваши рассуждения о религии, как и о том, что обусловливает миссионерскую деятельность и противостояние между отдельными конфессиями, очень впечатляют. При этом Вы подчеркнули, что религия служила и служит очень важным инструментом самоопределения человека, формирования того, что нередко называют идентичностью. Само это понятие достаточно ново; по крайней мере, в социологическом дискурсе оно совсем недавно вышло на передний план, и потому мне хотелось бы подробнее сосредоточиться на связанной с ним проблематике.

Когда сегодня говорят о конфликте цивилизаций, имеют в виду прежде всего религиозный аспект. Считается, что религия налагает самый сильный отпечаток на идентичность человека. Однако существуют и другие социальные общности, которые Майкл Уолцер, например, именует недобровольными сообществами⁴³, – такие, как

⁴³ Подробнее см.: Walzer, Michael. *Politics and Passion. Toward a More Egalitarian Liberalism*, New Haven (Ct.), London: Yale Univ. Press, 2004, pp. 1–12.

этнические или национальные. На идентичность человека влияют также его социальное положение и статус; принадлежность к определенному классу или профессии; то, является ли он членом того или иного общества «с рождения» или стал им по собственному выбору, и т. д.

В связи с этим у меня возникают два вопроса. Во-первых, насколько велика в современной ситуации роль религиозного и идеологического факторов в определении идентичности человека, является ли эта роль преобладающей, или же на первый план могут выходить какие-то иные обстоятельства? Во-вторых, как велика вероятность формирования более широких и в то же время не располагающих к конфликтам форм идентичности, которые могли бы объединить целый ряд особенностей, сплотить представителей тех социальных групп, которые не проявляют враждебности по отношению друг к другу, но в то же время и не обнаруживают очевидной общности?

Попытаюсь пояснить, что именно имею в виду. В последние годы в политологической литературе получил довольно широкое распространение оригинальный термин – «европейскость». Еще пять-шесть лет назад он практически не упоминался, но сейчас применяется все более охотно. Можно ли, на Ваш взгляд, серьезно относиться к перспективе формирования общеевропейской идентичности – не «христианской», не «французской», не «буржуазной» или «пролетарской», а европейской? Не выглядит ли это определение слишком широким и всеобъемлющим – ведь любая идентичность предполагает противопоставление, своего рода «отделение», одного человека от другого? Итак, если еще раз повторить эти два вопроса: какова роль религии и идеологий в формировании идентичности? Сколь широкой может быть эта идентичность?

Белл: Да, Вы задали очень непростой вопрос – и я попытаюсь усложнить его еще больше. В современных обществах происходит постоянное умножение числа ситуаций, в которых приходится действовать человеку, а те роли, в которых он выступает, переплетаются и становятся все более разнообразными. В прошлом, например, большая часть человеческой активности осуществлялась в рамках семьи. Существовало семейное хозяйство – ферма или мастерская, дети получали образование в семье, семья была основным общественным институтом, и т. д.

Потом все изменилось. Характерной чертой современного человека (за исключением, быть может, работников, занятых посто-

янно на одной работе) оказалась множественность ролей, которые он играет в обществе. У меня несколько ролей: я отец, интеллеktуал, преподаватель, гражданин Соединенных Штатов, наконец, я еврей. То же самое и с Вами: Вы – российский гражданин, русский, профессор, издатель, автор нескольких книг, предприниматель-финансист. По мере того как число социальных ролей, которые играет человек, растет, они начинают пересекаться и даже дублировать друг друга. В такой ситуации значение роли определяется тем, в какой мере ее выполнение обуславливает те или иные обязательства. Например, студент может прийти ко мне и попросить одолжить ему пять долларов. Я отвечаю: я твой преподаватель, и нахожусь здесь для того, чтобы учить тебя, а не ссужать тебе деньги. Для этого ты можешь обратиться в банк или студенческую кассу взаимопомощи. Моя роль в этом случае определяется моими обязанностями.

Определение роли зависит и от ситуации. Вы можете сказать: я ощущаю себя москвичом в поездках по России; россиянином, когда бываю в Европе, и европейцем, если оказываюсь в Азии или Латинской Америке. Но тогда кто Вы «на самом деле» – москвич, россиянин или европеец? Это определяется почти исключительно ситуацией, в которой Вы находитесь.

«Европейскость» – это обозначение той ситуации, которая уже реальна. Прежде гражданин Испании мог считать себя андалузцем, или каталонцем, или баском внутри страны и испанцем за границей. Сегодня он намного чаще оказывается в ситуациях, которые требуют самопричисления к большей общности. Встретив этого человека на научной конференции, я буду судить о нем не по его акценту, а прежде всего по складу ума – и почти наверняка сочту его европейцем. Появление европейской идентичности – это естественный процесс. Сегодня мы нередко забываем о том, что еще недавно у многих из нас имелись «универсальные» идентичности. Возьмем, к примеру, католицизм. Если человек определял себя как католик, его испанское, или итальянское, или французское происхождение отходило на второй план. Оно становилось гораздо менее существенными, чем его принадлежность к католической церкви. Этот порядок был разрушен Реформацией, а затем и ростом противоречий между отдельными католическими церк-

виями. Сейчас понимание единства европейцев возвращается – но на новой, пока не вполне понятной основе.

Однако часто в тех случаях, когда мы сталкиваемся с пересекающимися или наслаивающимися друг на друга идентичностями, вопрос о причислении человека к той или иной общности становится более значимым. В течение многих десятилетий в Соединенных Штатах далеко не все выходцы из латиноамериканских стран называли себя «гражданами латиноамериканского происхождения», Hispanics; многие стремились к скорейшей интеграции. Все это закончилось с возникновением определенной практики, называемой «утверждающим действием». С этого момента люди получили возможность претендовать на исключения и привилегии на основе своего происхождения. И с этого момента национальная и этническая составляющие идентичности стали более значимыми. Можно даже вспомнить анекдотические ситуации – к примеру, когда несколько групп евреев-сефардов потребовали некоторых привилегий, предоставляемых латиноамериканцам, – на основании, что они также относятся к Hispanics⁴⁴. Таким образом, определения идентичности никогда не бывают теоретическими и абстрактными; они в большинстве случаев зависят от ситуации и обстоятельств. В основном политических, но иногда обусловленных и экономическими факторами.

Можно ли сказать о человеке, который похож на китайца, что он китаец? Да, можно. Но что это будет значить? Узнаем ли мы, кто он – иммигрант, осевший в Калифорнии, гражданин КНР или житель Тайваня? Нет. Но эти вопросы вообще могут перед нами не встать, если мы просто хотим перебраться с ним несколькими китайскими фразами. Так что контекст имеет большое значение, если речь заходит о том, какие факторы определяют идентичность человека. Более того; люди могут иметь разные идентичности в зависимости от того, кем они себя ощущают. Как я уже, может быть, Вам говорил, мой племянник – известный врач. Он воспри-

⁴⁴ Сефардами обычно называют евреев, происходящих из Испании и Португалии (в том числе и потомков тех, кто жил там до изгнания иудеев из Испании в 1492 г. и Португалии в 1497 г.). В последнее время этот термин стал применяться и к евреям – выходцам из стран Северной Африки и Ближнего Востока (в противопоставление ашкенази – евреям из восточноевропейских стран), которых ничто не связывает с Испанией, кроме канонных богослужения, перенятых ими у евреев, проживавших до конца XV века на Иберийском полуострове.

нимает себя прежде всего именно в качестве врача – то есть первичной для него оказывается профессиональная идентичность. Иногда как врач он обнаруживает большую общность интересов и ценностей с немецкими, бразильскими или русскими врачами, чем со своими соседями-американцами. Быть доктором – это его предназначение и смысл всей его жизни.

Иногда подобная идентичность закрепляется в степенях и званиях. В таком случае звание говорит само за себя. Я, например, профессор. Один из моих добрых друзей – судья. Чуть выше по моей улице живет настоятель университетской церкви. Ко всем нам нередко обращаются именно как к профессору, судье или священнику. В связи с этим мне вспоминается хорошая история – не анекдот, а истинная история, которая вошла во многие учебники. В начале XX века в США пользовался широкой известностью Букер Вашингтон, борец за гражданские права негров⁴⁵. Однажды его пригласили в Белый дом на прием, который устраивал Теодор Рузвельт. Там оказался также редактор газеты, популярной во всех южных штатах.

⁴⁵ Букер Вашингтон (1856–1915) – один из лидеров движения за равные права афроамериканцев в США в начале XX века, известный своей публицистической и образовательной деятельностью. Доктор Гарвардского университета (1896 г.) и почетный профессор Дартмутского колледжа (с 1901 г.).

На фотографии, опубликованной в «Нью-Йорк Таймс», были изображены Б. Вашингтон и этот редактор, пожимавшие друг другу руки. Когда редактор вернулся к себе в Техас, коллеги спросили его: «Неужели Вы были в Белом доме вместе с Букером Вашингтоном?» – «Ну был», – ответил он.

– «И Вы пожали ему руку?!» – изумлялись его друзья. – «Если президент представляет вам кого-то, вы не можете его не поприветствовать». – «И Вы с ним разговаривали?» – «Да, я с ним разговаривал». – «Но ведь Вы же не обращались к нему “мистер”?» – «Нет, не обращался». – «Так что же, неужели Вы говорили “ниггер”?» – «Конечно, нет!» – «Но тогда как же Вы называли его при разговоре?» – «Я обращался к нему “профессор”». Видите, он выбрал звание – и совершенно понятно, почему. Обращение «мистер» подспудно предполагает равенство; словечко «ниггер» – превосходство; а обращение «профессор» дает единственную возможность избежать субъективной оценки, перевести разговор в своего рода нейтральную плоскость.

Иноземцев: Многое из того, о чем мы сейчас говорили, в частности, и проблема множественной идентичности, иллюстрируемая примером самоопределения человека как москвича, россиянина или европейца, уже стало своего рода общим местом и предметом рассмотрения в популярной литературе. Мне же хотелось бы еще раз повторить свой вопрос в несколько иной форме.

В работах европейских социологов в последние годы часто встречается понятие «европейскость», смысл которого раскрывается редко (и, возможно, остается не до конца понятным даже самим авторам). Можно утверждать лишь, что речь идет о какой-то комплексной идентичности, не похожей на те, с которыми мы привыкли сталкиваться прежде. Например, Вы говорили о католичестве. Если человек определяет себя как католик, не возникает особых сомнений в том, что он имеет в виду – он верит в некие догмы, участвует в богослужениях, разделяет христианские ценности. И это в равной степени касается и испанских, и французских, и польских католиков.

Европейскость тоже апеллирует к ценностям, однако несколько иным образом. Человек может сказать о себе, что он европеец, так как происходит из Испании, или Греции, или Франции. Но говорить, что он является носителем европейскости, может и человек, не имеющий к Европе прямой принадлежности. Несмотря на то что никто не определяет «европейскость» сколько-нибудь однозначно, термин этот становится все более распространенным. Можно ли, по Вашему мнению, говорить о каком-то наборе ценностей, которые оказываются не столько «западными», сколько именно «европейскими»? И еще: когда мы говорили о вестернизации, я согласился с Вами в том, что этот процесс имеет место в смысле распространения рационализма, новых принципов ведения хозяйства и технологий, которые были созданы в западных странах. Но можно ли говорить о «западности», которая распространялась бы в ходе вестернизации? И если да, то есть ли смысл в таком понятии – ведь тогда пришлось бы признать, что «Запад», распространяя свои ценности, фактически устраняет сам себя?

Белл: На этот вопрос я могу дать лишь спонтанный ответ, так как у меня не было возможности поразмыслить на эту тему. Мне кажется

ся, что самоопределение человека как «европеиста» имеет внешнее и внутреннее «измерения»...

Иноземцев: Но, профессор, я пытался говорить о «европейскости» – не как о характере предпочтений человека, а как о системе ценностей.

Белл: Тогда Вы сами отвечаете на свой вопрос. «Европейскость» – это и есть набор ценностей, определяющих отношение человека к миру; «европеист» – это человек, выступающий за утверждение этих ценностей. «Европейскость» – это явление культуры, но все же и оно имеет, как я начал говорить, внутреннее и внешнее «измерения». Первое противопоставляет принадлежность к более широкой общности принадлежности к более узкой. Самый хороший пример этому – британцы, которых обуревают желания считаться европейцами и в то же время находиться как бы вне Европы, полагать себя наследниками британских традиций и участниками европейского настоящего. В данном контексте «европейскость» привлекательна своей неисключительностью – тем, что позволяет человеку раздвинуть горизонты, не отказавшись от основной идентичности.

В то же время «европейскость» отделяет одних людей от других: например европейцев от американцев, ведь Америка – это не часть Европы. Что это подразумевает? По большому счету – две позиции. Первая – это история. Такой термин не может быть внеисторичным. Он бессмыслен в отрыве от исторических реалий. Он должен их впитать. Предполагается, что в нем заложено то, что отличает человека от араба, мусульманина, еврея или африканца. Но это не все – поскольку история становится социальным фактором только тогда, когда порождает те или иные значимые ценности, воплощается в определенной культуре. В таком смысле это не только исторический, но и культурный феномен [и это – вторая позиция].

«Европейскость» предполагает идею Культуры – с большой буквы; культуры если не единой, то объединяющей... Она давала возможность Вольтеру состоять в переписке с Екатериной II и Фридрихом Великим – в то время как американцы ни тогда, ни намного позже не были вовлечены в культуру Европы. Существование же этой культуры не вызывает сомнений. В разные времена она

предполагала, конечно, разные вещи. Когда-то для того, чтобы быть настоящим европейцем, следовало говорить по-французски. Даже в России нельзя было считаться образованным человеком и быть своим в высшем обществе без владения французским. Или европейская музыка. Это единая традиция, которую невозможно расчленишь. Возьмите, например, Чайковского – это русская музыка или европейская? Или Скрябина – неужели это только русская музыка? Или Шостаковича... Можно ли вообще говорить о русской, французской или итальянской музыке – или эти традиции переплелись так, что стали неотделимы? Или живопись? Репин – это русский или европейский художник? А Брюллов? На все эти вопросы нет ответа – если только не подходить к ним с примитивных идеологических позиций. Мне вспоминается один советский композитор, который, по-моему, даже возглавлял Союз композиторов в сталинские времена или вскоре после того...

Иноземцев: Хренников?

Белл: Вряд ли. Я забыл фамилию или вообще могу ошибаться, но суть не в том. Он, например, утверждал, что Репин – это русский художник, а Малевич – космополит, отрицающий принципы реализма в искусстве... Возможно, Репин и на самом деле более «русский» живописец, чем Шагал или Малевич, – в том же смысле, в каком казацкие песни – более «русская» музыка, чем Шостакович с его «Леди Макбет Мценского уезда», который на самом деле был декадентствующим ренегатом. Дело здесь в том, с позиций какой культурной среды смотрим мы на те или иные явления. Именно среда в значительной мере определяет наши подходы и задает основания для различных классификаций.

Таким образом, европейскость – это своего рода среда. Это культурная среда, основанная на истории и взаимопроникновении. Однако термин «европейскость» наполняется содержанием по мере того, как мы обращаемся от собственно Европы к миру в целом, в котором противостоят друг другу разные культуры. Нечто похожее вспоминается мне в связи с одним частным примером – но примером, который я очень хорошо знаю, так как имею к нему не только теоретический интерес.

В последней трети XIX века во Франции стало модным одно новое направление в искусстве, пришедшее из Японии. Если, на-

⁴⁶ Джапаннизм (от фр. japonisme) – термин, употребляющийся для обозначения влияния, оказанного японским искусством на европейскую культуру последней трети XIX века. Понятие получило распространение после того, как было употреблено Жюлем Кларети в книге «Французское искусство в 1872 году». Эта тема знакома и близка Д. Беллу – почетному председателю Американско-японского совета по научному сотрудничеству и владельцу одной из крупнейших коллекций японского черно-белого рисунка в США.

пример, вспомнить портрет Эмиля Золя кисти Клода Моне, то в уголке картины видно, что в комнате у Золя висит японский эстамп. Джапаннизм⁴⁶ распространился во Франции стремительно; одними из страстных его адептов были братья Гонкуры. И его популярность не может не удивлять, так как юкйио⁴⁷ были самым низкопробным видом японской гравюры и использовались в основном в домах бедноты, в тавернах, лавках и борделях. Европейцы иногда покупали в Японии дорогие товары – к примеру, фарфор, – и привозя их к себе домой, обнаруживали их завернутыми в эти литографии; многие тогда считали, что таким образом в Европе и узнали о юкйио...

⁴⁷ Юкйио (Ukiyo-e, от японского «плавающий, или дрейфующий, мир») – популярное направление в японском изобразительном искусстве XVII–XX веков. Возникло в Эдо (ныне Токио) во второй половине XVII века как стиль черно-белого рисунка, изображавшего природу, жанровые сценки из городской жизни, и самих горожан. Широкая популярность обусловлена тем, что в конце XVIII века была изобретена техника литографического воспроизведения рисунков юкйио, что сделало их весьма доступными для людей среднего достатка.

⁴⁸ Жак Виллон (подлинное имя: Гастон Эмиль Дюшамп, 1875–1963) – французский художник-кубист и мастер черно-белого рисунка.

⁴⁹ Анри Жан Эмиль Бенар (1844 – 1929) – французский архитектор и художник.

метной, он все же стал. В общем, как я и говорил, в этом вопросе все зависит от конкретного контекста.

Но вернемся к нашей теме. Можно ли сказать, что джапаннизм стал элементом европейскости? Скорее, нет. Но он очевидно оказал серьезное влияние на некоторые стороны европейской жизни. Вот взгляните на эту стену. Это японская гравюра середины XIX века. А это – Виллон⁴⁸. Это – Бенар⁴⁹. Так является ли джапаннизм элементом европейскости? Скорее удивительно то, что он был использован европейцами и инкорпорирован в европейскую культуру – вплоть до отдельных приемов в рисовании. Поэтому даже если его и не следует считать частью европейскости, то ее чертой, пусть и мало-

заметной, он все же стал. В общем, как я и говорил, в этом вопросе все зависит от конкретного контекста.

Иноземцев: Говоря об идентичности, нельзя не затронуть и существующих в современном мире противоречий и конфликтов. Хорошо известно, что каждая идентичность предполагает противопоставления себя «иным», «другим», и потому сама по себе становится возможным источником для противоречий и напряженности. И чем более раздробленными и фрагментированными становятся эти идентичности, тем более частыми оказываются и конфликтные ситуации. Хотя в последнее время много говорят о «столкновении цивилизаций», это «столкновение» чревато меньшими жертвами, чем постоянные конфликты внутри отдельных государств или регионов, обусловленные религиозными, этническими и другими факторами. На этом фоне конфликты между отдельными национальными государствами, на которых традиционно фокусируется внимание политологов, становятся не такими уж актуальными. Насколько они вероятны сегодня, если учитывать нарастание рационализма в действиях политиков? Какими факторами обусловлены такие конфликты? Что в будущем может способствовать нарастанию конфликтности в отношениях между суверенными государствами? Насколько опасна эта конфликтность для современного нам мира? Чем чреваты такие конфликты?

Белл: Сегодня в мире есть только один регион, где межгосударственные конфликты играют серьезную роль. Если вы посмотрите на Азию, то увидите жесткую конкуренцию, но не серьезные основания для конфликта. Возможно, конфликтный потенциал могли бы обрести отношения между Японией и Китаем, но сам масштаб такого конфликта, по сути, исключает его возможность. В Латинской Америке тоже не видно предпосылок для межгосударственных конфликтов. Аргентина, Бразилия, Парагвай, Эквадор, Чили – у всех этих стран есть свои проблемы, но они не решат их за счет своих соседей, и понимают это. В Европе также нет оснований для межгосударственных столкновений. Так что сегодня есть лишь один регион, где эти конфликты еще реальны. И этот регион – Африка.

Реалии Африки – это недееспособные государства, границы которых были произвольно проведены бывшими колонизаторами. В такой ситуации существует масса поводов для конфликтов, но

главной их причиной мне видится контроль над ресурсами, способными обеспечивать финансовую состоятельность неэффективных правителей. Где в Африке в последние десятилетия фиксировались конфликты, в которые были вовлечены несколько государств? В Анголе, Намибии, Сьерра-Леоне, вокруг Руанды. Какова причина многих из них? Борьба за контроль над регионами добычи алмазов и золота. Захват этих территорий, как и сотни лет назад, рассматривается в качестве простейшего способа обогащения. Для реализации этого способа есть не только желание, но и возможности. В Анголе, Руанде, Эфиопии и других странах гражданские войны, закончившись, оставили без дела целые армии, которые сейчас могут быть использованы в сопредельных регионах.

Еще одним фактором является региональная дестабилизация, которая сопровождает даже внутригосударственные конфликты. После геноцида в Руанде возник пограничный конфликт между Угандой и Конго. Сегодня мы видим то же самое в Центральной Африке. В Судане арабы проводят геноцид местного населения в Дарфуре; представители негритяного населения бегут в Чад, что провоцирует напряженность на границе Судана и Чада. Поэтому можно сказать, что даже в Африке межгосударственные конфликты провоцируются произвольными границами или становятся следствием перерастания гражданских войн в региональные противостояния.

Все это не может не удивлять – ведь на протяжении последних двухсот лет мир видел десятки, если не сотни войн, в числе которых были и две мировые войны, отличавшиеся нечеловеческой жестокостью. Первая мировая война разрушила само представление о природе человека, сложившееся к концу XIX столетия, и устранила все условности в ходе ведения войны. Вторая мировая война стала еще более разрушительной и жестокой – кому, как не русским, помнить об этом... Сегодня войн подобной интенсивности и ожесточения уже не встретишь. Почему? Во многом из-за нарастания экономического взаимодействия между государствами. Это взаимодействие порождает конкуренцию, но – вопреки марксизму – не ведет с неизбежностью к обострению вооруженного соперничества.

Я хорошо помню, как еще в середине 30-х годов читал одно эссе Л. Троицкого, написанное им до изгнания из Советского Союза.

В нем говорилось, что в следующей мировой войне противниками будут Великобритания и Соединенные Штаты. Почему? Троцкий считал их главными экономическими игроками в мире и был уверен, что между ними неизбежно должно возникнуть жестокое соперничество. Столкновение же экономических интересов, полагал он, ведет к политическому противостоянию и войне. И это Троцкий – ведущий марксист своего времени! Что не было принято им во внимание? Прежде всего, соотношение экономических и политических составляющих власти и, конечно, роль культуры. В прежних версиях марксизма экономические факторы абсолютизировались и противоречия экономических интересов считались чуть ли не единственной причиной войн. В результате сегодня мы имеем необычную ситуацию: в мире переплетенных экономических интересов и глобальной конкуренции конфликты между отдельными государствами сведены к минимуму.

Иноземцев: Полностью с Вами согласен. Но тогда встает другой вопрос: если с ростом экономической взаимозависимости условия для возникновения вооруженных конфликтов пусть и не устраняются, но становятся менее значимыми, то почему именно сейчас мы так часто слышим рассуждения о нарастающих угрозах, о состоянии «небезопасности», а то и о перманентной войне? Да, в Африке тлеет масса конфликтов, происходят столкновения на этнической почве на Ближнем Востоке, никак не получает разрешения палестино-израильский конфликт, идет война на российском Северном Кавказе, возникают непризнанные государства... Но всего несколько лет назад, хотя все знали о существующем положении вещей, никто не считал, что подобные факторы могут стать доминирующими над всей мировой политикой. Ведь большинство этих конфликтов не угрожает политической стабильности или экономическому благополучию западных обществ. Отчего тогда такая истерика? По какому поводу?

Белл: Здесь следует учитывать качественно новые явления. Существует глобальная военная угроза – и она исходит от ядерного оружия. Его не принимали в расчет вплоть до самого окончания Второй мировой войны, но сегодня ядерные арсеналы распола-

ются по всему миру, и это нельзя считать нормальным. Северная Корея – небольшая, нищенски бедная страна с тоталитарным режимом – и та имеет атомную бомбу. Пакистан обладает ядерным ору-

⁵⁰ На протяжении некоторого времени в первой половине 80-х годов Бразилия подозревали в разработке ядерного оружия; при военных режимах был заложен даже полигон для испытаний атомной бомбы. После возвращения к власти гражданско-го правительства в 1985 г. Бразилия объявила об отказе от плана создания ядерного оружия и присоединилась к Договору о нераспространении в 1998 г. Израиль начал ядерные исследования при поддержке западных стран в конце 50-х годов и, по данным Пентагона, создал свою атомную бомбу к 1968–1970 гг. Предполагается, что сегодня Израиль имеет ядерное и возможность создания термоядерного оружия. Однако ни Бразилия, ни Израиль официально прямо не признавали наличия у них ядерного оружия.

жием. И Индия тоже. Ядерное оружие есть у Бразилии и Израиля⁵⁰. И всегда есть опасность, что кто-то может им воспользоваться. Нельзя исключать неожиданностей.

Сегодня безопасность не обеспечивается большими сухопутными армиями и масштабами территории воюющих стран. Отчасти огромные потери в Первой и Второй мировых войнах обуславливались позиционными сражениями, в которых целые армии истребляли друг друга – а заодно, по мере своего продвижения вперед, уничтожали и целые го-

рода. В последние годы «холодной войны» главная опасность определялась тем, что Советский Союз мог использовать свой ракетный потенциал с целью уничтожить американские ядерные ракеты, если бы «излишнее» их количество было размещено на территории Западной Германии.

Таким образом, даже на излете «холодной войны» России и США не нужно было иметь больших сухопутных армий – главную роль играла угроза применения ядерного оружия. А сегодня ситуация стала гораздо более сложной: появились небольшие и слабые государства, а порой и страны-изгои и недееспособные государства, которые способны получить доступ к ядерному оружию. В таких условиях безопасность становится реальной проблемой. И ядерное распространение тоже становится реальной проблемой. И запасы ядерного оружия, накопленные и до сих пор не утилизированные в России и Соединенных Штатах, представляют собой вполне реальную угрозу для всех.

Конфликты приобретают совершенно иной характер. Становятся возможными угрозы небольших стран в адрес великих держав. Северная Корея сегодня способна угрожать Японии.

Разумеется, если она реализует такую угрозу, ее, скорее всего, сотрут с лица земли, но при этом она сможет нанести серьезный ущерб своим непосредственным соседям.

Отсюда и меняющееся отношение к межгосударственным конфликтам. Те, что не представляют опасности для других – как, например, пограничные столкновения в Африке, где у соперничающих стран нет высокотехнологичного оружия, не говоря уж об атомных бомбах, – вообще могут не приниматься в расчет. Зато проблемы, возникающие в отношениях между ядерными или так называемыми «пороговыми» странами, представляют собой источник вполне очевидной, непосредственной опасности.

Иноземцев: Однако даже сейчас, когда технологии производства ядерного заряда известны достаточно хорошо, возможностями его фактического изготовления обладают только национальные государства, а не группы частных лиц и даже не корпорации. Много говорят и пишут о том, что ядерные заряды могут быть похищены террористами из арсенала великих держав; на эту тему сняты десятки художественных фильмов, причем некоторые из них похожи на подробное руководство к действию. Но, к счастью, пока ни один из их сценариев не реализован на практике.

Итак, если считать, что изготовителем ядерной бомбы может быть лишь суверенное государство, существует ли способ если и не призвать его к ответу, то реализовать комплекс мер, которые сделали бы производство ядерного оружия невозможным или хотя бы невыгодным? Можно ли сделать эти страны тем или иным образом подотчетными международному сообществу или специальным институтам; выработать своего рода «кодекс поведения» и следить за его соблюдением всеми без исключения «игроками», действующими на мировой арене?

Можно было бы, например, инициировать программы выкупа создаваемого ядерного оружия; предоставлять соответствующим государствам экономическую помощь в обмен на демонтаж ядерных реакторов и центрифуг; наконец, обеспечивать международные гарантии безопасности тем из них, кто – как, например, та же Северная Корея или Иран – имеет основания опасаться вторжения извне (пример Ирака в последние годы у многих стоит перед глазами). Ведь инстру-

ментарий межгосударственного диалога, как и диалога в рамках международных организаций, отлажен достаточно хорошо. «Холодная война» закончилась мирно в том числе и по этой причине. Конечно, если с одной стороны находится государство или группа государств, а с другой – террористическая организация, вполне можно допустить, что диалога не получится. Но не уметь договариваться на межгосударственном уровне?! Это уже деградация какая-то...

Белл: Здесь, на мой взгляд, существует одна маленькая проблема, которая легко может превратиться в большую. Я имею в виду, что каждая из ядерных стран может передать или продать свои технологии или оружие непредсказуемым в своем поведении группам. К своему удивлению, Соединенные Штаты не так давно обнаружили,

⁵¹ Д. Белл имеет в виду Абдула Гадир Хана (р. 1935), создателя и руководителя пакистанской ядерной программы, который в 2004 г. продал ряд ядерных технологий правительствам Ливии, Ирана и Северной Кореи, а также способствовал поставке в Северную Корею элементов центрифуг, необходимых для обогащения урана. Несмотря на требования США, президент П. Мушарраф освободил А.Г. Хана от уголовного преследования.

⁵² Весьма вероятно и утечка ядерных материалов из таких стран. Так, единственным документированным случаем пропажи значительного количества обогащенного оружейного урана (около 0,5 кг) является его исчезновение из хранилища Сухумского физико-технического института в Абхазии после оставления Сухуми грузинскими войсками в сентябре 1993 г.

что руководитель ядерной программы Пакистана, А.Г. Хан, продавал ядерные материалы и оружие⁵¹. В случае же постсоветских государств, где возникают мелкие, а порой и непризнанные государства, соблазн завладеть таким оружием и использовать его может оказаться особенно большим⁵². Конечно, предпринимаются попытки международного мониторинга, но стоит ли на них надеяться? Что бы случилось, если бы ядерный заряд оказался в руках у чеченцев? Мы видели, на что они способны, – это показал захват детей в бесланской школе. Поэтому не надо

приуменьшать опасность. Лично я не поддерживаю то, как ведет себя Россия в Чечне, но в данном случае это не имеет отношения к обсуждаемому вопросу.

Если чеченцы, или косовары, или иные повстанцы, выступающие за выход из состава тех или иных национальных государств, получают доступ к ядерному оружию... А перспектива такая вполне реальна. Поэтому считаю проблему распространения крайне актуальной. Иран уже перешел в категорию «пороговых» государств.

Сегодня Израиль остается на Ближнем Востоке единственной страной, обладающей ядерным оружием – и при этом открыто конфликтующей со всеми остальными. Но тогда почему эти прочие не могут претендовать на ядерный статус? Могут, конечно. И как контролировать их? Ведь неизвестно, не захотят ли они поделиться своими запасами с другими правоверными. Когда Израиль разбомбил иракский ядерный реактор, это выглядело чудовищно⁵³, – но сейчас это кажется вполне рациональным шагом и его можно только приветствовать. Сегодня легко поверить, что Саддам Хусейн – а мы знаем, что это за человек, ведь он применял химическое оружие против собственных сограждан – вполне мог использовать и тактическое ядерное оружие, если бы оно у него имелось. Так что Израиль оказался тогда прав.

Добавлю: сегодня нередко забывают, что некоторые виды ядерного оружия способны убивать тысячи людей, оставляя при этом здания и инфраструктуру неповрежденными. Эти типы вооружений были созданы в самом конце XX века, и никто не знает, будут они когда-то применены или нет. Поэтому межгосударственные конфликты в ядерную эпоху, сколь бы похожими на прежние они ни казались, имеют совершенно иное измерение.

Иноземцев: Небольшой вопрос, коль скоро мы много говорили о религиях и идеологиях. Как Вы считаете, те сепаратисты, о которых Вы упоминали, или террористические группы, о которых тоже заходила речь, – они как-то связаны с современным возрождением религиозных движений, с идеологиями национализма и исключительности или скорее нет?

Белл: За действиями идеологизированных или же религиозных групп в большинстве своем не стоят государства. Могут ли они сливаться с действиями государств или определять их – немно-

⁵³ Речь идет о так называемой «Операции «Опера»», в ходе которой 7 июня 1981 г. эскадрилья бомбардировщиков F-16A ВВС Израиля вторглась в воздушное пространство Ирака и нанесла бомбовые удары по ядерному реактору Таммуз-1 (более известному как «Осирак»), ранее приобретенному Ираком у Франции. Израиль считал этот шаг необходимым, так как вскоре предполагалось загрузить реактор ядерным топливом, что сделало бы атаку на него крайне опасной и открыло бы С. Хусейну путь к производству оружейного плутония. Несмотря на эти доводы, в 1981 г. Совет Безопасности ООН единогласно осудил действия Израиля.

го иной вопрос. Мне кажется, что для этого им пришлось бы скорее брать под свой контроль имеющиеся государственные структуры. Единственное радикальное идеологическое движение, которое смогло обрести «государственный» статус, – это движение «Хамас». Они выиграли выборы [в Палестинской автономии], и хотя пока им приходится делиться властью с партией «Фатх», они имеют все шансы стать единственной правящей силой. Вероятно, что в Ливане, если «Хизболлах» попытается повторить данный опыт, это вызовет гораздо большее сопротивление. Таким образом, сегодня имеются как мелкие, маргинальные государства – Палестина, Ливан, Северная Корея, – причем часть из них стоит на пороге обладания ядерным оружием, так и идеологические движения, которые могут прийти там к власти. Все вместе становятся серьезной проблемой отнюдь не только для Соединенных Штатов, но и для всего остального мира.

Иноземцев: Правильно; но в последнее время – что, конечно, объяснимо в свете событий 11 сентября – американские официальные лица не столько выражают озабоченность нерешенностью палестинско-израильских проблем, сколько рассуждают о войне с терроризмом, экстремизмом и фундаментализмом. Если послушать выступления президента Дж. Буша или министра обороны Д. Рамсфелда, может показаться, что ничего другого для нынешней администрации вообще не существует. Проблема распространения муссировалась при подготовке вторжения в Ирак, но быстро стало ясно, что никакого оружия массового поражения там не было. В случае с Афганистаном эта тема вообще не стояла на повестке дня. Сейчас, с одной стороны, обсуждается нарастающее насилие в Ираке, которое может сделать эту страну новой тренировочной базой для международных террористов, какой во время советской оккупации был Афганистан; с другой стороны – ядерные амбиции Ирана. При этом и Ирак времен С. Хусейна, и Иран эпохи М. Ахмадинежада объединяются в так называемую «ось зла». Я могу понять, что проблема терроризма и вопросы нераспространения кое-где и пересекаются; однако такие случаи выглядят скорее исключением, чем правилом. Что же является приоритетом для нынешней администрации – борьба с терроризмом или сдерживание распространения ядерно-

го оружия? Ведь проблемы эти – совершенно различного порядка. Неужели это не очевидно?

Белл: Вы правы. Это радикально отличные друг от друга проблемы. На одной чаше весов – те, которые связаны с действиями правительств и о которых мы говорили. Особую опасность среди них представляют в той или иной мере связанные с ядерным оружием. В этом ряду выделяется Иран. И на другой чаше – трудности, оказавшиеся для нас совершенно неожиданными, и здесь выделяются проблема партизанской борьбы, сопротивления [в Ираке], к которому никто в администрации не был готов. Сейчас мы знаем из только что вышедшей книги М. Гордона и Б. Трейнора⁵⁴, как американские офицеры отдавали команды в Ираке на первом этапе войны.

С передовых БТРов сообщали: «Мы двигаемся по такой-то дороге, на обочине стоят федаины – что делать?» – «Да вам-то что, продвигайтесь дальше!» – отвечали им. А се-

⁵⁴ Имеется в виду книга: Gordon, Michael and Trainor, Bernard. *Cobra II: The Inside Story of the Invasion and Occupation of Iraq*, New York: Pantheon Books, 2006.

годня знают, что чуть ли не у каждого иракца под одеждой может оказаться автомат, если не базука. Сопротивление стало реальной проблемой. И мы все ближе подходим к признанию того, что оно постепенно перерастает в настоящую партизанскую войну.

Ситуация в Чечне сочетает в себе черты межгосударственного конфликта и партизанской войны. Некоторые другие районы Кавказа также подвержены этническому сепаратизму. В современных условиях партизанская война привлекает к себе особое внимание, так как никто не знает, какими способами можно одержать в ней победу. Невозможно окружить Ирак – страну размерами с Францию – каменной стеной и быть уверенным в том, что туда не инфильтруются новые террористы. А если усилить борьбу в самой стране, то у них окажется много иных мест, где легко можно преждать очередную военную кампанию. К тому же в ситуации, когда накладываются друг на друга межгосударственный конфликт и партизанская герилья, обычно присутствует и третий компонент в виде элементов борьбы за самоопределение отдельных народностей. В результате из-за этнических противоречий страны могут распадаться.

Если же государство оказывается на грани распада, возникает реальная вероятность гражданской войны. Поэтому если рассматривать ближайшие перспективы – например, на 20–25 лет вперед – то опаснейшими конфликтными ситуациями я назвал бы распространение оружия массового поражения, возникновение очередных очагов партизанской войны и гражданские войны в распадающихся государствах. В каждом из таких случаев мы должны быть готовы к тому, что аналогичные проблемы могут возникнуть в любой точке мира. Если, например, фундаменталистам удастся спровоцировать конфликт в Индонезии или на Филиппинах, ситуация может оказаться более опасной, чем в Ираке, – ведь эти страны более интегрированы в глобальную экономику, а выходцы из них живут в Соединенных Штатах и Западной Европе десятками тысяч. Таким образом, к религиозным и этническим конфликтам нужно подходить с большой осторожностью, делая все возможное для предотвращения их распространения из тех районов, где они сегодня локализованы, на другие регионы мира.

Иноземцев: Расставленные Вами приоритеты в целом понятны, но хотел бы обратить внимание вот на какой аспект. Если мы говорим о восстаниях, партизанской герилье или о гражданской войне, то не нужно ли учитывать, что в странах Ближнего Востока большинство подобных явлений стало реакцией на вмешательства из внешнего мира? Разумеется, некоторые столкновения – например, между суннитами и шиитами – имеют сугубо внутреннюю природу, но все же многие противостояния порождены и наследием британского владычества в регионе, и советским вторжением в Афганистан, и позицией США в палестино-израильском конфликте, и политикой самого Израиля да и нарастающим присутствием Соединенных Штатов в Саудовской Аравии, а теперь уже их прямым военным вторжением в тот же Афганистан и особенно в Ирак. Люди не хотят, чтобы западная цивилизация уничтожила традиционный для них образ жизни, их верования, их устои. По моим наблюдениям, очаги напряженности возникают там, где есть точки взаимодействия между Западом и исламской цивилизацией – в Палестине, Индонезии, в той же Саудовской Аравии, где часты нападения на места проживания западных дипломатов, и т. д. С появлением американцев и ан-

гличан в Ираке мобилизация на Ближнем Востоке против процесса вестернизации значительно усилилась.

Иногда я думаю: если для этой части человечества так важно жить в своем собственном мире, то есть ли смысл вмешиваться в их дела? В конце концов, можно покупать у них нефть, не размещая военные контингенты в Заливе. Почему бы Западу не перестать навязывать себя всему миру – ведь его явное технологическое, экономическое и социальное превосходство все равно подтолкнет периферийные страны в его сторону? Если даже для этого потребуется 20, 30 или 50 лет – это ли срок, который имеет значение с точки зрения всемирной истории?

Белл: Мне кажется, что попытки понять эти сложные взаимоотношения затрудняются старыми идеологическими отрывками. Мы впитали в себя столько предрассудков относительно западного империализма, что теперь смотрим вокруг только исходя из того или иного отношения к нему. Если же отказаться от такого подхода, сразу станут заметны конфликты, которые не вписываются в привычную картину.

Посмотрите на три очень разных конфликта, каждый из которых продолжается уже десятки лет. Это противостояние в Северной Ирландии между протестантами-юнионистами и католиками, выступающими за воссоединение с ирландским народом; вялотекущая война в Шри-Ланке, где тамилы, выходцы из Южной Индии, борются за свою автономию или даже независимость; и непрекращающееся народное движение в Стране Басков. Все эти конфликты уносят каждый год сотни жизней, дестабилизируют ситуацию в целых регионах, но имеют ли они какое-то отношение к наследию империализма или к западному вмешательству? Очевидным образом, совершенно никакого.

В какой-то мере можно считать и Ирак отзвуком прежних войн, но не только. Можно говорить и о колониальном наследии в Индонезии, но основные проблемы этой страны имеют большее отношение к национальной борьбе и религиозному экстремизму. Единственный регион, где колониальное наследие пока не забыто, – это Африка. Даже после краха колониальной системы континент находился частично под советским (как Эфиопия, Мозамбик и

т. д.), частично – под американским влиянием. Но даже здесь можно сказать: это было. Было. Сегодня там нет ни русских, ни американцев. Есть только гнетущие воспоминания, мало объясняющие то, что происходит в Африке в начале нового тысячелетия.

Но есть и регион, где названные Вами проблемы имеют критически важное значение. Это Ближний Восток. Именно он – и никак не Африка или Юго-Восточная Азия. Сиам вообще не был вовлечен в колониальные войны, а Бирма или Малайзия обязаны только самим себе своими проблемами и своим успехом. Итак, Ближний Восток – причем он приковывает наше внимание прежде всего в силу продолжающегося арабо-израильского конфликта; конфликта, который кажется неразрешимым, хотя в последние годы заговорили о варианте «двух государств» (палестинского наряду с еврейским). Однако вскоре выяснилось (вспомним, как Б. Клинтон и Э. Барак предлагали передать палестинцам 90% тех территорий, которые они требовали), что «Фатх» и Я. Арафат не намерены соглашаться

⁵⁵ Д. Белл имеет в виду переговоры, которые в 2000 г. вели в Кэмп-Дэвиде Я. Арафат и Э. Барак при посредничестве Б. Клинтона, стремившегося войти в историю деятелем, предложившим окончательное урегулирование конфликта. В ходе этих переговоров Э. Барак согласился на образование палестинского государства с передачей ему 100% территории сектора Газа и 91% территории Западного берега реки Иордан. Израиль соглашался на возвращение части палестинских беженцев и финансовую компенсацию остальным. Наконец, он был готов объявить столицей Палестины Аль-Кудс – арабскую часть Иерусалима. Однако Я. Арафат отказался подписать договор на этих условиях, которые в свою очередь привели к резкому снижению популярности левых в Израиле и приходу к власти правительства А. Шарона в 2001 г.

даже на это⁵⁵. Почему? Потому что для Арафата было куда удобнее оставаться лидером повстанческого движения, чем принимать на себя ответственность в качестве главы правительства за несостоятельное государство с коррумпированными и некомпетентными чиновниками, при этом без всяких ресурсов! Парадоксально, но в нашем мире выгоднее порой быть главой мятежников, появляться на трибуне ООН с пистолетом на ремне, чем руководить государством, у которого нет никакой – ну абсолютно никакой! – перспективы развития.

Палестинцы... Они возбудили столько эмоций в наше время! Но не надо забывать, что ведь сам палестинский вопрос – придумка последних 20–30 лет. До этого все было совсем иначе. Война 1948–1949 годов была войной арабов против евреев. И о палестинцах тогда никто даже не слыхивал! И вновь нельзя не вспомнить, что вме-

шательство внешней по отношению к региону силы всегда усложняет ситуацию. После Первой мировой войны было создано нечто, чего ранее не существовало, – Трансиордания⁵⁶. В ней не существовало никакого национального большинства. Потом возник Израиль, вспыхнула арабо-израильская война – но определенности не прибавилось. Затем в Саудовской Аравии нашли нефть, возникла напряженность между ней и Иорданией, потом Иордания начала соперничать с Сирией и Египтом за статус выразителя арабских интересов, – и на это наслаивались интересы Великобритании и Франции, а начиная с 60-х годов – также Советского Союза и Соединенных Штатов.

Именно создание Трансиордания дало палестинцам возможность попытаться установить контроль над всей Иорданией⁵⁷. Замечу: Ясир Арафат вышел как раз из Иордании, и там он и начал «свою борьбу». Он и его поделники попытались поднять восстание, но их выбили из страны, и тогда они обосновались в Ливане. Оттуда их прогнали израильтяне, и им пришлось перебраться в Тунис⁵⁸. Но что бы случилось, если бы им удалось захватить власть в Иордании? Может, оно было бы к лучшему... На мой взгляд, это имело бы смысл – в чисто макиавеллиевской логике, разумеется. Хотя это не имело бы смысла, если подходить с точки зрения перманентной борьбы, для которой сложившаяся ситуация предоставила идеальные основания на долгие десятилетия...

⁵⁶ Трансиордания (Emirate of Transjordan) – квазигосударство, созданное британцами в 1921 г. на территории нынешних Иордании, Израйля и Палестинской автономии. В 1923 г. по мандату Лиги Наций было фактически разделено на две подмандатных территории – Палестину и собственно Трансиорданию, находившуюся к востоку от реки Иордан. С 1921 г. управлялась Абдаллой I, старшим сыном британского союзника Шарифа Хусейна, эмира Мекки. В мае 1946 г. Абдалла I был провозглашен королем, а страна обрела независимость. После захвата в ходе арабо-израильской войны 1948–1949 гг. территорий на Западном берегу Иордана и части Иерусалима в апреле 1949 г. страна была переименована в Иорданское Хашемитское королевство.

⁵⁷ Имеется в виду попытка государственного переворота, предпринятая Армией освобождения Палестины под руководством Я. Арафата в сентябре 1970 г. В те дни Сирия ввела войска в Иорданию для поддержки Арафата, а Израиль заявил о готовности военной поддержки короля Хусейна. После девяти дней боев (с 16 по 24 сентября 1970 г.) палестинцы согласились на перемирие и вывели свои основные силы в Ливан.

⁵⁸ В 1982 г. в ходе ливано-израильской войны Я. Арафат и его сторонники долгое время удерживали контролировавшуюся ими западную часть Бейрута; в сентябре того же года было достигнуто соглашение об их безопасной эвакуации в Тунис; гарантами выступили США и европейские державы. Я. Арафат обитал там до 1993 г., чудом пережив бомбежку своей штаб-квартиры ВВС Израйля в 1985 г., в ходе которой погибли более 70 человек.

Поэтому, хотя и существует возможность использования парадигмы, основанной на учете гегемонистских интересов Запада, сегодня на эти интересы наслаивается такое количество факторов, что сами эти интересы оказываются не всегда различимыми. И одной из проблем здесь вновь становится наше непонимание того, что к оценке таких ситуаций нельзя подходить с какой-то общей меркой – необходимо в каждом случае учитывать массу факторов и применять несколько «систем координат», к чему мы, как правило, не готовы. Я, наверное, слишком часто повторяю этот тезис, но хотел бы еще раз подчеркнуть: есть масса плоскостей, в которых протекают те или иные процессы; множество пересекающихся и наслаивающихся друг на друга парадигм, которые могут поспособствовать их пониманию; наконец, наша неспособность задать комплексные политические и юридические рамки и сказать: «Давайте будем решать этот тип проблем таким-то или таким-то образом».

Возьмем Дарфур⁵⁹. Ситуация там усугубляется позицией Китая, поддерживающего официальные власти Судана. Почему? Ес-

⁵⁹ Дарфур – провинция на юго-западе Судана, где с февраля 2003 г. не прекращаются столкновения между представителями местных племен (исповедующих традиционные верования) и проправительственными мусульманскими вооруженными формированиями. Жертвами этих столкновений стали более 400 тыс. человек, а около 2 млн. вынуждены были покинуть свои дома. Совет Безопасности ООН принял ряд резолюций по дарфурской проблеме, но не признал происходящее геноцидом и воздержался от введения в Судан миротворческих сил.

тественно, в силу наличия в стране нефти. Сегодня в Судане действует около пятидесяти китайских компаний. Здесь мы имеем ситуацию, когда мелкий беспредельщик «крышуется» крупным международным игроком – причем открыто и по чисто коммерческим причинам.

Иноземцев: Мы, конечно, немножко отошли здесь от основной темы; для подведения некоторых итогов

этой части дискуссии я хотел бы задать еще несколько вопросов, более частных. Каково Ваше мнение: есть ли серьезные отличия современного терроризма от террора прошлых столетий? Можно ли говорить о его большей интенсивности по сравнению с XIX-м или началом XX века? Наконец, существуют ли у современных террористов сколько-нибудь четкие представления о целях, которых они пытаются достичь, о том мире, который они хотели бы приблизить?

И следующий вопрос: во многих книгах, вышедших после 11-го сентября, можно найти массу сопоставлений начавшейся «войны», или «борьбы», с терроризмом с «холодной войной», продолжавшейся между Соединенными Штатами и Советским Союзом на протяжении многих десятилетий. Некоторые полагают, что новую «войну» можно считать «четвертой мировой войной» (если, конечно, соглашаться, что «холодная война» может быть названа третьей). Другие авторы идут еще дальше, подчеркивая, что «холодная война» была скорее состоянием перманентной напряженности, чем собственно войной; с такой точки зрения война с террором также представляется весьма продолжительным явлением, к которому нужно привыкнуть и считать его фоном, на котором десятками лет будет происходить развитие западной цивилизации.

Насколько, на Ваш взгляд, состоятельны эти точки зрения? Почему терроризм, жертвами которого за последние десять лет стало меньше американцев, чем погибает за три-четыре месяца в автомобильных катастрофах, стал столь важным (а иногда кажется, что чуть ли не центральным) вопросом мировой политики? Правильно ли мы его оцениваем?

Белл: Думаю, нет никаких оснований для сравнения «войны с террором» с «холодной войной». Это два явления, радикально отличных друг от друга. «Холодная война» была латентной, скрытой войной между двумя сверхдержавами, которые определяли политические реалии как европейского континента, так и мира в целом. Разумеется, не нужно забывать и о «разветвленности» конфликта, отзвуки которого проявлялись на всех континентах. Но все же вопрос стоял прежде всего о доминировании в Европе – и, если быть более точным – в Центральной Европе, в Германии. Имеет ли война с терроризмом хоть какое-то отношение к Европе? Нет, не имеет. Противостоят ли в ней друг другу великие державы? Тоже нет, практически все они едины в осуждении террора.

Большой ошибкой – я бы даже сказал, катастрофической ошибкой – администрации Дж. Буша стало проведение аналогий между противостоянием террору и «холодной войной». Да, безусловно, террористические группы существуют, и борьба с ними весьма сложна. Но бросать призыв к войне можно только тогда, когда вы

наблюдаете физического противника – в ином случае вы начинаете искать мифического субститута. Его символом стал Усама бин Ладен. Но затем последовала пустая кампания в Афганистане, в результате которой уничтожить противника не удалось. Затем администрация повернулась против Ирака. Войну с Ираком было бы не просто «продать» американским избирателям, если называть вещи своими словами. Но если изобразить ее как войну с терроризмом, добиться поддержки было легче, что и было сделано. Обусловлено это тем, что администрация Дж. Буша стремилась к войне против Саддама Хусейна – теперь это все знают; в таком контексте «война с террором» стала лозунгом, который помог сохранить хотя бы минимальную популярность этой войны для Америки.

Странность сложившегося положения дел становится гораздо очевиднее, если оценить только афганскую ситуацию. Первостепенной задачей после 11 сентября было установить контроль над страной, уничтожить сеть движения «Талибан» и реинтегрировать афганское государство. Афганистан сегодня представляет собой идеальный пример того, к чему приводит непродуманное соперничество между великими державами, не слишком хорошо разбирающимися в ситуации. Одно время он находился под советским влиянием. Тогда американцы помогали мятежникам, стремившимся выбить из страны русских. Много советских солдат было убито ракетами, купленными на американские деньги. Однако и лояльное западным странам правительство вскоре было сокрушено движением «Талибан». Таким образом, Афганистан – это всего лишь элемент в той глобальной картине, которую мы обсуждаем. Но именно Афганистан – так как Ирак в нее вообще не вписан. Сегодня многие забыли, что долгие годы Ирак и Сирия развивались по антифундаменталистскому, если не антиисламскому, пути, – так было и при Хафезе Асаде, и при Саддаме Хусейне.

⁶⁰ Партия «Баас» (Возрождение) – радикально-националистическая панарабская партия, основанная в 1947 г. и пришедшая в 1963 г. к власти в Сирии и Ираке. С 1952 г. официально именуется «Арабская социалистическая партия “Баас”». После ее прихода к власти в Сирии и Ираке установились авторитарные режимы.

Более того. Партия «Баас»⁶⁰ даже состояла в Социнтерне. Один из ливанских руководителей, председатель общины друзов, занимал важный пост в Социалистическом интернационале (в нем, кстати,

участвовал и Шимон Перес). В целом баасисты придерживались прогрессистской линии; только в последние годы Сирия и ее новый президент Башар Асад начали осмысливать свое место в сообществе исламских государств и в мусульманском мире в целом. В Ираке же мы имели дело с диктатором вполне традиционного типа, который использовал имевшиеся возможности для проведения агрессивной политики, нацеленной на достижение контроля над всем ближневосточным регионом. Соединенные Штаты, озабоченные безопасностью Израиля и контролем над нефтью, в конечном итоге вознамерились его свергнуть. Но попросту заявить: «Он нам не нравится, поэтому давайте начнем против Ирака войну», – было невозможно. Отсюда и разговоры о его связях с террористами. Сегодня весь мир знает, сколь неуклюжей была позиция США по этому вопросу.

Самое ужасное состоит в том, что теперь говорят даже не о борьбе с диктаторами, стремящимися обрести оружие массового поражения, и не о борьбе с отдельными террористами, а о «войне с террором» – то есть с чем-то таким, за чем не стоят ни видимые группы, ни общества, ни государства. Единственный случай, когда Соединенные Штаты предприняли нечто подобное, имел место в Африке, в Судане. Тогда бомбардировки суданских лагерей террористов оправдывались тем, что в них мог скрываться Усама бин Ладен⁶¹. Да, у нас были отрывочные сведения, что он жил в Судане. Но в Ираке он даже не появлялся – и об этом хорошо знали и знают все.

Однако Соединенные Штаты, несмотря на это, все равно развязали войну в Ираке – и в результате делящаяся уже более трех лет гражданской войной страна сейчас приближается к состоянию крошечного ада. И я уверен: пройдут годы, но это решение будет расцениваться как самое большое зло, совершенное в период пребывания у власти Дж. Буша-младшего.

Да, терроризм сегодня существует. Он присутствует в нашей жизни. Но мы забываем, что всплеск терроризма в 1890–1910 годах был куда более серьезным. Террористов было больше, чем сейчас.

⁶¹ Имеются в виду удары крылатыми ракетами по целям в Судане и Афганистане, осуществленные США в рамках операции Infinite Reach 20 августа 1998 г. в ответ на взрывы американских посольств в Найроби (Кения) и Дар-эс-Саламе (Танзания) 7 августа того же года, подготовленные и осуществленные «Аль-Каидой».

Они имели понятных врагов. В России они убили великого князя⁶². Во Франции – президента республики⁶³. Президент Соединенных Штатов Уильям МакКинли также стал жертвой террориста. Убийства чиновников, аристократов и военных совершались

⁶² Сергей Александрович Романов (1857–1905), брат императора Александра III и московский генерал-губернатор (до 1 января 1905 г.), был убит 4 февраля 1905 г. в Москве при взрыве бомбы, брошенной террористом Иваном Каляевым.

⁶³ Мари-Франсуа Карно (1837–1894), президент Франции с 1887 г., был убит итальянским анархистом Дж. Касерио 24 июня 1894 г. в Лионе ударом ножа.

десятками. Глав государств погибло больше, чем за все послевоенные годы. И все это происходило в наиболее развитых странах, в Европе и Америке. Сейчас же терроризм локализован в основном на Ближнем Востоке. Иногда – но редко – его эхо доносится с Филиппин или из Индонезии, из некоторых других регионов. Сейчас террористы стре-

мятся увеличить количество своих ячеек в других частях планеты, однако успех в этом им вовсе не гарантирован.

Недавние взрывы в Лондоне имели малое отношение к ближневосточным террористам. Их осуществили местные погромщики, прикрывавшиеся исламскими лозунгами. Да, они подпали под некоторое влияние мусульманских экстремистов, но выросли они в Англии. Поэтому, думаю, мне, террористическим вылазкам во все времена и в любом контексте приписываются излишние роль и значение – причем без должного основания во многих случаях. Сегодня это особенно заметно. Причем преувеличение опасности выражается не столько в указаниях на место совершения терактов или на их последствия. Преувеличения имеют иную цель – указать на единый центр террористической активности, убедить людей в реальности так называемой «оси зла». И администрация Дж. Буша слишком преувеличивает ее реальность.

Иноземцев: Я полностью согласен с Вами. Ирак, конечно же, не был «террористическим государством». Саддам Хусейн, несомненно, являлся жестоким тираном, но обвинения его американцами в международном терроризме напоминают мне поведение российских «силовиков», приписывающих любому недовольному причастность к террористическим группам или объявляющих каждого второго убитого чеченского боевика ответственным за десятки громких преступлений последнего времени. В результате и вы, и

мы получаем ситуации, в которых то, что первоначально выдавалось за терроризм, постепенно перерастает в своего рода освободительную борьбу. Это название может показаться не очень подходящим к тому, что происходит сегодня в Ираке или Чечне, но история знает множество примеров, какие грязные и жестокие приемы применяли движения, которые ныне однозначно признаны национально-освободительными...

Белл: В данном случае речь идет об одной группе – о суннитах. Шииты не хотят втягиваться в эту борьбу. Курды вообще не выступают против присутствия в стране коалиционных сил. По сути, мы имеем дело с одной группой, которая прежде, будучи меньшинством, монополизировала власть, а теперь потеряла ее. Эта треть населения Ирака теперь возбуждена против остальных двух групп. И это неожиданно стало символом, вдохновляющим террористов всего мира...

Иноземец: Да. Но я хотел бы все же подчеркнуть, что между терроризмом конца XIX – начала XX веков и сегодняшним террором существуют ясно видимые различия. Убийства того времени – такие, как русского императора Александра II, наследника австро-венгерского трона Фердинанда, президентов Карно и МакКинли – были террористическими актами, направленными против виднейших политиков или аристократов. Иногда эта бессмысленная ненависть переносилась и на другие «публичные фигуры», примером чему служит жестокое убийство императрицы Елизаветы, супруги императора Франца-Иосифа I, в Женеве в сентябре 1898 года. Как бы ни относиться к этим действиям, они были направлены на дестабилизацию политической верхушки, на создание у людей впечатления неконтролируемости ситуации властью. Не случайно все «террористы» того времени определялись как «анархисты», но не как «фундаменталисты». Сегодня же целью террористов оказываются простые люди, не имеющие к политике никакого отношения и (что даже более трагично) понимающие, что их возможная гибель не способна повлиять на изменение политического курса «демократических» правительств, призванных защищать их интересы. На что в таком случае надеются те, кто продолжает осуществлять свои акции?

Вы правы, говоря, что участники терактов, произошедших в 2005 году на фоне саммита «Большой восьмерки», родились в Британии. Но все же они были выходцами из стран Ближнего и Среднего Востока. И их жизнь в Великобритании скорее возбуждала их ненависть к этой стране, где они чувствовали себя отверженными в окружении благополучного большинства, – ведь винить общество в собственных бедах всегда проще, чем в какой-то момент задуматься о том, не являешься ли источником своих проблем ты сам. Да, эти люди – европейцы, но только по паспорту или по *carte de séjour*. Даже реакция на те же публикации в датских газетах показывает их неевропейскость, и я не могу вполне согласиться с Вами, что этот терроризм имеет «внутреннюю» природу.

Более того. Если мы вспомним историю русской революции, то увидим, что она готовилась в основном людьми, вытолкнутыми обстоятельствами из своей страны или добровольно покинувшими ее. Двигателем революции стала русская эмиграция в Европе. В первую очередь потому, что эти люди быстро утрачивали реальное представление о том, что происходило у них на родине. Им начинало казаться возможным инициировать там такие процессы, в которые мало кто мог поверить в самой России. Кроме того, они были маргинализированы в Европе, и борьба становилась для них формой самоутверждения. Не видим ли мы чего-то подобного и сегодня? Не странно ли, что тот же аятолла Хомейни жил в Париже до революции в Иране? Не возникает ли очаг самого безумного и бесцельного – при этом и самого жесткого – исламского экстремизма именно в Европе и Америке, где в действиях террористов отсутствуют те элементы национально-освободительной борьбы, которые, хотим мы признавать это или нет, несомненно имеют место в действиях боевиков в Афганистане, Ираке и Чечне?

Белл: Я считаю, что тут Вы совершенно правы. Прежде я говорил, что американская пропаганда преувеличивает значение терроризма, что необходимо преодолеть это «увлечение». Вы же затронули несколько иных проблем, среди которых я особо выделил бы три.

Первая – это ислам. Терроризм сегодня начинают идентифицировать с исламом. Ислам же является в данном случае силой, которая воспринимается как обороняющаяся от западного мира.

Вторая проблема – иммиграция. Она становится тем актуальнее, чем масштабнее оказывается поток чужаков из Северной Африки, стран Ближнего Востока, да и из иных регионов мира. Третьей проблемой я считаю нежелание правительств многих крупных государств на равных разговаривать с мигрантами – турками, арабами, а также представителями иных национальностей.

В свое время – до определенного момента – они приветствовали приток рабочих рук, но это продолжалось лишь до тех пор, пока иммигранты то приезжали, то уезжали. Например, в 70-е и 80-е годы многие югославы пробирались на заработки в Европу, поправляли свои дела и возвращались домой. Но сегодня в Европе существует большая турецкая диаспора – например, в Германии, и ее представители не чувствуют себя в равном с другими положении. И Вы правы – здесь много проблем. Только что мы видели пример тому во Франции, где молодежь подняла волнения, сами по себе не имевшие к терроризму никакого отношения. Они были обусловлены исключительно лишь ощущением дискриминации, недооцененности, отсутствием возможностей, открытых перед другими членами общества. Отчасти в этом виноваты и сами европейцы – излишне щедрые и толерантные. Возьмите Швецию – еще недавно самую толерантную страну мира, десятилетиями управлявшуюся социалистами. Сейчас шведы с удивлением обнаруживают, что целые районы в их городах заселены иммигрантами, и выражают недовольство. «Социалистические» власти оказываются в западне – ведь социалисты в принципе склонны исходить из тезиса, что люди равны. Но кого вы пытаетесь обмануть?

Так что Вы правы, обращаясь к этим вопросам. Я же акцентирую внимание на том, что все эти проблемы, увы, отодвигаются на второй план «терроризмом» – который, разумеется, имеет для всех нас важное значение, но несоизмеримое с тем, которое имеет насилие для жителей Судана. Однако это не снимает с повестки дня поставленных мною вопросов. Прежде всего – проблемы воинствующего ислама с его ощущением собственного превосходства и исключительности. Возникает дикая ситуация: самое реакционное течение ислама, ваххабизм, определяет политику Саудовской Аравии – наиболее богатого из ближневосточных государств, которое при этом в наибольшей степени зависит от поддержки со стороны Соединенных

Штатов. Кроме этой проблемы существует проблема миграции, которая захлестывает Европу. И еще неготовность властей обеспечить мигрантам равные возможности для ассимиляции.

Одна из наиболее впечатляющих особенностей Соединенных Штатов – если оставить в стороне чернокожее население – это уровень ассимиляции иммигрантов. Я иногда сравниваю себя со своими родителями; мой отец умер, когда я был еще ребенком, но моя мать так никогда и не выучила английский, и мы в семье говорили на идиш. И вот я, бедный мальчик из нижнего Ист-сайда, теперь профессор Гарвардского университета. Между этими состояниями – огромная дистанция. Но можно ли пройти ее в Германии, Швеции или Испании? Не уверен. Мне кажется, что именно это инициирует формирование замкнутых однородных меньшинств, которые порой готовы к насилию – поджогам машин, уличному возмущению и так далее. Но все это никак не может быть отнесено к терроризму. Это разные явления. И различия между ними затушевываются американской пропагандой, препятствующей правильному определению сути происходящих событий...

Иноземцев: Должен сказать, что то же самое сегодня наблюдается и у нас в России. Правительство нещадно эксплуатирует тему терроризма, обосновывая борьбой с ним постоянное ужесточение режима в близких к Чечне районах, инициируя гонения на относительно лояльных мусульман Северного Кавказа лишь на том основании, что они регулярно посещают мечеть, и так далее. Выступления за права трудящихся в провинции или попытки оппозиции организовать демонстрации в Москве нередко квалифицируются как проявления экстремизма, а между ним и терроризмом российское законодательство вообще не проводит четкой грани. Так что мы с вами сталкиваемся с вполне сходными проблемами...

Белл: Знаете, что я Вам скажу? Кое-что такое, что показывает, что мы все же не живем в прошлом: если бы «холодная война» продолжалась по сей день, вашингтонская администрация поддерживала бы чеченцев.

Иноземцев: Вполне возможно.

Белл: Да-да, потому что это был бы способ создания внутренних проблем для российского государства. Но мы же не финансируем чеченских повстанцев! Мы не спонсировали ни одной их акции – хотя вполне могли бы поддержать их так, как мы когда-то поддерживали афганских моджахедов, боровшихся с советскими войсками. Им ведь Америка оказала огромную помощь. Сейчас из рассекреченных документов ЦРУ мы знаем, сколько выделялось на это денег, сколько посылалось в Пакистан и Афганистан ракет, «стингеров», другого вооружения. Однако чеченцы не получили от Соединенных Штатов ни цента. Ну так где же «холодная война»? Работают ли сравнения с ней? Нет, все это чепуха.

3 ДЕМОКРАТИЯ – ВЧЕРА И ЗАВТРА

Иноземцев: Если Вы не возражаете, в этой части нашей беседы мы поговорим о демократии, об истории ее возникновения, о возможных формах, об основных условиях ее функционирования. Может быть – еще и о возможности ее укоренения в тех странах, где до последнего времени демократические порядки были практически неизвестны, если не сказать – чужды, большинству населения.

Что же такое демократия: особый способ реализации политической власти, который способствует эффективной организации государства, или же это естественная форма человеческого общения, помогающая людям устранять наиболее очевидные противоречия между ними и тем самым создавать более или менее гармоничные сообщества? Иначе говоря, чего больше в демократии – политического или социального; организованного или спонтанного; «общественного» или же скорее «человеческого»?..

Белл: Начнем с очевидного факта: демократия возникла в античной Греции. И хотя в древних трактатах мы встречаем множество рассуждений на эту тему, самое раннее из них содержится, вероятно, в «Пелопоннесской войне» Фукидида. Там пересказывается знаменитая похоронная речь Перикла⁶⁴ – речь,

⁶⁴ Имеется в виду речь Перикла (ок. 495–429 гг. до н. э.), выдающегося афинского государственного деятеля и правителя города с 461 г. до н.э. до конца жизни, на похоронах афинян, погибших в одной из первых битв Пелопоннесской войны (т. е. ок. 430 г. до н. э.). Эта речь, воспроизведенная (как считается, близко к оригиналу) в «Пелопоннесской войне» Фукидида (см. Thucydides. *History of the Peloponnesian War* [Book 2. 34–46]), является одним из наиболее известных выступлений в защиту демократической формы правления.

которая имеет ряд аспектов и измерений. Одна из существенных деталей, на которую сегодня мало кто обращает внимание, касается павших; Перикл говорит, обращаясь к афинянам, что «город похоронит своих погибших». Не семьи, а город. Следовательно, граждане ощущали себя в то время частью чего-то большего, чем семья, – того, что сейчас принято называть полисом. Речь Перикла устанавливает рамки этого нового порядка – ведь прежде в Афинах существовала система аристократического правления со многими формами зависимости, включая и долговое рабство. Условием демократии стала отмена долгового рабства, осуществленная Солоном.

Другой момент, который в некотором смысле представляет даже больший интерес, – это реформы Клистена⁶⁵. До реформ голосование проводилось по родам и кланам, но он предложил реорганизовать этот порядок с учетом географического принципа: отдельно

⁶⁵ Клистен – правитель Афин, в 508 г. до н. э. осуществивший реформу государственной власти, заключавшуюся в разделении территории на районы, от которых выбирались члены городского совета. Если со времен Солона 400 входивших в него представителей избирались от четырех основных кланов по 100 человек от каждого, то в новых условиях в совете стало уже 10 фракций – по 50 человек от каждого из районов. Главной задачей этого преобразования считалось устранение условий для установления тирании; сам Клистен называл эту систему «равенством политических прав», а не «демократией».

но считались голоса жителей побережья, отдельно – основных поселений, и отдельно – предгорий. Заметим: все это было предпринято две с половиной тысячи лет назад. Какие доводы приводил Клистен в пользу новой системы? Главным из них была возможность раздробить клановые связи и тем самым сформировать то, что мы сейчас называем сообществом.

Однако если обратиться к истории политических теорий, обнару-

жится, что многие исследователи – к примеру, те же марксисты – никогда не придавали особого значения географическому фактору, предпочитая обращать внимание на социальную функцию человека. Отсюда и идеи голосования отдельно рабочих, отдельно – среднего класса, отдельно – всех прочих. Представители левых сил всегда стремились исходить из реалий, задававшихся индустриальным порядком. Так возникало невиданное смещение предпосылок и целей.

Современное же понимание демократии предложено Токвилем, который вновь перенес акцент на этос, который он связывал с нравами, на понятие народа, формирующегося как сво-

бодное и добровольное сообщество. Если вы живете в городе, то, как и все горожане, должны иметь право участвовать в принятии решений. С этим мы сталкиваемся до сих пор. Прошрое лето я, как обычно, провел на Марта'с Виньярд, небольшом островке напротив Кейп Кад. Там жители городков по традиции голосуют на общих собраниях, где и принимаются основные решения. Конечно, вы не можете принимать участие в собрании, если не живете там постоянно, а лишь приезжаете на несколько месяцев, но это уже иной вопрос.

Однако нередко прямая демократия считалась опасной. Если вспомнить труды Аристотеля, – в частности, его «Политику», – легко убедиться, что он боялся этой системы. Различая те или иные формы правления – монархию, аристократию и демократию, он считал, что последняя склонна перерождаться в тиранию. Аристотель подробно описывает историю Писистрата – первого афинского тирана⁶⁶. Этот выходец из аристократической семьи призвал народ к сопротивлению аристократам. Сегодня, когда Перон или ему подобные обретают массовую поддержку народа в борьбе против устоявшихся порядков, мы называем это популизмом. Так что во все времена существовал страх перед демократией, особенно в простейшей форме – в виде мажоритарного голосования. Всегда были сомнения в том, должно ли большинство в силу одной лишь численности обладать правом принятия решений. Ответ всегда один и тот же: да, все системы имеют свои недостатки, но у этой они минимальны, так как здесь отражаются воля и стремления народа.

Но я должен сделать небольшое отступление. Скажу откровенно: я – не демократ. Я не верю в демократию. Я верю в свободу и права. Свобода предшествует демократии и предполагает наличие у человека неотчуждаемых прав – таких, как право на равенство перед законом, право собраний и выражения своего мнения, право знать, в чем тебя обвиняют, право на открытое и гласное судебное разбирательство и т. д. Эти права и гарантируют свободы человека. Исая

⁶⁶ Писистрат (ок. 607–528 гг. до н. э.) – греческий политик, пришедший к власти в Афинах в результате народного бунта в 561 г. до н. э. и правивший городом в 561–556 и 546–528 гг. до н. э. Его социальной опорой были жители предместий и окружавших Афины деревень; сохранились свидетельства жестокого подавления в годы его правления любых проявлений несогласия с проводимой им политикой.

⁶⁷ Исайя Берлин (1909–1997) – выдающийся политический философ XX века, известный либеральный историк философской мысли. Родившийся в Риге, он эмигрировал в Англию, где сделал карьеру в Оксфорде. В 1957 г. ему был присвоен рыцарский титул, с 1974 по 1978 г. он был президентом Королевской академии наук Великобритании. Особую известность получила прочитанная им в 1958 г. лекция, в которой он предложил различие «позитивной» и «негативной» политической свободы.

Америку, в Европе лишь немногие задумывались об этом различии [между правом и демократией]. Само его путешествие было спровоцировано дискуссией, которая развернулась во Франции в начале 20-х годов XIX века вокруг вопроса о том, может ли страна вернуться к прежней монархической системе или должна идти вперед, к новым политическим структурам. Некоторые философы и историки,

⁶⁸ Жозеф-Мари, граф де Местр (1753–1821) – савойский философ-консерватор, большую часть жизни проживший во Франции. В своих сочинениях (основной труд – *Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des autres institutions humaines*, 1809) выступал сторонником католицизма и абсолютной монархии.

Луи Габриэль Амбуаз, виконт де Бональ (1754–1840) – французский контрреволюционер, политик и религиозный философ. В 1791–1806 гг. жил в эмиграции, затем вернулся во Францию и после реставрации династии Бурбонов занимал пост государственного министра, был членом палаты депутатов и пэром Франции. С 1830 г. – член Французской Академии. Основной труд – *Theorie du pouvoir politique et religieux* (в 3 томах, 1796).

Берлин⁶⁷ различает «позитивную» и «негативную» свободы. Позитивная предполагает, что вы можете делать что-то для людей или вместе с людьми; негативная – что вы защищены от произвольных решений большинства. Так что демократии я предпочитаю свободу. Но сегодня именно демократия оказалась главной темой политических дискуссий...

Когда А. де Токвиль приехал в Америку, среди них Жозеф де Местр и Луи Бональ⁶⁸, жаждали реставрации, а их основным противником был Ф. Гизо, лекции которого посещал тогда Токвиль. И он отправился в Соединенные Штаты, так как они были в то время первым примером страны, двинувшейся по новому пути. Токвиль не случайно начинает свою «Демократию в Америке» со слов, что в мире появился новый принцип, который отныне невозможно ни отрицать, ни преодолеть. Это – принцип равенства.

Итак, условие демократии – равенство. Но я сделаю еще одно замечание. Мы сталкиваемся здесь с принципом «один человек – один голос». Иногда бывают и исключения – в Великобритании в свое время выделялось несколько парламентских мест для университетов, и те, кто мог выбирать таких представителей, оказывались обладателями двух голосов. Но базо-

вая идея оставалась той же: «один человек – один голос». Нечто подобное, замечу, мы имеем и в рыночной экономике, хотя тут действует принцип «один доллар – один голос». В результате проблемой оказывается то, что некоторые люди имеют намного больше долларов, чем другие. Поэтому при соблюдении правила «один доллар – один голос» со ста долларами вы имеете в сто раз большие возможностей, чем с одним. В политике это не проходит – там сохраняется принцип «один человек – один голос», тогда как в экономике возникают альянсы и союзы, основанные на контроле над капиталом или иными ресурсами, критически важными для общества. Таким образом, под внешне «спокойной гладью» демократии скрывается множество противоречий и линий напряженности. Поэтому очень часто упрощенное понимание демократии не решает существующих проблем, а лишь порождает новые.

Иноземцев: Вы коснулись столь многих вопросов, что мне кажется необходимым рассмотреть некоторые из них по отдельности. Если позволите, я бы начал с принципа «один человек – один голос». Не секрет, что этот принцип не действовал на протяжении большей части истории демократических государств. В античном мире граждане составляли меньшинство населения полиса; в Римской республике гражданство предоставлялось, по сути, избранным; в Англии избирателями были только представители джентри; вплоть до начала XX века в большинстве демократических стран применялся имущественный ценз; в США негры были лишены избирательных прав. О допуске к голосованию женщин я даже не говорю – это стало реальностью менее ста лет назад. Поэтому не будет преувеличением сказать, что на протяжении нескольких столетий успехи демократии измерялись не качеством управления, не степенью развитости правовых институтов и не развитостью судебной системы, а последовательным расширением круга людей, которые допускались к принятию решений.

Однако в последнее время сами эти успехи ограничиваются достигнутой степенью участия граждан в демократическом процессе. Количественное развитие невозможно, если всеобщее избирательное право стало реальностью в большинстве развитых стран. Мне кажется, мы сталкиваемся тут с чем-то, что можно назвать

«проблемой системы и среды»: когда развивающаяся система расширяется до естественных пределов, когда теряется «её иное», наступает своего рода конец... Конец истории. Конец развития демократии. Конец общества в современном его понимании... Прежде прогрессом считалось вовлечение все большей массы людей в процесс принятия решений. Сегодня предполагается, что это неотъемлемое право каждого. Значит, прогресс остановился?

Тут возникает и следующая проблема. Античные философы отказывали рабам в наличии у них души. В Средние века женщины считались существами, неравными мужчинам. Позже ограничения избирательных прав обосновывались имущественными соображениями или указанием на необразованность части населения. Однако и сегодня люди не стали равными в своих способностях – даже если им и гарантировано равенство прав. Может ли система, основанная на всеобщем избирательном праве, быть эффективным средством решения проблем, если значительная часть избирателей плохо представляет себе их содержание, но вправе высказать свое отношение к ним? Не вырождается ли массовая демократия в популизм, а сообщество граждан – в управляемую толпу?

Белл: Вы поднимаете самый, пожалуй, важный вопрос современности. Как далеко мы можем пойти в «утверждении» демократии, если согласны, что эта политическая система предпочтительнее всех прочих? Сегодня, когда нам известны все ее изъяны, обращают на себя внимание два аспекта поднятой Вами проблемы.

Во-первых, что лучше: прямая демократия или представительное правление? В первом случае каждый может высказаться по любому вопросу, и этот порядок кажется истинно демократическим. Людям свойственна подозрительность по отношению к представительству, где некто другой уполномочен говорить от их имени – и поэтому они всегда считали идеальной прямую демократию. Сегодня, с появлением компьютеров и интернета, для такой практики созданы все необходимые условия.

Некоторые версии прямой демократии имеют долгую историю. Если говорить о Соединенных Штатах, то Калифорния уже давно ввела практику референдумов – то есть обеспечила жителям штата возможность высказываться по наиболее важным вопросам.

Большинство до сих пор воспринимает это как свидетельство развития демократии. Но проблема состоит в том, что организованные лоббистские группы имеют массу возможностей мобилизовать народ в нужном направлении – и потому референдумы, задуманные для упрочения демократии, достигают этой цели все реже.

Во-вторых, есть ли в обществе институты, способные нейтрализовать негативные последствия «избытка демократии»? Самый простой из них состоит, разумеется, в ограничении срока пребывания выборных лиц в должности. Это требование появилось давно, но оно не универсально: например, в Великобритании можно избираться на пост премьер-министра сколько угодно раз. Из числа тех стран, где действуют подобные ограничения, хотел бы отметить США и Мексику. В Соединенных Штатах Америки соответствующая норма была введена только в середине XX столетия – после того как Франклин Д. Рузвельт избирался президентом четыре раза подряд, и это показалось законодателям чрезмерным. В Мексике, история которой полна давних революционных традиций, начиная с 1916 года президент избирается только на один (пусть и шестилетний) срок – как знать, не потому ли, что за эти шесть лет ему удается заработать столько денег, что хватает на всю оставшуюся жизнь?.. Но это не мешает одной-единственной партии – Революционно-институциональной – находиться у власти десятилетие за десятилетием⁶⁹. Так что известны ситуации, в которых сама идея ограничения срока полномочий извращается до неузнаваемости.

Именно это происходит сегодня в России, где возникает авторитарная система власти. Увидим, как поступит В. Путин [в 2008 году], ведь в России, согласно Конституции, президент может избираться лишь на два срока подряд. Будет ли он добиваться переизбрания, и если да, то как будут изменены существующие правила? Но в целом идея ограничения срока пребывания в должности – хорошая идея. В последнее время ее начинают обсуждать даже по отношению к депутатам-законодателям. В целом же представительная демократия – это наилучшее решение самой слож-

⁶⁹ Революционно-институциональная Партия (Partido Revolucionario Institucional, PRI), основанная в 1929 г. и именованная Национально-Революционной Партией и Партией Мексиканской революции, играла роль «государственной партии» вплоть до 90-х годов, когда ее влияние начало ослабевать. В 2000 г. впервые в новейшей истории Мексики президентом был избран Висенте Фокс, не принадлежавший к PRI.

ной проблемы демократии. В наше время у большинства людей нет времени и возможностей (а нередко и достаточной компетенции) для принятия взвешенных решений по сложным вопросам. В условиях представительной демократии депутаты могут уделять все свое время работе в парламенте, у них есть помощники и штат, к тому же они все равно должны регулярно доказывать свое право представлять своих избирателей. В США члены Палаты представителей делают это раз в два года, сенаторы – каждые шесть лет. Причем если прежде, когда наша страна представляла собой конфедерацию в полном смысле слова, сенаторы избирались законодательными собраниями штатов для контроля над федеральными властями, то затем это стало раздражать граждан, поэтому теперь сенаторов избирают прямым голосованием.

Следствием, однако, стало то, что Северная Дакота, численность населения которой такая же, как в одном избирательном округе Массачусеттса [из десяти], посылает в Сенат двух представителей, и Массачусеттс тоже избирает двух сенаторов. Возникают новые вопросы. Но в сложном и взаимозависимом мире нет идеальных решений – можно говорить о более и менее хороших, а не о хороших и плохих. Кроме того, чтобы быть равными, люди должны иметь четкие права (в нашей стране это закреплено в Билле о правах), которые они способны отстаивать в независимых судах, свободных от любого давления со стороны властей. В этом отношении впечатляющим примером служит наш Верховный суд, где некоторые либеральные судьи назначены республиканцами. В прошлом среди них

⁷⁰ Гарри Блэкман (1908–1999) и Дэвид Соутер (р. 1939) – члены Верховного суда США, соответственно, в 1970–1994 гг. и с 1990 г. по настоящее время. Оба, будучи назначены президентами-республиканцами, занимали в годы работы в суде сторону либералов. В одном Д. Белл ошибся: кандидатура Д. Соутера была внесена в 1990 г. не Р. Рейганом, а тогдашним президентом Дж. Бушем-старшим.

были Г. Блэкман, а также Д. Соутер, назначенный Р. Рейганом⁷⁰. Эти люди – приверженцы определенных политических взглядов, и, более того, они выдвинуты той или иной партией, но, приходя в Верховный суд, они как юристы, хорошо понимающие потребности и направления реформирования существовав-

шего законодательства, начинали действовать без оглядки на собственные предпочтения или партийную принадлежность, руководствуясь только профессиональным призванием.

Итак, я считаю, что заявленная Вами важная проблема имеет две стороны. С одной, хочется до максимальных пределов расширить предоставляемые человеку возможности участвовать в принятии важных решений. С другой, хочется создать систему сдержек и противовесов, обеспечить соблюдение прав других граждан, ограничить произвол власти и гарантировать независимость судебной системы. Право, таким образом, обладает внутренней логикой – и именно поэтому члены Верховного суда, несмотря на их пожизненный статус, нечасто злоупотребляют открытыми перед ними возможностями. Будучи хорошими юристами, они подчиняются логике закона, а не силе собственных интересов. Разумеется, бывают и исключения. Нет ничего совершенного в мире... Но не нужно гнаться за совершенством – гораздо правильнее достигать максимально возможного в тех обстоятельствах, в которых находишься.

Иноземцев: Однако, насколько я могу судить, существуют и системы, в которых суды придают гораздо меньше значения трактовке законов. Например, в англо-саксонской системе правосудия особую роль играет прецедент, в континентальной же европейской системе права на первом месте стоят скорее конституция и четкие кодексы законов; эта практика основана на римском праве и кодификации законов, идущей в современной Европе от кодекса Наполеона. Можно ли говорить, что одна из систем права – конституционная или прецедентная – предпочтительнее другой?

Белл: Я как раз собирался сказать, что во многих странах есть конституции, призванные определять политическую структуру общества. Но они не всегда гарантируют свободы... Одна из самых либеральных конституций новейшего времени была принята в СССР в 1936 году...

Иноземцев: Да, это хороший ответ, против него трудно возразить.

Белл: Правда, вскоре после ее принятия у вас в стране свирепствовала ежовщина – и «самая справедливая» советская конституция не стала ей помехой.

Иноземцев: Совершенно с Вами согласен, но все же, продолжая эту тему, я хотел бы отметить необычную, с точки зрения европейца, особенность американской системы права. Мне кажется, она характеризуется не только особой ролью судов в формировании правоприменительной практики, но и тем, что нередко суды оказываются своеобразным источником права. Взять хотя бы знаменитое «дело Брауна»⁷¹; по сути, именно суд выступил в данном слу-

⁷¹ Имеется в виду известный судебный процесс «Г-н Браун против Департамента образования» (Brown vs. Board of Education of Topeka), в ходе которого 17 мая 1954 г. Верховный суд США признал незаконным раздельное обучение белых и негритянских детей в школах штата Канзас, что ознаменовало отмену сегрегации по расовому признаку в Соединенных Штатах.

чае как законодатель, инициировав отмену раздельного обучения белых и чернокожих детей в школах. Решение Верховного суда об отказе пересчитать голоса во Флориде во время президентских выборов 2000 года фактически стало назначением Дж. Буша-младшего на пост

президента Соединенных Штатов. И можно привести много подобных примеров...

На мой взгляд, хотя система, которая существует здесь, в США, и представляется сложной, она позволяет избежать ряда проблем, с которыми приходится сталкиваться в большинстве демократических стран. Она отчасти снижает пресловутую «управляемость» политической системы, о которой в последнее время так много говорят в России, но повышает ее комплексность, делает ее более «естественной», если так можно выразиться. Однако тут возникает вопрос: насколько такая система применима в иных странах? Или речь идет об элементе политической культуры, который практически невоспроизводим?

Белл: Здесь мы касаемся одной из важнейших проблем, существующих в данной области. После принятия закона (безразлично, изданного монархом или одобренного парламентом) возникают вопросы его интерпретации и применения. Конституция Соединенных Штатов, например, была написана в эпоху аграрного общества, когда люди жили, по сути, автономно друг от друга; сегодня мы передвигаемся по железным дорогам и летаем на самолетах. Ни о тех, ни о других в Конституции не сказано ни слова. Соответственно, нужно «достраивать» заложенные в ней смыс-

лы применительно к новым ситуациям. Это «доставление» – важнейшая функция законодательной (а отчасти и судебной) власти, и потому в основных законах не постулируют малосущественных моментов.

Интерпретация законов применительно к обстоятельствам во все времена считалась важнейшим делом. Если взглянуть на древнейший кодекс – кодекс Хаммурапи, – можно увидеть, что большая его часть посвящена как раз этому. Если вы обратитесь к роли Талмуда в жизни евреев, то увидите, что Талмуд – это собрание разъяснений относительно того, как следует в различных обстоятельствах толковать митцвы⁷², содержащиеся в Торе. С ортодоксальной точки зрения требования Торы и Талмуда запрещают в шабат пользоваться любыми средствами передвижения – не только, например, автомобилем, но даже ездить верхом на осле. Однако если вы просто стоите на месте и в то же время двигаетесь, будет ли это нарушением? Нет... И если это лифт, то...

⁷² Митцвы – 613 божественных заповедей, содержащихся в Торе и составляющих так называемый мицвот, или кодекс поведения иудея. Обычно разделяются на обязательства, или позитивные заповеди и запрещения, или негативные заповеди. Их толкования составляют основу Талмуда и являются базой для еврейской системы права.

Иноземцев: Вы, конечно, говорите о «шабатном лифте»; я видел такие в иерусалимских гостиницах – и, честно сказать, это сильно впечатляет.

Белл: ...вам ведь нельзя даже нажимать кнопки, если не хотите нарушить заветы. Поэтому лифт автоматически останавливается на каждом этаже. Разумеется, в Торе ничего не говорится о лифтах, поэтому необходимы интерпретации, объяснения. Следовательно Талмуд – не более чем свод законов и правил, на основании которых в наши дни раввины вольны определять, какой из видов передвижения допустим, а какой – нет. Таким образом, есть конкретные алгоритмы человеческого поведения, задаваемые той или иной технологической системой, и любому законодателю приходится это учитывать. Если, например, Конгресс принимает закон, то с изменением технологий судам неизбежно придется давать ему новые толкования. Сегодня, например, мы сталкиваемся с ранее не известной

системой передачи информации через интернет, и не вполне понятно, в какой мере и как можно контролировать эту сферу, ведь она существенно отличается от всего, что было известно нам прежде: от книг, газет или тех же радио или телефона.

В связи с этим всегда остро стоит вопрос о том, как далеко могут зайти суды, фактически изменяя законодательство своей трактовкой законов. Мы возвращаемся к тому, что практически невозможно иметь какие-то абсолютные правила. Можно с уверенностью сказать, что ни одно правило не может быть абсолютным, поскольку, претендуя на такой статус, оно окажется просто бессмысленным в новой ситуации. А ситуации меняются постоянно. Простой пример. Вглядываясь в реалии XXI века, мы можем смутно различить бесчисленные проблемы, встающие перед человечеством. Возьмем космос. Кем он будет (или может) контролироваться? Да и что это вообще такое? На каком расстоянии от поверхности Земли он начинается? Как далеко распространен? Или, например, на Земле есть место, где сотрудничество многих стран – и развитых, и принадлежащих «третьему» миру – не омрачается недопониманиями. Это Антарктида. Но кто контролирует этот континент? Формально он принадлежит всем и в то же самое время – никому. И это открывает новые возможности.

Сегодня мы видим развитие международного сотрудничества в космической сфере. Уже построена Международная космическая станция. Но можно ли «обладать» космосом? Принадлежит ли Соединенным Штатам космическое пространство над ними? Точно такая же проблема имела место во времена Хрущева. США посылали самолеты-шпионы в советское воздушное пространство, говоря

⁷³ 1 мая 1960 г. под Свердловском советские ПВО ракетой «земля-воздух» сбили самолет U-2, осуществлявший разведывательный полет над территорией СССР из Пакистана в Норвегию и пилотирувавшийся Г. Пауэрсом. Инцидент привел к провалу встречи Н. Хрущева и Д. Эйзенхауэра в Париже две недели спустя и резко ухудшению советско-американских отношений.

при этом: да что вы, у нас даже нет таких самолетов! К чести русских, им удалось сбить один из них⁷³, и они заявили: это агрессия, это наше воздушное пространство!

Другая сфера, более повседневная, но оттого не менее существенная, – это погода. Кто контролирует

погоду? Да и можно ли ее контролировать? Да, в какой-то мере это возможно – есть технологии искусственного стимулирования дождя или разгона облаков. Но кто владеет погодой, кому она «при-

надлежит»? Мы снова возвращаемся к нашему главному вопросу: такие проблемы не могут быть решены демократическим образом. Их можно решить лишь путем переговоров, направленных на поиск компромисса и формулирование кодекса правил. Но даже будучи зафиксированными, эти правила потребуют интерпретации. Здесь возникает потребность в [специализированных] международных организациях.

Но к самим таким организациям не все и не всегда относятся с энтузиазмом. Например, ООН в Америке практически с самого ее основания воспринимали чуть ли не враждебно. Почему? Потому что решения Организации Объединенных наций приоритетны по отношению к американским законам. Но это не самый «экстремальный» случай. Сегодня, например, англичане сталкиваются с более серьезной проблемой: может ли Брюссель отменять акты парламента? Всем сегодня интересна проблема демократии, но какова та социальная общность, в рамках которой – и по отношению к которой – функционирует демократия? В рамках Европейского Союза многие традиционные представления на этот счет радикально меняются в последнее время.

Решения, вырабатываемые в Брюсселе, иногда идут вразрез с национальными и местными законами. Потому вопрос не в том, что такое демократия, но в том, к какой «социальной единице» вы принадлежите. Мы также сталкивались с ним в нашей собственной истории – ведь, как я уже говорил, изначально Соединенные Штаты представляли собой конфедерацию отдельных штатов, и возник момент, когда часть их вознамерилась выйти из Союза. В результате разразилась Гражданская война – кровавая война, которую вели за сохранение единства нации. Да, кстати, Вы знаете, почему Гражданская война стала одной из самых кровопролитных в истории?..

Иноземцев: Нет, вряд ли я отвечу на этот вопрос... А она действительно была столь разрушительной?

Белл: Потому что тогда впервые были широко использованы винтовки. До этого применялись преимущественно гладкоствольные ружья. Винтовки стреляли намного более прицельно, а такти-

ка ведения боя не была соответствующим образом пересмотрена. Войска сходились в близком бою, никто не имел и представления об окопах. Именно поэтому в Гражданской войне погибло так много людей с обеих сторон.

Когда недавно югославские республики – Словения, Босния и т. д. – попытались было объявить о своей независимости, руководство Сербской социалистической партии, состоявшее из последователей маршала Тито во главе со Слободаном Милошевичем, заявило, что, подобно американским лидерам в 1860-е годы, хочет сохранить единство страны. Милошевич представлялся новым Линкольном, чья деятельность была полностью подчинена этой цели. Этот аргу-

⁷⁴ Питер Хандтке (р. 1942) – австрийский драматург и писатель, с 1991 г. живущий во Франции. В 1996 г. выпустил книгу «Зимняя поездка по Дунаю, Саве, Мораве и Дрине, или Справедливость для Сербии», в которой подверг резкой критике подход западной прессы к освещению событий в Югославии, в частности войны НАТО против Сербии. В 2004 г. С. Милошевич просил Гаагский трибунал вызвать П. Хандтке как свидетеля защиты, но получил отказ. П. Хандтке 18 марта 2006 г. выступил с проникновенной речью на сербском языке на похоронах С. Милошевича, заявив, что был счастлив быть на его стороне и на стороне народа Сербии.

мент подсказал ему драматург Питер Хандтке⁷⁴. И это еще не верх цинизма. Можно вспомнить, как в свое время многие сторонники южан утверждали, что рабство, которое отстаивали конфедераты, было более гуманным, чем «наемное рабство», распространенное в северных штатах. В первом случае хозяин был ответствен за раба, во втором предприниматель мог уволить рабочего, который в течение многих лет трудился на его предприятии и растратил

свои силы и здоровье. «Посмотрите на северян, – говорили они, – их города переполнены голодающими бедняками, грязными побирושками, ничего не ждущими ни от правительства, ни тем более от своих бывших хозяев. И кто отвечает за это? На Севере – никто. Так что наемный труд – вот настоящее рабство». И на это нужно было возражать, так как людям во все времена требовалась не только вера, но и понимание: что лучше, а что хуже.

Итак, какая система была хуже? «Наемное рабство» действительно было ужасным – но только до тех пор, пока не были созданы механизмы поддержки временно нетрудоспособных и пенсионеров, пока не сформировалась нынешняя система социального обеспечения.

Я уверен: без системы социального обеспечения не может быть демократии. Иначе вы всегда будете сталкиваться с опасностями по-

пулизма и демагогии. Как я говорил (и писал) с самого начала своей карьеры: я социалист в экономике, либерал в политике и консерватор в культуре. Что я имею в виду, считая себя социалистом в экономических вопросах? Я считаю, что необходимо создать условия, в которых каждый человек имел бы возможность участвовать в жизни общества. Для этого все должны ощущать себя экономически защищенными – иначе о каком участии можно говорить? Поэтому первейшая обязанность общества – обеспечить всем людям экономическую базу для относительно нормальной жизни.

Это в свою очередь требует государственного вмешательства в экономику. Его масштабы могут обсуждаться, так как государство часто бывает неэффективным, неуклюжим и забюрократизированным. В те времена, когда я, по молодости, был последовательным социалистом, считалось, что государство всегда лучше, чем произвол частных собственников. Но все мы видели, что оно может быть неэффективным, и притом жестоким, как показывает опыт России. Прежней, советской России... В общем я хотел прежде всего показать, как определенные обстоятельства порождают качественно новые ситуации. Та же война между Севером и Югом, в основе которой лежали диаметрально противоположные оценки обычного и наемного рабства, в конечном счете породила в нашей стране разные формы социальных гарантий, которыми все мы сейчас пользуемся.

Иноземцев: Все это очень интересно, но позвольте вернуться к нашей первоначальной теме. На мой взгляд, существует еще одна принципиальная проблема, с которой так или иначе сталкиваются все политологи, да и политики тоже. Это проблема, если так можно сказать, субъектности демократии.

Разумеется, идеальной выглядит ситуация, когда каждый человек имеет один голос, при этом все избиратели одинаково активны, отлично информированы о тех вопросах, которые ставятся на голосование, а заодно еще и свободны от идеологических и религиозных предрассудков, способных помешать им сделать правильный выбор. По сути, если соблюдаются все условия, которые в экономической теории рационального потребительского поведения берутся за данность. Однако экономистам не потребовалось много времени, чтобы признать: такая модель – абстракция.

Политики также сталкиваются с не вполне адекватным выбором, который делают избиратели. Я, например, был впечатлен результатом, полученным при исследовании предпочтений избирателей в голосовании на упоминавшихся президентских выборах 2000 года. Оказалось, что более 90% американцев – выходцев из мусульманских стран, голосовали за Дж. Буша! За человека, который вскоре ввел войска в Афганистан и Ирак и стал чуть ли не главным «воплощением зла» для любого мусульманина! Почему? Просто потому, что тем самым они выступали против демократа А. Гора и его кандидата в вице-президенты, еврея Дж. Либермана! И от людей, руководствующихся столь примитивными мотивами, в условиях демократии зависит весь ход истории!

И еще одна сторона этой проблемы: в любом обществе существуют устойчивые группы граждан, объединенные по национальному, этническому, языковому или религиозному признаку. Демократическая процедура становится иногда инструментом заявления определенных требований со стороны этих групп – требований, которые власти предпочитают удовлетворять не в последнюю очередь для того, чтобы заручиться поддержкой этой категории избирателей. Порой кажется, что именно группы и слои населения, а не отдельные граждане, становятся «актерами» демократического процесса. Достаточно вспомнить, сколь распространенной стала здесь, в Америке, практика мультикультурализма. Или о роли, которую сейчас играет религия в американском избирательном процессе. Жизнеспособна ли классическая модель демократии в мире, который разделен на разные группы людей, причем чаще всего – по врожденным, неотчуждаемым признакам?

Белл: Да, это исключительно важный вопрос: какие механизмы и структуры следует создать ради обуздания произвола большинства? Однако я хотел бы заметить, что даже если в обществе и образуется явное большинство, то оно никогда не будет придерживаться единой позиции по всем вопросам, которые могут быть поставлены на голосование. Единогласно голосуют только в Северной Корее. Всегда есть много вопросов, отношение к которым расколет доминирующую группу на меньшие части. Достаточно сказать, что в нашей стране главными всегда были различия в социальной

функции человека – его принадлежность к предпринимательскому, или фермерскому сословиям, или же, напротив, к классу наемных работников, пролетариев.

Но сегодня в сельском хозяйстве занято не более трех процентов населения. Рабочие также стали меньшинством – да и то необходимо уточнять, кого относить к этой категории. Фабричный пролетариат? Всех наемных работников, включая государственных служащих? Где те основания, которые жестко разделили бы людей? Да, есть давние противоречия между выходцами из северо-восточных штатов и южанами; между католиками и протестантами; между потомками европейцев и афро- и латиноамериканцами. Но ведь были времена, когда церковь определяла содержание школьных программ. Где они? Уже почти забыты. Где сегрегация? Ее нет; скорее вы столкнетесь с примерами «утверждающих действий». Поэтому, хотя в принципе и могут возникать ситуации, в которых имеется сплоченное большинство, они редки, да в принципе и недолговечны.

Вот почему сегодня более важной оказывается позиция тех избирателей, которые не принадлежат к устойчивым группам и потому могут вступать в игру и провоцировать довольно неожиданные комбинации. Вот Вы, к примеру, несколько раз говорили о том, что Дж. Буша избрал американский народ. И да, и нет. В Америке не существует избрания большинством голосов. Голосование проводится по штатам, и каждый из них направляет определенное число своих представителей в коллегию выборщиков. Были случаи, когда коллегия избирала президентом кандидата, набравшего меньше голосов, чем его противник. Это становится особенно вероятным, если в игру вступает третья сила, новый кандидат – такой, например, как Росс Перо⁷⁵.

Таким образом, Вы поднимаете сразу много вопросов, каждый из которых не имеет однозначного и окончательного решения. Но фундаментальным преимуществом демократического режима является

⁷⁵ Росс Перо (р. 1930) – американский предприниматель-миллиардер, основатель и владелец (до 1988 г.) компании Electronic Data Systems, политик правового толка, получивший известность в качестве первого в истории независимого кандидата на пост президента США, внесенного в бюллетень для голосования во всех 50 штатах страны (на выборах 1992 г.). Потратив на кампанию более 65 млн. долл. из собственных средств, он получил 18,9% голосов, но не добился победы ни в одном из штатов. Р. Перо отвлек значительное количество голосов сторонников республиканцев и способствовал победе Б. Клинтона. В 1996 г. он вновь выставил свою кандидатуру от созданной им Партии реформ, но не имел сопоставимого успеха у избирателей.

как раз то, что все они могут быть поставлены на повестку дня. Во многих ли странах дело обстоит именно таким образом? Можно говорить, что при Путине в России дозволено свободно обсуждать более узкий круг проблем, чем в годы правления Б. Ельцина. Вы утверждаете, что это отступление от демократии может оказаться довольно долгим. Но самое важное – это то, что различные вопросы продолжают ставиться и обсуждаться.

Иноземцев: Сторонники мультикультурализма, по сути, отходят от принципа «один человек – один голос», предпочитая рассматривать в качестве структурных единиц группы или сообщества, объединенные определенными общими чертами. Возникает соблазн считать субъектом демократического процесса не отдельных людей, а их сообщества. Применительно к Соединенным Штатам эта позиция встречает возражения, но в глобальном масштабе она фактически признана. Достаточно посмотреть на Организацию Объединенных наций: в ней каждая страна, то есть сообщество людей, имеет один голос при принятии решений, причем мелкие и подчас неспособные разобраться с собственными проблемами государства выступают на равных с крупными демократическими странами.

Справедлива ли такая система? Более того: может ли вообще кто-либо, кроме отдельного человека, быть субъектом демократического процесса? Могут ли демократические процедуры преодолевать национальные рамки? Можно ли считать демократической, например, процедуру принятия решений в Европейском Союзе, если там способна возникнуть ситуация, в которой маленький Люксембург может заблокировать принятие решения, за которое готовы проголосовать все остальные государства-члены? Отчасти такая же проблема возникла бы и в США в случае, если бы небольшие штаты, такие как Род-Айленд, могли налагать вето на согласованные остальными решения. Итак, вопрос в следующем: кто может быть субъектом демократического процесса?

Белл: Всегда нужно исходить из сложившейся реальности. Интересно, конечно, ставить те или иные теоретические вопросы, но в большинстве случаев они лишь запутывают проблему.

Когда Вы упоминаете о месте Люксембурга в Европейском Союзе, я вспоминаю о статусе Северной Дакоты, самого малонаселенного американского штата, и Массачусеттса. И в том, и в другом случае речь идет о сложившейся практике. Мы живем в том мире, который нам дан. Мы не можем просто взять и «глобализировать» его. Особенно если мы хотим исключить ситуации, в которых одним людям будет навязываться воля других, если мы намерены гарантировать каждому, что при принятии решений его голос будет услышан. Поэтому, если говорить о практике мультикультурализма, которая ныне распространяется в США, необходимо затрагивать вопросы ее пределов и защиты от перегибов. Лет двадцать пять назад мы столкнулись с проблемой так называемого «негритянского английского» – наречия, на котором многие афроамериканцы и выходцы из стран Карибского бассейна разговаривали на креольский манер, растягивая и коверкая многие слова. Можно, конечно, было сказать: мы не хотим разрушать вашу культуру, поэтому вам позволительно использовать этот диалект. Но на практике был дан совершенно другой ответ: единственный шанс на то, чтобы интегрироваться в общество, в котором вы живете, и достичь в нем успеха, дает вам знание общепринятой версии английского языка. Вы можете пользоваться в быту своим наречием, но английский вы должны знать. Как сказал тогда один из проповедников-евангелистов, имея в виду Библию, давно уже переведенную на английский: «если этот язык подходит для выражения мыслей и описания деяний Иисуса, он вполне может сгодиться и для всех остальных».

Конечно, на это суждение можно улыбнуться. Этот проповедник всегда читал Библию по-английски и потому считал его языком, подходящим для Иисуса. Немного же он знал о том, на каком языке проповедовал Христос!.. Ну да Бог с ним. Просто я хотел сказать, что всегда существует проблема с принятием произвольных, или волюнтаристских, решений. И с этим мы сталкиваемся почти всегда, когда приходится делать выбор.

Вот Вам пример. Когда в годы реформ Мейдзи Япония пыталась перейти от прежней, феодальной системы, к новой политической организации, решено было поискать образцы для подражания. Были сформированы две делегации: одна, которую возглавлял

министр Фухиморо, поехала в Англию, другая, под руководством генерала Яамото, – в Германию. Вернувшись, они представили императору два доклада. В каждом содержалась своя программа действий. Предпочтение было отдано «германскому» варианту – и на том лишь основании, что в Германии вплоть до Первой мировой войны военное ведомство было подотчетно не парламенту, а только императору. Именно поэтому японцы решили: это как раз то, что нам нужно.

В результате до конца Второй мировой войны Япония имела политическую систему, скопированную с германского образца. Фухиморо вернулся с изложением идей И. Бенгтама и Дж. Ст. Милля, но они были выброшены на ветер. И генерал

⁷⁶ Хидеки Того (1884–1948) – японский военачальник и политический деятель, с 1935 по 1938 г. – командующий Квантунской армией, с июля 1940 г. – военный министр. С 18 октября 1941 г. по 22 июля 1944 г. был главой кабинета министров и одновременно – главнокомандующим вооруженными силами страны. В связи с серией поражений на основных театрах военных действий отправлен в отставку летом 1944 г. Казнен по приговору Токийского международного трибунала как один из главных японских военных преступников.

Того⁷⁶, который командовал японской армией во Вторую мировую войну, не был подотчетен никому, кроме императора. Это, конечно, не могло не породить вопроса: а какова ответственность самого Хирохито? И мы столкнулись с реальной проблемой, желая сохранить императора, но покарать военных преступников.

После Второй мировой войны японское государство кардинально изменилось. Нам удалось навязать японцам новую систему управления. Но сохранится ли она в неизменном виде еще хотя бы несколько десятилетий? Ведь японцы уже сегодня стремятся к ее ревизии, так как сейчас они лишены возможности обладать полноценной армией. И если этот принцип будет пересмотрен, кто знает, какой станет японская политика?

Однако всегда остается актуальной проблема с навязыванием того или иного режима, внедрением той или иной системы правления. Если вспомнить об Ираке, то изначальный план заключался в свержении баасистского режима и установлении демократической формы правления. Правда, несколько лет спустя мы имеем три практически отдельные части Ирака. Следует ли нам разделить страну на три части? Или хотя бы на две? В какой степени можно говорить об успешности раздела Югославии? В любом случае очевидно, что каждая конкретная ситуация

уникальна и необходимо воздерживаться от навязывания той или иной стране произвольных законов, равно как и тех, что отражают наше собственное впечатление об оптимальной политической системе.

Но Вы подняли весьма важный вопрос о национальном государстве. Национальное государство – это изобретение XIX века. Германия стала таковым только в 1860-е годы. Как Вы думаете, почему ей удалось сделать это именно в тот период? Одним из факторов было появление железных дорог, которые помогли связать немецкие княжества воедино. Исторически основными транспортными путями в Германии были реки, а все они в той стране текут с юга на север: Рейн, Одер, Эльба и т. д. Вплоть до прихода к власти Бисмарка не существовало «поперечных» путей сообщения. Прокладка железных дорог радикально изменила ситуацию с военной точки зрения, дав пруссакам возможность перебрасывать армейские части с запада на восток и обратно... В Италии национальное государство было еще слабее. Оно образовалось приблизительно в те же годы в ходе народных движений и войн, возглавляемых Гарибальди, Маззини и Кавуром. Однако даже после окончательного объединения Италия – страна с такими разными регионами, как Сицилия и Пьемонт, – не стала стабильной. Сегодня же на повестке дня стоит выход за рамки национальных государств, и сделать это будет чрезвычайно сложно.

В наше время национальное государство стало своего рода средством защиты от глобализации – точнее, от последствий глобализации, таких как аутсорсинг, потеря рабочих мест, ужесточающаяся конкуренция. Однако переход к более крупным политическим объединениям и даже политическим единицам неизбежен. Уже созданы и действуют региональные правительства – в Европе, Африке, Юго-Восточной Азии. Разумеется, все они находятся в процессе становления; и вопрос о том, как строить «постнациональные государства», остается открытым. Возможна ли государственная власть в масштабах всего мира? Да, сегодня мы имеем систему Организации Объединенных наций. В ней воспроизведены два уровня власти – как и в политической системе Соединенных Штатов. Мы имеем Генеральную Ассамблею и Совет Безопасности. Следует ли «демократизировать» Совет

Безопасности? Сейчас тон в нем задают великие державы, которые не только имеют большие права, но и несут немалую ответственность. В то же время добрая половина стран, представленных в Генеральной Ассамблее, по своим масштабам меньше Массачусеттса. Да, все они – суверенные государства. Но на что они способны на самом деле? Как следует с ними поступать? В прошлом мы обычно просто покупали их голоса. Возможно ли это при наличии региональных союзов?

В общем можно идти двумя путями. Можно углубляться в историю и историческую специфику той или иной страны – и можно исходить из того, что имеется в наличии «здесь и сейчас». В последнем случае необходимо помнить, что мы должны стремиться избегать навязывания абстрактных правил, не допускать опасной концентрации власти, нарушения прав меньшинств и появления привилегированных групп. Новые политические институты иногда возникают странным образом. В последние годы был создан качественно новый институт, обладающий исключительно большими возможностями, – Международный уголовный суд. В прежние времена такие суды разбирали споры между государствами – теперь есть судебная инстанция, которая может оценивать действия отдельного человека. США не слишком этому рады; они опасаются, что объектом преследования могут стать американские воен-

⁷⁷ В данном случае Д. Белл смешивает специальные суды, созданные согласно решению ООН для расследования военных преступлений в бывшей Югославии (учрежден Резолюцией № 827 СБ ООН от 25 мая 1993 г.) и Руанде (учрежден согласно Резолюциям №955 и №978 СБ ООН от 8 ноября 1994 и 27 февраля 1995 г.), и так называемый Международный уголовный суд, статут которого был открыт для подписания в Риме 17 июля 1998 г. и вступил в силу 1 июля 2002 г., но не ратифицирован многими влиятельными странами, в том числе США, Россией, Китаем и Индией. Именно Международный уголовный суд способен привлекать к ответственности граждан различных стран за участие в геноциде и военных преступлениях без санкции (и даже без уведомления) их правительств.

нослужащие. Примеры вненационального судебного преследования уже имеются. А. Пиночет был задержан в Лондоне по ордеру, выданному судебными властями Испании. Другой испанский судья объявил А. Шарона военным преступником. С. Милошевич не дождался судебного вердикта, так как умер в тюремной камере в Гааге⁷⁷.

В то же время остаются и вопросы. Какой может быть эта индивидуальная ответственность и сколь широким может оказаться круг тех, кто будет к ней привлечен? В Руанде, раз-

умеется, легко найти тех, кто должен отвечать за геноцид 1994 года. Но их число составит не менее 70–80 тыс. человек. Следует ли всех их привлечь к суду – или только верхушку, как это сейчас и сделано? На этот вопрос пока нет однозначного ответа – и так происходит всякий раз, когда речь заходит о каком-то новом институте или структуре. А Международный уголовный суд – это как раз первый шаг интернационализации тех функций, которые, как считалось раньше, принадлежат исключительно национальным государствам.

Иноземцев: Давайте поговорим теперь об универсальном характере демократических принципов. В последнее время распространяются представления о «разделенности» человечества на отдельные «цивилизации» – и этот подход проецируется на проблематику демократии. У нас, в России, нередко приходится слышать, что существует некая специфическая «российская» цивилизация (возможно, под ней понимается то, что С. Хантингтон обозначает в качестве «православной цивилизации»), и она «по определению» не приемлет многих демократических традиций, характерных в первую очередь для цивилизации «западной». С другой стороны, в американской и европейской литературе все чаще встречаются рассуждения о том, можно ли «демократизировать» исламские государства, и даже о том, совместима ли мусульманская культура с демократией.

Как Вы полагаете, является ли демократия чем-то «данном от природы»? «Дана» ли она в таком случае отдельным народам или человечеству в целом? Можно ли предполагать, что демократия «естественным образом присуща» некоторым народам, но при том практически недостижима для многих иных?

Белл: Не думаю, что об этих вещах можно говорить в терминах «естественности». Ничего подобного не дано «от природы» – иначе нам пришлось бы признать, что в некоторых обществах люди вообще недалеко ушли от биологического состояния. «Естественным» я назвал бы как раз то, что предписывается биологией. Разумеется, этот фактор нельзя сбрасывать со счетов – хотя многие либералы не хотят признавать, естественноности действия людей, ведущих себя так же, как это делают в ста-

ях или прайдах доминирующие самцы, организующие пространство вокруг себя по собственному усмотрению. Такие позывы существуют и у людей – но только на индивидуальном уровне, и они не характеризуют целые сообщества. Если бы действительно имели место общества людей, руководствующихся инстинктами, подобными тем, что управляют доминирующими самцами приматов, то такие общества неминуемо вступали бы в конфликт со всеми прочими. Но возможность этого минимальна, и даже практически исключена – по простой причине. Люди обладают оружием, которое служит уравнивающим фактором, не позволяющим только физической силе определять положение человека в обществе. И поэтому одним из важнейших вопросов в любом социуме оказывается вопрос о том, кто контролирует это оружие и каким образом поддерживается мир в условиях наличия его у многих.

Поэтому говорить, что некоторые народы «по естественным причинам» не приспособлены к демократии, – значит утверждать, что они способны управляться только грубой силой, обустроенной физическим превосходством. Говоря о чем-то «данном от природы», мы должны полагать это нечто формирующимся по дарвиновским эволюционным законам, а они предполагают естественный отбор, происходящий в ходе борьбы между доминирующими особями. В каждой популяции мы наблюдаем самых красивых и мощных самцов, окруженных наиболее симпатичными самочками, – в этом и проявляется пресловутая «естественность». Она прекрасно описана еще Ж.-Ж. Руссо во «Втором рассуждении о неравенстве»⁷⁸. И только. Больше же «от природы» народам, как и отдельным индивидам, ничего не дано.

В то же время на протяжении веков идеи равенства и демократии

⁷⁸ «Второе рассуждение о неравенстве» – часть работы «О природе и причинах неравенства между людьми», представленной Ж.-Ж. Руссо на конкурс, организованный в 1754 г. Дижонской академией. Основным элементом концепции Руссо было четкое разграничение «естественного» (или физического) и нравственного (или политического) неравенства, причем второй вид неравенства автор не считал проистекающим из первого.

все более тесно переплетались и укоренялись в массах. К началу XIX века исторический выбор был уже сделан. И он отчасти обуславливался распространением христианской доктрины, проповедовавшей равенство людей перед Богом. Замечу, негры рабы в Южной Америке часто жили в лучших условиях, чем в Северной,

поскольку там доминировал католицизм, жестко настаивавший на том, что у каждого человека – пусть даже самого примитивного и дикого – есть душа, которую вдохнул в него Господь. В Северной Америке, где было распространено протестантство, раб воспринимался как экономическое благо, а вовсе не человек.

Однако повторю: любое общество сталкивается с проблемой неравенства людей, из которых оно состоит. Даже провозглашая всеобщее равенство, нужно учитывать, что некоторые люди сильнее и агрессивнее остальных. Именно это я считаю той основной проблемой, которую и призвана постоянно разрешать функционирующая демократическая система.

Иноземцев: Но ведь известно, что демократическим образом могут быть приняты решения, противоречащие либеральному пониманию свободы и даже нарушающие права человека. В то же время без демократии нет подлинной свободы. Разрешим ли этот парадокс? Возможна ли подлинная свобода, не отягощенная негативными эффектами демократии?

Белл: Вы сформулировали очень хороший, но и весьма сложный вопрос. Конечно, один из редких примеров того, как народу удалось сохранить свободу без демократических институтов, дает Англия. Еще со времен «Великой хартии» власть монарха была ограничена, что обеспечило те вольности, которые и есть свобода. Демократия пришла в Англию лишь в 1832 году с введением «всеобщего» избирательного права, распространявшегося в то время только на ограниченный круг людей; она укрепилась в 80-е годы XIX века с принятием нового избирательного законодательства, а окончательно восторжествовала в XX столетии, когда к выборам были допущены женщины.

Говоря о демократии, надо обращать внимание как на то, кто управляет, так и на то, как осуществляется управление. Вопрос о том, какая часть населения участвует в управлении, – скорее, количественный вопрос. Как управляется страна – проблема качественная. Она определяет меру защищенности прав и свобод граждан. В [нормальном обществе] даже монарх не может просто указать на вас и сказать: «Вы арестованы». Для того чтобы это сде-

лать, ему недостаточно издать указ; необходимо сформулировать, в чем именно вы обвиняетесь, а вам должно быть предоставлено право на защиту в суде.

В эпоху Средневековья людей часто признавали виновными на основании признаний, полученных под пытками; отказ от такой практики стал огромным шагом вперед. Однако у Англии было еще одно отличие от континентальных стран: здесь существовало обычное право – в противоположность римскому праву, принятому на континенте. В континентальных странах магистраты⁷⁹ имели намного больше полномочий. Во Франции и Италии они могли выдать санкцию на арест; в Британии же обычное право требует предоставления

⁷⁹ Магистратами в континентальной системе права называют представителей судебной власти – судей и прокуроров, уполномоченных принимать решения о заключении подозреваемых под стражу; в британской системе их права сводятся к предъявлению обвинений и участию в процессах на стороне обвинения.

человеку защиты и рассмотрения его дела в суде присяжных. В этом суть обычного права, которое предполагает, что все граждане являются членами одного сообщества. Уже в одном из первых параграфов аристотелевской «Политики» мы встречаем мысль о том, что если человек

не является членом полиса, то он – либо бог, либо раб; это означает, что, будучи членом полиса, вы по определению обладаете равными с остальными его членами правами, тогда как в иной ситуации либо вами управляют другие, либо вы свободны от всяческой власти над собой – то есть, по сути, являетесь неким «высшим существом».

Поэтому вопрос о соотношении демократии и свободы очень сложен. Никто не может дать гарантий от тирании большинства. В Палестине сейчас у власти находится правительство «Хамаса», которое добилось ее демократическим путем. Но его члены все равно заявляют, что намерены уничтожить Израиль. И я не согласен с теми, кто утверждает, будто демократии не склонны воевать друг с другом. Демократичность государства не дает никаких гарантий того, что оно внутренне не готово к войне. Более справедливо утверждение о миролюбивом характере стран, приверженных идеалам свободы, ибо они готовы уважать чужие права. Именно так излагал эту идею ее автор – Иммануил Кант; он пытался даже превратить ее в универсальный принцип. Последнее, по-видимому, невозможно. Демократии могут скатываться к ти-

раническим методам правления – что, собственно, и заставляло еще древних греков с некоторым подозрением относиться к демократии.

Другим аспектом проблемы, которого мы пока не касались, является страх перед демократией – и идеальный пример в этом отношении дает немецкий социолог Макс Шелер⁸⁰. Он утверждает, что демократией правят эмоции, а они могут быть легко возбуждены демагогами. Одна из великих пьес, написанных на эту тему, – шекспировский «Кориолан», где герой говорит, что массой правят желудки; та же идея содержится и в другой великой пьесе Шекспира, «Буря».

В обществе всегда существует страх перед импульсивным иррациональным поведением – и тираны, как правило, успешно используют его. Первое серьезное обсуждение этой темы, очень интересное, между прочим, содержится в знаменитой книге «18-е брюмера Луи Бонапарта» – лучшей, на мой взгляд, из когда-либо написанных Карлом Марксом. Эта книга замечательна еще и тем, что сформулированные в ней положения противоречат большей части элементов марксистского учения. Маркс спрашивает: как мог человек, подобный Наполеону III, достичь вершины в стране, где существовало классовое общество, фактически не будучи лидером и даже не относясь ни к одному из классов? И отвечает: ему удалось манипулировать классами, сталкивая их друг с другом, – термин «бонапартизм» описывает как раз такую ситуацию. Маркс утверждает также, что хотя в политической сфере происходят стохастические столкновения классов, в экономической сфере доминирует буржуазия; этой же логике, замечу, в XX веке следовал Л. Троцкий. Когда он говорил о Советском Союзе, то подчеркивал, что отмена частной собственности делает СССР со-

⁸⁰ Макс Шелер (1874–1928) – немецкий социальный философ, ученик Г. Зиммеля, получивший широкую известность еще в годы своего преподавания в Йене (1900–1906) и Мюнхене (1907–1910). С 1919 по 1928 г. занимал кафедру философии в Университете Кельна и в течение этого периода стал знаменит как один из самых последовательных философов-гуманистов Германии. Широкое признание получили его работы, посвященные опасности тоталитаризма, исходящей, как он был уверен, от российского коммунизма и германского фашизма. В своем выступлении в Берлине в 1927 г., озаглавленном «Идея вечного мира и пацифизма», М. Шелер заявил о необходимости формирования Соединенных Штатов Европы как единственного инструмента противостояния надвигающейся мировой войне. После прихода нацистов к власти работы Шелера были запрещены в Германии. Интерес к его творчеству в последние годы был подогрев тем, что ему были посвящены докторская диссертация, а также еще около десяти работ К. Войтылы, будущего Папы Иоанна Павла II.

циалистической страной, а сталинизм представляется лишь политическим феноменом, разновидностью политического бонапартизма. В книге «Преданная революция» он изобразил Сталина в откровенно бонапартистской манере, но в то же время защищал советский опыт от критики с буржуазных позиций. Это было для него очень сложно – как было сложно для многих социалистов проводить различие между обществом и теми, кто им правит. Однако не замечать этого различия невозможно, так как общества инертны и меняются медленно; правители же приходят и уходят.

Иноземцев: Значит ли это, что для демократии закономерно перерождаться в диктатуру большинства? Еще Платон писал, что в истории любого государства друг друга сменяют тимократия, олигархия, демократия и тирания, причем последняя непосредственно следует именно за демократией – если даже не вытекает из ее внутренних пороков. Актуальна ли эта закономерность в наши дни? В связи с этим напрашивается и еще один вопрос: чем, на Ваш взгляд, объясняется распространение в мире так называемой нелиберальной демократии, которая внешне копирует демократические институты и принципы, но на деле становится ширмой для авторитарных режимов?

Белл: Один из аспектов бонапартизма, о котором никогда не нужно забывать, – это популярность будущего автократического властителя. Луи Наполеон не захватывал власть – он был демократически избран президентом II Республики. Гитлер также был близок к тому, чтобы собрать большинство голосов на выборах, хотя в данном случае потребовалось вмешательство президента П. Гинденбурга, сделавшего его рейхсканцлером в правительстве меньшинства; тем не менее на выборах нацисты получили больше голосов, чем иные партии. Сейчас такие апелляции к массам часто называют «популизмом» – к нему можно отнести и тактику Кемал Ататюрка в Турции, и курс Хуана Перона в Аргентине, и много других примеров. Все эти политики были избраны (и даже упоминавшийся нами первый афинский тиран, Писистрат, также – если верить Аристотелю – был демократически выбран) и, значит, они представляли народ. Поэтому мы и сегодня не застрахованы от ре-

цидивов. Но я все же еще раз подчеркнул бы важность основного вопроса, который встает всякий раз, когда речь заходит о возможной «тирании». Этот вопрос заключается в том, кто стоит за тем или иным потенциальным диктатором, чьи существенные интересы он в конечном счете выражает.

И здесь нельзя не отметить, что условием демократии выступает равенство не только мнений, но и свободы их высказывать. Каждый не просто должен иметь один голос, но и свободу быть услышанным. Так мы переходим к проблеме свободы прессы. Известно, например, что одно время в России голос Б. Березовского звучал громче, чем голоса многих других. Но не потому ли, что он владел многими газетами и телеканалами? И ему удалось заглушить другие голоса – например, того же В. Гусинского, – но затем затих и его собственный. Вопрос ведь заключается не в личности, а в принципе. Проблема не в громкости голосов – она в том, что их должно быть много и они должны различаться. Иначе же получится, как в той старой советской шутке, которую Вы, должно быть, помните: «Нет ни правды в “Известиях”, ни известий в “Правде”». Мне много приходилось в разные годы разъяснять смысл этого каламбура американцам, – но российские читатели поймут его сразу..

Иноземцев: Давайте перейдем все-таки к вопросу о возможности распространения демократии. Мы говорили об Англии, где с XIII века шло ограничение власти монарха, возникала сложная система либерального законодательства, а впоследствии и расширялся круг лиц, допущенных к голосованию. Во Франции процесс также был весьма медленным; стране пришлось пройти через несколько революций, прежде чем идеи равенства и демократии обрели доминирующий статус. В других европейских странах – в Германии, Италии, Испании – ситуация оказалась еще более сложной: эти страны прошли через периоды фашистских диктатур, прежде чем смогли построить (причем не без помощи извне) прочные демократические системы. В общем процесс развития демократии нигде в мире не был простым и, тем более, быстрым.

Кроме того, демократия формировалась на национальном уровне, а порой становилась даже условием консолидации нации. Это тоже можно понять: ведь нации в Европе возникали в результате

коллективных усилий, а коллективные усилия, как бы они ни инспирировались, отражали настроения большинства. Таким образом, демократия оказывалась некоей формой легитимации национального интереса. В этом отношении показательна пропагандируемая сейчас в России концепция «суверенной демократии»; ее сторонники, по сути, утверждают, что Россия не должна копировать «чужих» моделей развития, ее политическая система уникальна, и если она устраивает граждан, то никому извне не дано ее судить, а тем более осуждать. И можно соглашаться или не соглашаться с политикой президента В. Путина и его команды, но остается фактом, что их приход к власти (равно как и вполне вероятное дальнейшее пребывание у руля страны) обусловлен поддержкой со стороны большинства россиян. Поэтому власть В. Путина, даже если ее и считать авторитарной, основывается на демократическом выборе.

Однако вопрос состоит в следующем. На протяжении тех столетий, когда происходило развитие демократии, мы не видим примеров успешного перенесения (или, скажем жестче, «пересадки») демократических институтов в недемократические общества. В последнее время дискуссии на эту тему становятся все более активными в связи с неудачами американской политики в Афганистане и Ираке. Исключением из правила можно считать, во-первых, установление демократической формы правления в послевоенных Германии и Японии, обеспеченное во многом (а в случае Японии – практически исключительно) усилиями Соединенных Штатов; и, во-вторых, распространение демократических институтов по мере поступательного расширения Европейского Союза и введение в новых членах ЕС общеевропейского законодательства. Но здесь мы сталкиваемся, однако, не столько с перенесением демократии на непривычную для нее почву, сколько с введением наднациональных методов и принципов администрирования, распространяемых из Брюсселя.

По сути, сегодня мы видим два варианта расширения сферы применения демократических институтов: их внедрение «со стороны» и включение менее демократических стран в организованное сообщество более демократических. Насколько успешными оказались обе эти формы «экспорта» демократии и можно ли предположить, что существуют альтернативы?

Белл: Данный вопрос я назвал бы центральным, наиболее важным в нашей дискуссии – но и к нему стоит подходить с учетом конкретного контекста и конкретных ситуаций. Нельзя предложить абстрактную теоретическую модель и сказать: вот решение! Это было бы идеальным вариантом, но речь идет об обществах с разной историей, разными институтами и различной культурой. Российская культура отлична и от французской, и от американской, и от британской. И поэтому нельзя и думать о навязывании каких-то схем, так как это несомненно вызовет сопротивление и даже будет отвергнуто.

Рассуждения на эту тему снова надо начинать с имеющейся реальности. И если мы уверены в том, что адекватно ее понимаем, – можно идти дальше. Да, Вы правы, говоря что В. Путин обладает поддержкой большинства. Но ведь это стало следствием того, что он просто «обнулil» голоса, поданные на выборах в Думу [в 2003 году] за Г. Явлинского и других политиков, не прошедших в парламент. А как не уставал в свое время повторять Й. Шумпетер, демократия – это система, в которой меньшинству оставлено право когда-то стать большинством. Это не только правление большинства – это право меньшинства превратиться в большинство, если к тому появятся предпосылки. Тем более это не право большинства менять законодательство так, как ему заблагорассудится.

История знает множество способов ограничения всевластия большинства – коалиции, альянсы, временные и устойчивые союзы отдельных партий. Вполне вероятно, например, что если бы не случилось распада Советского Союза, то В. Путин, с националистических позиций сожалеющий сегодня о его крахе, оказался бы в меньшинстве по отношению к движениям, которые представляли бы интересы региональных элит.

Вы говорили также о соотношении республики и демократии. Республиканская традиция – и это почему-то учитывают немногие – уходит своими корнями не столько к Афинам, сколько к Риму, а в современном ее варианте – к итальянским республикам позднего Средневековья. Но трибуном того республиканизма был Макиавелли, а для него республика означала прежде всего воплощение народного единства. Сегодня существуют неореспубликанцы, которые предлагают весьма глубокие теоретические подходы к данной проблеме. Наиболее известные из них рабо-

тают в английском Кембридже, и их лидером является Квентин Скиннер⁸¹.

Все они называют себя людьми, которые верят в республику. Почему? Потому что они выступают против либерализма. Для них ли-

⁸¹ Квентин Скиннер (р. 1940) – известный британский историк и социолог, профессор истории нового времени Кембриджского университета. Наряду с Дж. Пококом считается одним из лидеров так называемой кембриджской школы в политической истории, известной прежде всего контекстными исследованиями политических трактатов и изучением причин их создания, а также «языка» и подтекста этих произведений. Собственные политические взгляды К. Скиннера основываются на рассмотрении политической общности как сложного и неразрывного единства составляющих ее граждан, обладающего собственной логикой развития и присущими ему коллективными интересами.

берализм по сути идентичен индивидуализму – и превозносит личный интерес, тогда как индивид должен принимать также и наличие общего интереса. По их мнению, индивидуализм ставит личный интерес выше общественного, и потому либерализм принижает значение общественного. В республике они видят восстановление баланса между этими интересами.

Все это имеет отношение к отдельным крайним представителям либерализма. К Милтону Фридману,

например. Он выступает против призыва в армию, так как это ущемляет права индивидов, или за легализацию наркотиков, так как это позволит каждому поступать так, как он желает.

С точки зрения этих либералов, отдельный индивид становится главным элементом в обществе. С точки зрения сторонников республиканизма, таким определяющим элементом является некое общее благо. Исследователи типа К. Скиннера придерживаются этого подхода и верят в идею республики столь сильно, что отказываются признавать даже ценности либерализма и демократии, если они идут вразрез с их республиканскими взглядами – ведь не секрет, что во многих случаях демократия оказывается сродни индивидуализму, так как в большей мере акцентирует внимание на равенстве людей и их свободе, чем на общественном благе. Демократия должна быть дополнена рядом институтов, чтобы не пренебречь этим общим благом полностью. Пример тому – Соединенные Штаты. Наша страна – не демократия, а конституционная демократия, и в случае, если народ попытается демократическим образом нарушить или отменить Конституцию, судебная власть однозначно пресечет подобную попытку. В Соединенных

Штатах определяющую роль играет Конституция, а не воля народа. Какими бы ни были предпочтения избирателей [в вопросе об абортах], именно Верховный суд легализовал аборты своим решением по делу Ро против Уэйда⁸².

Если бы вопрос был поставлен на голосование, он мог бы быть решен иначе. Но Верховный суд трактует не волю людей, а Конституцию – потому что, будь на все их воля, они могли бы и нарушать ее. Иное дело – Британия; там нет писаной Конституции...

⁸² Имеется в виду известный судебный процесс «Ро против Уэйда» (Roe vs Wade), в ходе которого Верховный суд США 22 января 1973 г. большинством в 7 голосов против 2 признал законным право женщин на принудительное прерывание беременности, наступившей вследствие изнасилования. Тем самым суд признал законы о запрещении аборт, действовавшие в то время в штате Техас, противоречащими 14-й поправке к Конституции США.

Иноземцев: Но, насколько мне известно, там есть «суд лордов», который фактически признает соответствие законов если не букве, то общему духу британского законодательства. Или я неправ?

Белл: Да, такая практика существует; она возникла с течением времени, но призвана скорее затушевать реальное урезание полномочий Палаты лордов на фоне усиления роли Палаты общин. Как бы там ни было, в конечном счете в Британии правит парламент, а не суд; именно за ним всегда остается последнее слово. В США такое последнее слово сохраняется за Верховным судом; только принятие новой конституционной поправки имеет больший вес, чем его решение. Сейчас такая система находит все новых сторонников. Европейский Союз пытается принять единый конституционный акт. В Израиле пытаются писать конституцию. Мне кажется, страна должна иметь основной закон, так как сама работа над ним заставляет людей задуматься, каким они хотят его видеть, а затем и достаточно четко определяет рамки дозволенного. Я даже сказал бы, что невозможно иметь подлинную демократию, которая не была бы демократией конституционной, – хотя, разумеется, формулируя и этот тезис, надо делать поправку на исторические особенности.

Иноземцев: Все это очень интересно. Я, собственно, никогда не задумывался на эту тему, так как считал наличие конституции в демократических государствах чем-то само собой разумеющимся.

Конечно, всем известно то исключение, которое представляет собой британский случай, – но мне все же кажется, что не подвергающиеся сегодня сомнению законы, принятые в Великобритании в последние несколько столетий, по сути и составляют собой нечто типа конституции, пусть даже и не оформленной в виде единого завершенного документа. В подавляющем большинстве других стран конституции давно уже есть...

Белл: Но, как мы уже отметили в одной из наших предыдущих бесед, известны и такие ситуации, когда в стране была конституция, но не было даже подобия демократии – как в СССР в 1937 году...

Иноземцев: Да, конечно. В общем, можно, видимо, согласиться с тем, что совершенно прямой и однозначной связи между наличием конституции и демократичностью политического устройства страны не существует. Есть недемократические страны, где имеются конституции, а есть и демократические, прекрасно обходящиеся без таковых. Никакой заданности здесь, видимо, нет.

Но позвольте вернуться к нашему основному вопросу о распространении демократии. Как Вы оценили бы американский опыт в Германии и Японии после Второй мировой войны? И как Вы относитесь к тем усилиям по «продвижению» демократии, которые предпринимает Европейский Союз? Или, быть может, есть и другие примеры того, как отдельные государства успешно утверждали демократические принципы в близких (и не очень) к ним странах? В общем, что такое «экспорт демократии»?

Белл: Я вновь подчеркну, что к каждому конкретному случаю следует подходить с учетом специфической истории той или иной страны. Мой друг и коллега Ральф Дарендорф полагает, что современная Федеративная Республика Германия – это завершенное воплощение революции 1848 года, которая так и не была прежде доведена до своего логического результата. Маркс, кстати, очень высоко ценил ту революцию, полагая, что в ней политические вопросы обрели приоритетное по отношению к экономическим значение. Мне кажется, что Р. Дарендорф прав, если

не придирайтесь к деталям формулировки. По своему духу нынешнее немецкое государство действительно воплощает революционные идеи 1848 года.

Япония – совсем иное дело. В японской истории не было ничего, почти ничего такого, что могло бы стать основанием для подобного типа демократии. После Второй мировой войны демократия была японцам навязана. Но вот что интересно

(и об этом опять-таки часто забывают): и в Индонезии, и в Японии первые послевоенные правительства были социалистическими⁸³. Одной из первых реформ генерала Д. Макартура в Японии стало уничтожение класса помещиков и масштабное перераспределение земель в пользу мелких собственников. Мой кузен служил тогда в штабе оккупационных сил и составлял новые японские законы. Позже он написал об этом книгу. Мы много сидели с ним здесь, в этом доме, и он рассказывал мне о тех временах. Сейчас он уже умер, к сожалению... И сегодня никто не помнит, что специалистов, которые в 50-е годы приняли участие в составлении японских законов, можно было пересчитать по пальцам...

⁸³ Скорее всего Д. Белл имеет в виду первые послевоенные кабинеты – Йошиду Шигеру (22 мая 1946 – 27 мая 1947 г. и 15 октября 1948 – 10 декабря 1954 г.), Тетсу Катаямы (27 мая 1947 – 10 марта 1948 г.) и Хитоши Ашиды (10 марта – 15 октября 1948 г.). Й. Шигеру, известный своими прозападными взглядами, а еще больше – тем, что подписал составленную американцами Конституцию Японии, не принадлежал к Социалистической партии. Поэтому в строгом смысле слова «социалистическими правительствами» Японии можно считать только кабинеты Т. Катаямы и Х. Ашиды.

Иноземцев: В 1950-е годы – Вы имеете в виду, что некоторые из них продолжали работать там после того, как оккупационная администрация покинула Японию? После сложения Д. Макартуром своих полномочий?

Белл: Нет – потому что американцы в прямом смысле слова никогда не уходили из Японии.

Иноземцев: Но разве в начале 50-х годов переходный период не завершился? Разве сфера полномочий японского правительства не была расширена? Мне казалось, что именно в это время была выпущена «новая иена», проведены финансовая и валютная реформы? Я ошибаюсь?

Белл: Не совсем. Фактором, который все изменил, стала война в Корее. С ее началом нам потребовалась поддержка японских промышленников и финансистов. И мы согласились с воссозданием преж-

⁸⁴ Дзайбацу – японское название крупных финансово-промышленных групп, контролируемых представителями определенной семьи или клана. История дзайбацу началась во второй половине XIX века с созданием четырех первых таких групп («большой четверки»: Мицубиси, Фудзита, Сумитомо и Ясуды). В начале XX века появилось еще около двух десятков дзайбацу «второго уровня». Попытки американской администрации уничтожить дзайбацу после Второй мировой войне не отличались последовательностью и к успеху не привели. Сегодня ведущие финансовые группы, организованные по этому принципу, контролируют значительную часть японской экономики, однако применение термина «дзайбацу» к любым японским монополиям не является корректным.

них дзайбацу⁸⁴. Они были ликвидированы на первом этапе реформ, в 1945–1950 годах, но затем финансово-промышленным кланам позволили возродиться. Изменилось валютное законодательство. Собственно говоря, все это ознаменовало конец периода социалистических правительств в Японии.

Иноземцев: Очень интересно. Я не знал многого из того, о чем Вы рассказали...

Белл: Но это часть нашей истории. О смене курса никогда не заявлялось в официальных документах; все произошло тихо. Дзайбацу позволили возродиться; сегодня, правда, они больше известны как кейрецу.

Таким образом, в Японии мы имеем дело с совершенно особой ситуацией, в которой мы сначала навязали японцам демократию, а потом сами же немного пошли на попятную, практически зафиксировав ту однопартийную систему, которая существует в стране по сей день. В этом случае контроль со стороны американских властей был критически важен в двух аспектах. Первый – создание в Японии предпосылок для широкой народной демократии; второй – введение широкой демократии в узкие рамки однопартийной системы, иначе говоря, некоторое ее сужение.

Однако за всем этим не слишком заметна другая серьезная проблема: ремилитаризация Японии. Мы не очень-то обращаем внимание на тот факт, что в последние годы японский военный бюджет стал одним из самых больших в мире. И этот бюджет практически никогда не публикуется и не становится предметом широкого обсуждения даже внутри страны. Отчасти это происходит потому, что считается: Япония по сей день находится под защитой Соединенных

Штатов. Договоры, которые в свое время заключались по этим вопросам, готовил один из моих коллег, Джозеф Най⁸⁵, заместитель министра обороны США [в 1994–1995 годах]; они позволяли нам сохранять свое военное присутствие в Японии в виде военно-морских и авиационных баз – под предлогом возможной необходимости защиты Японии от агрессии со стороны Китая или России. Но сегодня японцев начинает тяготить эта американская опека; они все чаще заявляют, что хотели бы восстановить полный контроль над своими вооруженными силами и самостоятельно определять их разумный масштаб. И ситуация, думаю, скоро изменится, что уже сегодня должно было бы вызвать беспокойство у дальновидных политиков в России и Китае.

⁸⁵ Джозеф Най-младший (р. 1936) – известный американский социолог и политолог, занимавший пост заместителя министра обороны в администрации Б. Клинтона, а позже работавший деканом Школы государственного управления им.Кеннеди при Гарвардском университете, автор книг *The Paradox of American Power* (2002) и *Soft Power: The Means to Success in World Politics* (2004).

Иноземцев: Да, это верно. Вряд ли разумно предполагать, что Япония будет долгое время спокойно и безучастно наблюдать за подъемом Китая – страны недемократической и, несмотря на все заверения ее лидеров, не слишком-то предсказуемой, не предпринимающей никаких шагов по укреплению своей мощи и своего военного присутствия в регионе.

Белл: Но сами-то Вы как считаете: возможна ли в обозримом будущем демократия в Китае?

Иноземцев: Это трудный вопрос. Сейчас, разумеется, ни о какой демократии в Китае говорить не приходится – причем положение не только не меняется к лучшему, скорее дает все меньше оснований для оптимизма. Руководители страны подчиняют все ресурсы и возможности ускорению экономического развития – и это все чаще наталкивается на недовольство граждан. Количество стихийных бунтов, участники которых протестуют против отвода их земель под промышленные объекты или же выражают недовольство деятельностью бюрократов, растет. Информация, поступающая из-за границы, цензурируется все активнее; исключения не составляют да-

же интернет-ресурсы, контент которых «фильтруется» правительственными агентствами, причем, что показательно, это не вызывает возражений у основных западных интернет-компаний.

В то же время растущая экономика развивается не в вакууме. Бывая в Пекине или Шанхае, трудно не заметить, что Китай становится намного более открытым миру, чем прежде. Рост благосостояния заметен невооруженным глазом – причем, сравнивая его с российской ситуацией, я бы с уверенностью сказал, что от китайского экономического бума выигрывает гораздо большая часть населения страны, чем от российского. И хотя многие рассуждения современных политологов о том, что с достижением ВВП любой страны уровня в 8–10 тыс. долларов на человека она чуть ли не автоматически переходит к демократии, кажутся мне крайне сомнительными, условия для возникновения, скажем так, более современной правовой системы, я считаю, формируются.

Мне кажется, что Китай может – разумеется, с определенной спецификой – повторить путь, ранее пройденный Южной Кореей. Ведь еще в середине 1980-х годов, будучи достаточно развитой страной и поставляя свои товары в большинство западных стран, Южная Корея была закрытым тоталитарным режимом. Затем многое изменилось. Сегодня Корея – пусть и не западное, но вполне правовое государство. Экономика страны во многом находится под государственным патронатом, но в политической сфере дела обстоят достаточно благоприятным образом. При этом переход к демократии не потребовал революционных потрясений. Так что, полагаю, Китай способен повторить этот путь, но нужно учитывать, что это может произойти довольно нескоро (я бы сказал, через 40–60 лет, не раньше), и такой вариант развития событий может оказаться реальным только в том случае, если на Китай не будет оказываться воздействия извне, направленного на его «демократизацию».

Белл: Нет, я так не думаю – слишком велико различие масштабов.

Иноземцев: Вы полагаете, что есть какая-то принципиальная разница между большими и малыми странами или что Китай – это такая страна, которой в современном мире вообще нельзя найти аналогов?

Белл: Я считаю, что сегодня размер и масштаб играют огромное значение применительно к любому обществу. Похоже, в современном Китае происходят перемены иного рода. На низовом уровне там проводится больше выборов, чем, быть может, и во всех демократических странах вместе взятых. Но эти выборы практически ничего не меняют и служат лишь «выпусканию пара», в необходимости которого убеждены центральные власти. Поэтому основным вопросом для меня оказывается не то, ощутит ли центральный аппарат Коммунистической партии необходимость в демократизации страны по мере ее экономического роста, а то, сможет ли низовая, местная демократия изменить китайское общество снизу. До каких пределов и когда ей будет позволено развиваться?

Возьмите события на площади Тяньаньмэнь. Почему произошли те события? После 1989 года многие молодые китайские интеллектуалы, среди которых были и лидеры молодежных движений, покинули страну. Некоторая часть из них осела в Америке, в том числе и здесь, в Гарварде. В начале 90-х несколько человек пришли ко мне и спросили, могу ли я устроить им частный семинар по проблемам революции и демократии.

После этого на протяжении двух лет еженедельно по воскресеньям каждое утро вот в этой же комнате я общался с шестью или семью участниками тех событий. Я близко познакомился с ними, научился немного понимать их образ мыслей и представления о жизни и, как мне показалось, стал понимать, что легло в основу выступления на площади Тяньаньмэнь. Выпускники Пекинского университета не могли решать, как и где работать по окончании учебы. В условиях принудительного распределения парткомы решали, кто куда поедет на свою первую работу, – понятно, что дети начальников оказывались на самых теплых местечках. Студенты были лишены права выбора, они сталкивались с невозможностью конкуренции, с явной несправедливостью. Это было толчком.

Сегодня такой практики больше нет. Таким образом, налицо изменение в социальной системе и даже в структуре общества: интеллект и способности стали значить больше, чем раньше. Партийные боссы больше не посылают способных выпускников чистить навоз на фермах. Конечно, в обществе сохраняются огромные «анклавы несвободы», где прежние практики еще действуют, но некоторый

сдвиг к большей свободе произошел. И этот процесс пойдет дальше. Все больше сфер будут «открываться», и в них будут формироваться отношения, свойственные нормальным обществам. Вы, наверное, знаете, что сейчас даже предприниматели могут вступать в Коммунистическую партию. И их становится все больше. Да и руководство действует вполне в соответствии с требованиями рынка. Есть ли в Китае коммунистическое правительство? Нет, его там нет. Есть лишь контроль со стороны партии и определенная риторика, или даже подобие идеологии, которая все это покрывает, но [по большому счету] она ничего не значит.

Однако важен тот факт, что в большинстве ключевых сфер и вопросов партийные лидеры способны решать, куда идти и что делать дальше. Но если даже меняется природа партии, мы не знаем, меняются ли образ мысли и мировоззрение ее вождей. Взять хотя

⁸⁶ Д. Белл имеет в виду, несомненно, Ху Цзиньтао (р. 1942), занимающего с 2003 г. посты Председателя КНР, Генерального секретаря ЦК Коммунистической партии Китая и председателя Центрального военного совета.

бы г-на Ху⁸⁶. Он отчасти технократ, а отчасти – бюрократ; он то прислушивается к исходящим от низов импульсам, то проявляет полное безразличие к ним. Безусловно, китайцам необходима идеология – и ее

природа стала очевидной еще несколько лет назад. Эта идеология – национализм. Но для того, чтобы поддерживать националистическую идеологию, вам нужен враг. Кто бы им мог оказаться? В прошлом эту роль одно время играл Вьетнам. Но кто будет следующим? Снова Вьетнам? Тайвань? Может быть, Япония?

Иноземцев: Или Россия? В прошлом наши отношения не были ровными...

Белл: Скорее всего нет, но это сложный и тонкий вопрос, я бы сказал.

Иноземцев: Вы знаете, я бы не стал недооценивать возможности появления больших проблем в этой области. В последние годы в России и Китае на уровне правительств проводится масштабная работа по «изображению» отношений между нашими странами как союзнических. Постоянно говорят о «стратегическом парт-

нерстве». В России появляется даже какое-то подобие цензуры, когда многие статьи и книги, изображающие отношения с Китаем как далеко не безоблачные, просто кладутся под сукно. И мне кажется, что российские политики просто утрачивают здесь чувство реальности, так как в Китае по-прежнему постоянно говорят, причем и в университетах, и на партийных конференциях, что Россия отняла у Китая значительную часть принадлежавших ему территорий, что Китай много чего может у России потребовать, и т. д. До сих пор китайцы так и не признали, что какое-либо из заключенных в последние годы соглашений между нашими странами может считаться «окончательным договором» о демаркации границы. Так что варианты для выбора врага у Китая есть.

Но этот вопрос имеет все же косвенное отношение к нашей теме. Вы глубоко правы, когда говорите, что китайцы начинают эксплуатировать тему национализма, но это лишь подчеркивает, что они идут на некоторое допущение демократических мер, руководствуясь стремлением укрепить могущество Китая. Речь идет о прогрессе, всецело соответствующем логике развития национального государства. Возможно, через сто лет Китай станет образцовой демократией, а может – вновь вернуться к маоизму; однако и тот, и другой исход будет определен развитием самого китайского общества, а не «продвижением» демократических преобразований со стороны европейцев или американцев. Мы же говорили – применительно к той же Японии – о практике активного распространения демократии за пределы развитых стран.

Белл: Да, конечно, согласен с Вами: американские или европейские усилия в этом случае практически бессмысленны, и на нынешние процессы в Китае они почти не влияют. Но я несколько видоизменил бы Ваш тезис, который в общем считаю правильным, – и вот в каком направлении. Китай при Мао, во времена «культурной революции» превратился в тоталитарное государство. Но как мы знаем, тоталитарное общество как таковое не может долго существовать. Люди – в том числе и их лидеры – хотят нормальной и спокойной жизни хотя бы для собственных детей; в конечном счете, все жаждут нормальности, а не мобилизации. Поддержание последней требует войны и подавления миллионов людей – что,

собственно, и сделали немцы в конце 30-х годов. Но ни подавить всех, ни контролировать каждого невозможно. Я вспоминаю свой давний разговор с Ф. Бурлацким – Вы ведь, конечно, знаете, что он был спичрайтером Хрущева, – когда я спросил его: «А вы в Советском Союзе знали о том, какие дискуссии велись на послереволюционных съездах партии – скажем, в 1921 году?» – «Да, конечно» – ответил он. – «А откуда?» – спросил я. – «Ветераны партии сохраняли многие важные документы. И порой по ночам мы сидели у них на квартире и читали их», – был его ответ.

Всегда существует потребность в свободном доступе к информации. И мне кажется, что все происходящее сейчас в Китае – это отход от тотального контроля. Вот почему я вспомнил про Тяньаньмэнь. Прежде они полностью контролировали первые шаги выпускников. Теперь этого уже нет. И во многих других сферах в Китае наблюдается не рост демократии, а отход от тотального контроля над деятельностью людей. Конечно, основные сферы они продолжают удерживать в своей власти. Но даже экономика сейчас либерализуется. Китайское руководство пытается поддерживать на плаву старые государственные предприятия, сплошь банкроты, – и они по-прежнему работают. Зачем? Возможно, в силу того, что власти не считают поворот назад совершенно невозможным.

Поэтому мне кажется, что в ближайшие десять–пятнадцать лет в Китае не случится значимых демократических перемен. Но будем надеяться, что некоторые сферы жизни станут менее контролируемыми и более открытыми, что господство государства над обществом ослабнет.

Иноземцев: Я во многом разделяю Вашу точку зрения; то, что в последние годы происходит в Китае, – это скорее ослабление прежнего тоталитарного режима, превращение его в более мягкий, авторитарный, а не создание чего-то нового на западный манер. Я заметил бы также, что в России – точнее, еще в Советском Союзе – начавшиеся во второй половине 80-х годов процессы были чем-то подобным: речь шла не столько о построении нового общества, сколько об отказе от старых систем; соответствующим оказался и результат. Жизнеспособным демократическим обществом Россия пока так и не стала. Однако все эти истории – китайская 1989-го го-

да; польская начала 80-х; чешская, когда народ вышел на площадь и отстранил коммунистов от власти, – показывают, что для начала перемен требуется широкое народное движение. Но – и я хочу подчеркнуть этот факт особенным образом – каждое такое движение начиналось в соответствующем международном контексте; к каждому из них Запад если и не был готов, то очень быстро использовал его для развития демократического импульса. США и европейские страны десятилетиями поддерживали в советских диссидентах веру в то, что их слышат на Западе, что их борьба не напрасна. Поэтому Запад, даже если он и не «внедрял» демократию, фактически поддерживал ее.

Однако в последнее время ситуация изменилась. С одной стороны, мы видим совершенно отчаянные – но, на мой взгляд, нереализуемые – попытки насаждения демократии: такие, например, как вторжение США в Афганистан и свержение власти талибов. Можно спорить о том, какие проблемы принесло это вторжение афганскому народу, но нельзя не согласиться, что его изначальная идея была благородной. С другой стороны, остается только удивляться, почему страны, которые сами делают первые решительные шаги по пути демократизации, такие, например, как Украина с ее «оранжевой» революцией, остаются без всякой поддержки со стороны западного сообщества – даже вполне абстрактной, какой могло бы стать, например, заявление о возможности принятия этого государства в ЕС. Я не вполне понимаю, считается ли в нынешних условиях распространение и укрепление демократических принципов столь же последовательной стратегией западных стран, как это было, например, при Р. Рейгане?

Или же большинство западных правительств, напуганные то ли неудачами демократических трансформаций в посткоммунистических странах, то ли массовой поддержкой исламизма на Ближнем Востоке, то ли контролем над ресурсами, который обрели авторитарные режимы, решили отказаться от этого последовательного курса? Да и вообще, как все-таки ответить на вопрос: может ли демократическая форма правления быть принесена в страны, не прошедшие по западному пути развития, и не знакомые с европейской политической традицией, или нет?

Белл: Не думаю, что здесь уместен подход «или–или». Речь идет не столько о навязывании или создании демократических институтов, сколько о поддержке демократических перемен, о том, чтобы демократы почувствовали реальность изменений к лучшему. Приведу три примера: два, относящихся к Соединенным Штатам, один – к Германии. В конце 70-х годов американцы поддержали в Польше движение «Солидарность»; из США его сторонники получали копировальную технику, печатные машины и финансовую помощь. Подчеркну при этом, что «Солидарность» возникла в недрах польского общества, а ее основателями в ряде случаев были дети старых большевиков, что хорошо видно из биографии А. Михника и его соратников⁸⁷. Но, будучи польской «по происхождению», она получила поддержку из-за рубежа. Нечто подобное произошло и во время «оранжевой» революции на Украине. В обоих случаях можно говорить о международной «поручке демократий»; мы имели возможность вмешаться и поддержать демократические дви-

⁸⁷ Адам Михник (р. 1946) – польский диссидент и общественный деятель, один из основателей Комитета защиты трудящихся и профсоюза «Солидарность». Провел шесть лет в тюрьме за свою политическую деятельность. С 1989 г. по настоящее время – главный редактор «Газеты wyborczej», одного из самых авторитетных либеральных изданий в Польше.

жения. Но не мы придумали такую практику; «пальма первенства» принадлежит тут немцам. Еще в 60-е годы в Германии были созданы специальные фонды, действовавшие при тех или иных политических партиях. Это и социал-демократический Фонд Эберта, и связанный с христианскими демократами Фонд Аденауэра, а также еще один, действующий от имени «свободных демократов» (не вспомню сейчас его названия). Все они имели возможность поддерживать продемократические движения в других странах, и страной, где они сполна развернулись, была Португалия. В первые годы после свержения военной хунты многие португальцы ощущали ностальгию по «сильной руке», и Фонд Эберта очень много сделал для поддержки демократических сил и предотвращения возврата к прошлому.

В Испании также можно было наблюдать нечто подобное. Там франкисты фактически установили контроль над парламентом, и германские фонды выступили тогда инструментом интеллектуальной и финансовой поддержки тех сил, которые сплотились во-

В Испании также можно было наблюдать нечто подобное. Там франкисты фактически установили контроль над парламентом, и германские фонды выступили тогда инструментом интеллектуальной и финансовой поддержки тех сил, которые сплотились во-

круг короля [Хуана Карлоса]⁸⁸, способствовав стабилизации ситуации. Поэтому вопрос состоит прежде всего в том, есть ли в том или ином обществе силы, которые можно было бы поддержать, и в том, как это лучше делать, а не в наличии необходимых ресурсов. Этот метод зарекомендовал себя с очень хорошей стороны – тем более что во время «холодной войны» отзвуки нашей поддержки очень быстро становились слышны в других странах. И это не было насаждением демократии или привнесением ее извне – речь шла именно о поддержке тех групп, которые выступали за демократизацию своих стран. Вопрос заключался лишь в том, какими методами следовало бороться за продвижение к демократии.

⁸⁸ Имеется в виду попытка военного путча в Испании 23 февраля 1981 г., ставшая ответом высшего военного руководства на реформы наследовавшего Ф. Франко Хуана Карлоса I. С 1976 по 1980 г. король легализовал ранее запрещенные политические партии, включая Коммунистическую партию Испании; организовал свободные выборы; инициировал одобрение Конституции и отказался от большей части своих полномочий в пользу парламента и премьер-министра. В ответ на попытку переворота, в ходе которой военные заблокировали парламентариев в зале заседаний Кортесов, король выступил с обращением к нации, призвав к поддержке легитимной власти; кроме того, он вел переговоры с рядом высокопоставленных военных, требуя от них лояльности законному правительству. Переворот провалился, а путчисты были затем амнистированы. Как вспоминал С. Карильо, тогдашний лидер испанской компартии, «в те дни все мы были монархистами».

Иноземцев: Мне кажется, методы могут быть самыми разными. Одним из лучших примеров того, как внешние силы способны поддерживать и вдохновлять протестные движения, я назвал бы позицию, занятую в свое время Соединенными Штатами в отношении советских евреев. Мне довелось пару раз беседовать с Натаном Щаранским, и он неоднократно повторял, что даже моральная поддержка и ощущение того, что ты не один – а это обеспечивалось и радиопередачами, и постоянным акцентом западных стран на вопросе о свободе выезда из Советского Союза, – способствовали развитию диссидентского движения в СССР. Политическое и экономическое давление на советские власти оказалось в результате весьма эффективным – и это в ситуации, когда объектом этого давления была одна из самых мощных в военном и экономическом отношении стран тогдашнего мира! Сегодня же Соединенные Штаты и их союзники пытаются демократизировать страны, население которых гораздо менее монолитно, чем это было в Советском Союзе, но вместо того, чтобы применять

тактику убеждения и раскрывать преимущества демократического строя, они действуют намного более грубо и напористо. Почему так происходит?

Белл: Согласен с Вами. В той ситуации действовали два фактора. С одной стороны, это Хельсинкские соглашения; они давали Л. Брежневу надежду на определенное признание в мире в случае хотя бы небольшой открытости советской системы. С другой стороны, была принята «поправка Джексона-Вэника», которая

⁸⁶ «Поправка Джексона-Вэника», которая была принята Сенатом США в 1974 г. и вступила в силу с подписанием 3 января 1975 г. президентом Дж. Фордом соответствующего закона, предполагала увязку условий торговли с СССР и рядом социалистических стран со свободой выезда за их пределы. Поправка была принята в ответ на установленный в 1972 г. специальный «налог» на выезд лиц с высшим образованием из СССР. С 1975 по 1991 г. СССР покинули, воспользовавшись смягчением эмиграционного режима, 2 млн. человек.

ограничила торговые отношения с Советским Союзом в связи с несоблюдением в СССР прав человека⁸⁹. Таким образом, методы, которые могут способствовать прогрессу демократии, разнообразны, и то, что произошло в конце 80-х и в начале 90-х годов, указывает на их эффективность. Но, повторю еще раз, нельзя на пустом месте построить демократический режим или «им-

портировать» его; все, на что следует рассчитывать, – это возможность использовать складывающуюся ситуацию и помогать демократическим силам.

Иноземцев: Значит ли это, что те усилия, которые Соединенные Штаты предпринимают сейчас в Афганистане и Ираке, не принесут искомого результата? Можно ли предположить, что они сделают мир не более, а менее защищенным перед лицом террористической угрозы.

Белл: По-моему, Афганистан и Ирак не следовало бы перечислять в данном контексте «через запятую»; ситуация там во многом неодинакова. В Афганистане нет таких сплоченных групп, какими в Ираке являются курды, шииты и сунниты. Противником выступает «Талибан», точнее – представляющие его группировки, которые концентрируются вокруг полевых командиров. Но не все командиры и племенные вожди поддерживают «Талибан»;

вы помните, как старались талибы убить самого достойного из них⁹⁰. Думаю, что демократические порядки могут прижиться в Афганистане, причем потому, что «Талибан» – это в конечном счете всего лишь, или в основном, агрессивное культурное течение, направленное на регулирование норм поведения людей, предписание им тех или иных стереотипов. Но эта задача – самая сложная из всех. В Саудовской Аравии, как известно, женщины, выходя на улицу, должны надевать паранджу и длинные одежды. Но дома прежние нормы поведения давно изжили себя; там смотрят кабельное телевидение и ходят в negligee. То, чем занялся «Талибан», – это насаждение норм поведения. Тем не менее такие попытки рано или поздно завершаются неудачей. В Советском Союзе предпринимались несравненно более мягкие способы внедрить новые социальные практики – но и они провалились.

В Ираке, напротив, мы имеем разделенность страны на три части, обусловленную исторической религиозной неприязнью (как между суннитами и шиитами) или же ощущением несправедливости (как между курдами и всеми остальными). Все это, скорее всего, приведет к полномасштабной гражданской войне или появлению на территории страны типичного «недееспособного государства». Я хотел бы подчеркнуть: мы совершенно забыли, что приход С. Хусейна к власти обусловлен именно этой природой самого иракского государства. Он встал во главе общества, не способного к самоорганизации, и железной рукой навел в нем «порядок». Американцы не собираются устанавливать такого же порядка – и потому уже задумываются, как быстрее оттуда убраться. Будет ли после вывода войск обеспечено минимальное взаимопонимание между этно-религиозными группами? Не знаю, да и никто не знает...

Иноземцев: На мой взгляд, тактика американцев в Ираке должна была бы определяться тем, какие задачи они перед собой ставили.

⁹⁰ Имеется в виду Ахмад Шах Масуд (1953–2001) – один из афганских полковых командиров времен войны СССР в Афганистане, командовавший войсками моджахедов при вступлении в Кабул в 1992 г. и военный министр в правительстве Бурхануддина Раббани. После того, как «Талибан» установил в середине 90-х годов контроль над большей частью территории Афганистана, Ахмад Шах Масуд возглавил так называемый Северный альянс, борющийся против талибов. 9 сентября 2001 г. был убит в своей ставке двумя боевиками, действовавшими по приказу Усамы бен Ладена.

В случае, если важнейшей целью была демократизация страны, следовало бы, по-моему, собрать широкую международную конференцию типа той, что была организована в 1921 году в Каире⁹¹, где судьба Ирака могла быть решена при участии всех национальных групп и с учетом мнения всех его соседей. Вполне возможно, что

⁹¹ На Каирской конференции 1921 г. британцы, имевшие мандат Лиги Наций на управление Ираком, попытались решить вопрос о самоуправлении страны, которая в 1920–1921 гг. стала ареной мощного восстания против колониальных властей. Основными итогами конференции стали провозглашение представителя хашемитской династии Фейсала ибн Хусайна, сына бывшего правителя Мекки Шарифа Хусейна ибн-Али, первым королем Ирака, а также дозволение Ираку иметь самостоятельную армию.

мирный раздел страны оказался бы в таком случае далеко не худшим вариантом: в случае с Югославией, например, несмотря на большие жертвы (которые были вызваны как раз стремлением сохранить единое государство), на территории ранее единой страны возникает ряд относительно нормальных государств. Поэтому есть, на мой взгляд, основания предположить, что незави-

симые республики, – курдская, суннитская и шиитская, – образуйся они на территории Ирака, могли бы стать гораздо более демократическими, чем единое иракское государство, если его удастся сохранить. Но все это имеет смысл при условии, что основной целью действительно является демократизация Ирака. Но если более важной и главное первоочередной задачей считать восстановление порядка (что лично мне представляется ныне более актуальным), то не правильнее ли было бы попытаться восстановить в стране монархию, подчеркивая тем самым историческую преемственность власти и готовность стран коалиции уважать традиции страны? Не думаю, что возникли бы проблемы с тем, чтобы найти легитимного претендента на трон из числа потомков хашемитской династии (хотя, разумеется, такие предложения выглядят более приемлемыми для англичан, нежели для американцев); затем, когда иракский народ объединился бы вокруг монарха, можно было бы перейти к конституционной реформе... Вы ведь не случайно отметили позитивную роль Хуана Карлоса в установлении современной демократии в Испании. Мне кажется, что в иракской ситуации подобный прием был бы даже более уместен. Но что мы видим сегодня? Американцы пытаются решить множество проблем одновременно, не обладая при этом должным пониманием исто-

рии и традиций страны, где им приходится действовать во враждебном окружении.

Белл: Чтобы судить об этом ответственно, надо подождать пару десятков лет, когда будут открыты архивы. В той мере, в какой я имею представление о происходящем – в основном от моих друзей в Вашингтоне, в том числе и входящих ныне в те группы, к которым когда-то принадлежал я сам, – не могу говорить о наличии у администрации Дж. Буша-младшего единого внешнеполитического курса. Там соперничают две парадигмы. Сторонники одной полагают, что в «навязывании» (или «строительстве») демократических порядков нет ничего сложного, – хотя бы потому, что они верят, будто люди исконно предрасположены к демократии. Как только вы свергнете Саддама, иракский народ вас поддержит – вот и вся логика. В другом лагере, который сейчас группируется вокруг Д. Рамсфельда, считают, что не все так просто. Эти господа используют демократическую риторику, но видят цель в том, чтобы не допустить доминирования в ближневосточном регионе какой-либо одной страны и таким образом помочь Израилю. Первых можно с полным основанием назвать неоконсерваторами, тогда как вторые в большей мере являются неоимпериалистами – причем оба лагеря скорее помогают друг другу, нежели враждуют между собой. Но предложенные ими стратегии оказались несостоятельными.

Сегодня же – поскольку и та, и другая стратегии провалились – даже не обсуждается, какой может оказаться в ближайшем будущем американская внешняя политика. К. Райс в целом склоняется к доктрине силового баланса, полагая, что его поддержание способно решить в Ираке часть проблем. Команда Д. Рамсфельда видит иной путь управления страной – через банальный подкуп местных политиков и других авторитетных людей. Ситуация будет порождать популярные фигуры, а американцы смогут покупать их – это, собственно, самый давний

⁹² Их разногласия привели к отстранению П. Вулфовица в начале 2005 г.; местом его «почетной ссылки» был избран Всемирный банк, президентом которого он был назначен с 1 июня 2005 г. Д. Рамсфельд продолжал оставаться в должности министра обороны до 8 ноября 2006 г., когда был отправлен в отставку, став «козлом отпущения» за поражение республиканцев на выборах в Конгресс 110-го созыва, в ходе которых обе палаты Конгресса перешли под контроль Демократической партии.

способ властвования. П. Вулфовиц не доходил до такого; он стремился к насаждению демократии во многом потому, что был упертым неоконсерватором; Д. Рамсфельд же – империалист, и они, разумеется, не могли сработаться⁹². Хотя многие склонны считать, что П. Вулфовиц и Д. Рамсфельд – одного поля ягоды, на самом деле это далеко не так. В результате возобладала позиция Д. Рамсфельда и Д. Чейни – и начались попытки «примирить» разные группы в иракской элите на «платформе» материального интереса. Издержки оказались весьма чувствительными, но в Вашингтоне надеялись, что они все равно будут меньше, чем затраты на любые альтернативные варианты. Однако и это не сработало, потому что интересы слишком различаются, и в нынешней ситуации сформировать единое руководство Ирака попросту невозможно. Суннитам говорят: остановите волнения, покажите пример консолидации – и вы получите контроль над частью природных ресурсов, которых вы добываетесь. В ином случае все вы тут погрязнете в гражданской войне. Они вроде даже не против, но тут шииты начинают говорить: подождите минуточку, а мы как же? А за ними оказываются недовольными и курды... А как только дело доходит до них, тут же проявляются турки и заявляют, что если в Ираке курды начнут перетягивать одеяло на себя, то в самой Турции начнутся волнения, а нужны ли они американцам? И так далее...

В общем, американцы попали... У них есть два основных инструмента – военная сила и деньги. Однако армия уже показала, что совершенно неэффективна в такой ситуации. Остаются деньги. Но они сегодня имеются не только у нас. У саудовцев и иранцев их тоже немало. Даже в России они водятся чуть ли не в избытке. Впервые Соединенные Штаты обнаруживают, что их переигрывают в игре, которую они считали для себя наиболее легкой. Прежде в «глобальном Монте-Карло» именно американцы устанавливали правила и крутили рулетку. Но сейчас оказывается, что денег много у всех, а военная сила практически не помогает в борьбе с народным восстанием. Не хотел бы я оказаться в этой администрации...

Иноземцев: Да, сейчас в мире складывается очень непростая ситуация, и как раз в связи с этим хочу спросить Вас о методах продвижения демократии, из которых можно выбирать. Мне кажется, что на протяжении последнего десятилетия оформились две аль-

тернативные стратегии. С одной стороны, это американская стратегия вмешательства, основанная на доктрине «state-building'a»; следование ей мы видим в Ираке. С другой это европейская стратегия, основанная, я бы сказал, на специфических «приемах соблазнения». Европейцы как бы приглашают своих соседей принять общие для всех «правила игры», подчиниться требованиям единого общеевропейского законодательства, так называемого *acquis communautaire*, и в случае согласия открывают перед ними дверь, ведущую практически в единое европейское квазигосударство. Американцы, напротив, пытаются предлагать демократию странам, которые как были, так и останутся лежать далеко за пределами Соединенных Штатов. Ни у кого нет сегодня надежды, что в будущем Ирак (или три его части) станут штатами американского Союза. Это, на мой взгляд, делает европейскую модель более основательной: европейцы не пытаются устанавливать свои порядки в тех регионах, которые явно находятся за пределами досягаемости, но зато мастерски делают это в странах-соседах, которые в свою очередь остаются им благодарны – в отличие от Ирака, который никогда не будет считать США своим другом.

Тут возникает сложная проблема: не является ли Европейский Союз на деле тем «сообществом демократий»⁹³, о желательности которого еще в конце 90-х годов заговорили в Соединенных Штатах, в первую очередь М. Олбрайт? Но если американцы стали воплощать этот замысел так же формально, как они устанавливают демократию в Ираке (я думаю, недалек тот день, когда все страны мира, за исключением, быть может, Северной Кореи, Ирана и России, станут членами этого «сообщества»), то европейцы подходят к процессу с необходимой тщательностью. Не кажется ли Вам, что в XXI столетии распространение демократии в мире невозможно без согласованных и отчасти даже солидарных действий

⁹³ Идея учреждения «сообщества демократий» (*the Community of Democracies*) была озвучена государственным секретарем США М. Олбрайт в 1999 г. Учредительная конференция Сообщества, собравшая представителей 106 государств, прошла в Варшаве в июне 2000 г. и приняла Заявление Сообщества демократий (подписать его отдался лишь представитель Франции); вторая состоялась в Сеуле в ноябре 2002 г. (на ней присутствовали представители 110 стран), третья прошла летом 2005 г. в Сантьяго. Хотя к потенциальным членам Сообщества предъявляются довольно жесткие требования, его задачей названа разработка кодекса правил, который позволил бы сформировать Сообщество демократических государств в рамках Организации Объединенных наций.

всех демократических стран? И возможны ли такие действия, если США упорно отказываются связывать себя обязательствами, которые могут нести угрозу их суверенитету – а за этим подчас скрывается свобода элементарного самоуправства в любом регионе мира? Видите ли Вы возможность более или менее последовательного согласования действий по продвижению демократии?

Белл: Мне кажется, что американские политики мало-помалу усваивают подход, о котором Вы говорите. В последнее время все чаще упоминается о различии между унилатерализмом и мультилатерализмом (хотя само такое противопоставление серьезным образом упрощает ситуацию), а также о преимуществах последнего. До недавних пор наша политика оставалась преимущественно односторонней – в решении иракского вопроса мы много говорили о возможности вовлечения европейцев, но в конечном счете никто к ним так и не обратился [за содействием]. Сейчас намечается сложная проблема в связи с ядерным вооружением Ирана, и здесь я тоже усматриваю новые подходы. Унилатералисты могут сказать: да чего

⁹⁴ The American Interest – ежеквартальный (с осени 2006 г. – выходящий шесть раз в год) общественно-политический журнал консервативной направленности, основанный в 2005 г. Ф. Фукуямой, Зб. Бжезинским и А. Гарфинкелем, покинувшим редакцию другого консервативного ежеквартальника, The National Interest, из-за конфликта с его издателем Дм. Саймсом.

⁹⁵ Имеется в виду статья А. Гарфинкеля, главного редактора The American Interest, «Один в толпе» (Garfinkle, Adam. "Alone in the Crowd"), опубликованная в выпуске журнала за весну 2006 г. (*The American Interest*, Vol. 1, No. 3, Spring 2006).

там, надо немедленно нанести удар по Ирану – но администрация сейчас уже не столь решительна. Вот Вы принесли мне недавние выпуски The American Interest⁹⁴ – и я не могу не отметить статью А. Гарфинкеля, [придерживающегося весьма взвешенного подхода]⁹⁵. А ведь автор долгое время был спичрайтером Кондолизы Райс! Переговоры по Ирану, которые недавно состоялись в Берлине, тоже показывают, что американская политика начинает в

большей мере учитывать интересы других игроков.

Похоже, в последние месяцы в администрации начинают понимать, во что они влипли, стремясь все решать самостоятельно. Теперь они пытаются освоить многосторонний подход – пусть пока всего по одному вопросу. В отношении него они просто не могут не учитывать российской позиции.

Иноземец: Не только российской; я бы добавил – и китайской.

Белл: Как сказать... В данном случае намечается большая игра в важном регионе, богатом энергетическими ресурсами. А Россия уже сделала заявку на игру на этом же поле – мы все видели, как она начинает в случае необходимости перекрывать газопроводы или ограничивает нефтяные поставки. Поэтому вопрос о новых потенциальных экспортерах, а также о том, будут ли построены новые трубопроводы в обход России, не может не занимать русских. В то же время в Каспийском регионе энергетическая стратегия становится центральным элементом американской политики, и это ощущают все. В последнее время Д. Чейни предпринимает некоторые попытки оживить ту доктрину неоимперскости, которой придерживался Д. Рамсфельд, что отчасти объясняет крайне решительные заявления, которые были им сделаны. Но эта решительность начинает пугать некоторых членов администрации. Заметьте: К. Райс никак не комментирует его высказывания, все чаще предпочитая отмалчиваться.

Мне кажется, что Соединенные Штаты находятся сейчас в сложном положении. С одной стороны, у власти находятся все те же неоконсерваторы и неоимпериалисты, чья политика потерпела полное фиаско. В то же время они сталкиваются с проблемами, в решении которых им придется выступить с мультилатералистских позиций. И здесь они вынуждены будут вступить в торг с русскими и китайцами, потому что китайцы имеют свои интересы на Ближнем Востоке и в Африке, а русские не пойдут на уступки по вопросам энергетического транзита в среднеазиатском регионе.

Иноземец: Я не стал бы возражать по конкретным вопросам, о которых Вы говорили. Но все же я подчеркну, что мультилатерализм – это всего лишь внешнеполитический прием, один из видов стратегии поведения на международной арене. Когда же мы говорили о солидарности демократических государств, а также об определенной согласованности их действий, мы затрагивали совершенно иную тему, имеющую к мультилатерализму весьма отдаленное отношение. Европейцы, например, образуют сегодня самое эффективное «сообщество демократий» в региональном масштабе – и при

этом в отношениях с той же Россией они ведут себя вполне унилатералистски, упорно навязывая свои «правила игры», настаивая на ратификации Москвой совершенно не выгодной нам Энергетической хартии, и т. д. Существует и множество других проблем в отношениях между Европейским Союзом и Россией, причем некоторые из них серьезно обострились после последнего «восточного расширения» ЕС. В этих вопросах европейцы – типичные унилатералисты, жестко отстаивающие свою позицию и порой не готовые принять никакую иную. Но это совершенно не отрицает того, что современный ЕС – типичное сообщество демократий, как не умаляет это и огромных заслуг европейцев по распространению и упрочению демократических институтов. Я еще раз подчеркну, что дилемма «мультилатерализм–унилатерализм» и проблемы распространения демократии практически никак не связаны.

Белл: Вы правы, но все же здесь есть серьезная проблема. Полагаю, сегодня да и в обозримом будущем «распространение демократии» останется второстепенной задачей. Она будет присутствовать в повестке дня, но на подчиненных ролях. Первоочередное значение – особенно во всех тех вопросах, которые так или иначе касаются России и стран Ближнего Востока, – будет иметь согласие относительно порядка доступа к энергетическим ресурсам и их использования. В отдаленной перспективе решение энергетической проблемы будет найдено – как я говорил выше – на путях обнаружения альтернативных источников энергии. Нашей задачей является поиск энергоносителей, отличных от нефти и газа. Эта цель не будет достигнута на протяжении ближайших пяти–десяти лет – и вся нынешняя борьба ведется с учетом этого обстоятельства. Россия строит все новые и новые трубопроводы, а западные государства стремятся запастись энергоносителями из других источников, надеются построить сеть труб из Средней Азии в Европу и к средиземноморским портам, огибая российскую часть Каспийского моря.

Сегодня за кулисами мировой политики идут переговоры небывалой интенсивности и свершаются сделки беспрецедентных масштабов. Возникают элементы мультилатерализма. Соединенные Штаты не могут больше действовать в гордом одиночестве. Им приходится договариваться с европейцами о единой позиции в

отношении России. В. Путин, как мне кажется, понимает это и боится такого развития событий. Иран становится разменной монетой в глобальной энергетической игре. В поисках «своих» поставщиков Китай укрепляет свое влияние в Африке, и потому все жестче расходится с Европой и США по вопросу об оценке ситуации в Судане. Есть и другие примеры. Единственным выходом из всего этого могла бы стать система [энергетической] безопасности, основанная на взаимных гарантиях. Страны, считающие друг друга потенциально дружественными, должны гарантировать друг другу стабильность, базирующуюся на определенных принципах. В таком случае В. Путину пришлось бы пообещать, что он ни при каких условиях не приостановит нефтяные и газовые поставки. Но такая гарантия выглядела бы односторонней, если бы ей не противостояли ценовые гарантии, – и что в такой ситуации делать с рыночной конъюнктурой? Поэтому окончательная стабильность в этой сфере маловероятна. Никакие гарантии поставщиков не решат всех проблем Америки, так как цены не обязаны быть фиксированными. Между тем во всех прежних играх, в которые играли Соединенные Штаты, у них было фундаментальное преимущество – и оно обеспечивалось не военной мощью, а деньгами, которые имелись в избытке. В новых условиях этот ресурс не так уж и редок. Деньги сегодня есть у всех, кто хоть как-то связан с экспортом нефти: у Венесуэлы, России, Саудовской Аравии. Как я уже подчеркивал, в этой ситуации американцы выглядят растерянными как никогда прежде.

Иноземцев: Мне кажется, в последнее время эксперты склонны серьезно преувеличивать масштаб проблем, существующих между Европой и Россией, – и это преувеличение передается политикам. Поставки нефти, насколько я знаю, вообще не вызывают никакой напряженности; проблемы скорее возникают на газовом «фронте». Они вызваны, с одной стороны, тем, что рыночного ценообразования на газ практически не существует; цена рассчитывается исходя из цены нефти, но корректируется с учетом десятков параметров и обстоятельств. С другой стороны, на ситуацию влияет и то, что на протяжении почти пятнадцати лет Россия не придавала должного значения урегулирова-

нию отношений со своими соседями и поставляла им ресурсы по заниженным ценам. Та же цена на газ для Украины, вокруг которой в последнее время поднято столько шума, составляет около половины оптовой цены, по которой газ продается в Европу. Еще одним важным моментом является и то, что Россия сегодня не может пойти на действительно жесткую конфронтацию с Европейским Союзом, так как она сама в большей мере зависит от поставок в Европу, чем европейцы – от российских газа и нефти. Европа получает из России четверть потребляемого ею газа и не более 20–23% потребляемой нефти. С трудом, но им можно найти альтернативу. Однако для России это будет катастрофой, так как почти 70% экспорта приходится на энергоресурсы, и альтернативных покупателей просто нет – трубы в направлении Китая и Японии еще не проложены. Позиции России в ее «энергетическом торге» с Европой объективно слабы, но ставки сделаны очень большие. В. Путин не готов к серьезному столкновению с Западом – прежде всего потому, что резкая конфронтация может привести к тому, что Европа и Соединенные Штаты займут гораздо более жесткую позицию по отношению к его внутренней политике, в которую они сейчас подчеркнuto не вмешиваются. Иногда мне кажется, что существующая в настоящее время напряженность создается искусственно – с тем, чтобы Запад осуществил «размен» собственной энергобезопасности на политическую безопасность путинского режима внутри России. Наш президент хорошо помнит о том, как погибала коммунистическая система, и не хочет, чтобы нечто подобное произошло с той, которую он сейчас выстраивает.

Белл: На мой взгляд, Вы очень хорошо схватываете экономическую сторону вопроса – хотя в обсуждении большинства прежних тем Вы очень последовательно избегали углубления в экономическую проблематику. Думаю, наиболее важное значение имеют сегодня не абстрактные цены на энергоносители, а психологический шок. Европейцы, как и В. Путин, не играют «в долгую»; американцы внимательно следят за шагами каждой стороны. И вдруг все видят, что на Украине перекрывается труба, чего не случалось, если я правильно понимаю, даже во времена «холодной войны»;

что Россия выставляет покупателям какие-то дополнительные условия. Все просто в шоке. И выступление Д. Чейни – скорее не угроза в адрес России, а предупреждение: «Г-н Путин, воздержитесь от того, чтобы посылать такие сигналы!» Цены – не проблема; они всегда взлетали и опускались, и это в порядке вещей. Рыночные спекулянты успокоятся, и придет стабилизация, пусть даже на более высоком уровне. Единственное, что пугает Запад – это постоянное напряжение и психологические шоки. Именно это стоит и за реакцией на украинские события, и за выступлением Д. Чейни [в Вильнюсе]. Думаю, другим событием, которое может иметь не меньший эффект, стало бы решение В. Путина баллотироваться [на третий президентский срок].

Иноземцев: Да, отнюдь не невероятный сценарий развития событий...

Белл: Интуиция подсказывает мне, что пока он не собирается оставаться у власти, предполагая, что сумеет обеспечить ее передачу какой-то пустышке, политической кукле, которую он может контролировать. Но все это может в одночасье измениться. Ведь именно в том, зависит судьба страны от воли одного человека и его приближенных или от выстроенности структурных элементов, и заключено различие между успешными и стагнирующими, прогнозируемыми и непредсказуемыми обществами.

4 ПРАВА ЧЕЛОВЕКА. ФРАГМЕНТАЦИЯ МИРА

Иноземцев: Мне хотелось бы перейти к проблеме, которая и глубже, и сложнее, чем проблема демократии или иная проблема, в той или иной степени связанная с формой государственного правления. Я имею в виду права человека. Сама мысль о наличии подобных прав далеко не нова; и поэтому первый вопрос неизбежно касается того, каковы этапы становления представлений о правах человека. К какому историческому периоду можно считать сформировавшейся соответствующую теорию? Разумеется, даже сегодня нельзя говорить, что она обрела универсальное значение. Возможно, она и не обретет ее никогда, но все же: с какого времени эта теория стала неотъемлемой частью политической доктрины? Как Вы полагаете, можно ли утверждать, что естественными «правами» обладают в равной степени все люди, или же есть какие-то ограничения и изъятия? Наконец, если существуют естественные «права человека», то не значит ли это, что должны существовать и естественные «обязанности человека»? Ведь в ином случае на фундаментальном уровне возникает разорванность прав и обязанностей. А если можно говорить о «естественных обязанностях», то что они собой представляют и как соотносятся с «правами»? Я понимаю: эти вопросы слишком сложны для того, чтобы сразу на них ответить; поэтому давайте начнем с истории «прав человека».

Белл: Как известно, самые древние и самые фундаментальные нормы, регулирующие поведение людей, проистекают из религии. Есть два важнейших источника идеи человеческих прав. Первый –

Нагорная проповедь Христа, приводимая в Евангелии от Матфея. В ней Иисус говорит: делайте другим то, чего вы желаете, чтобы они сделали по отношению к вам. В этом случае вас призывают относиться к другим так же, как вы желали бы, чтобы все остальные относились к вам, и действовать соответственно. Так что речь идет о взаимности. В основе этого подхода лежит идея универсальности христианской Церкви, мысль о возможности применения ее догматов к любому человеку. Если быть более точным – к любому мужчине; о женщинах напрямую речь тогда не шла. Нагорная проповедь всегда считалась главным церковным поучением, касавшимся канонов поведения людей. Она не кодифицировала права в собственном смысле этого слова, но конкретизировала поведение и устанавливала определенные его рамки, предписывая каждому оценивать, каким образом его действия способны повлиять на других, а поступки окружающих – на него самого.

Здесь можно отметить сходное (хотя и независимое) направление в еврейской мысли. Оно восходит к раввину Хилелю⁹⁶, про-

⁹⁶ Раввин Хилель, или Хилель Старший – один из духовных лидеров еврейского народа, знаменитый мудрец, основатель династии теологов и интерпретаторов Торы, не прерывавшейся до V в. н. э. и имевшей огромное влияние в Иудее. Хилель родился в Вавилоне в первой половине I в. до н. э. и начал свое служение в Иерусалиме примерно в 30 г. до н. э. Умер в Иерусалиме в последние годы правления императора Августа (10–14 гг. н. э.).

славленному мудрецу, жившему, как известно, во времена Иисуса, – хотя правильнее было бы сказать, что это Иисус жил в эпоху Хилеля, ибо тот слыл куда более знаменитым мудрецом. Так вот, существует легенда о том, как один нетерпеливый богач, возжелавший постичь суть иудаизма, обратился к иерусалимскому раввину Шемаи и спро-

сил его: «Можешь ли ты рассказать мне, в чем состоит мудрость иудаизма, пока не устанешь стоять на одной ноге?». Раввин разгневался и ударил спрашивавшего по ноге; тот, прихрамывая, retirовался. На следующий день он пришел к Хилелю и задал ему тот же вопрос. Хилель ответил: «Не веди себя по отношению к другим так, как ты не хотел бы, чтоб они когда-нибудь поступили с тобой. Это – суть учения. Все остальное – лишь толкования».

Внимания заслуживает здесь то, что слова Хилеля – и в том отличие его максимы от Иисусовой – содержат негативную, а не позитивную коннотацию. Он говорит: «Не поступайте с другими...»,

тогда как Христос: «Делайте другим то, что...» И есть знаменитое замечание Бернарда Шоу, сказавшего как-то, что лично ему ближе формула Хилеля, потому что у людей бывают разные вкусы и предпочтения, и потому он не хотел бы получать от них того, чего они могут порой желать сами для себя.

Таким образом, если мы углубимся в историю в поиске универсальных правил поведения, то увидим, что никто из философов не пытался применять их к действиям суверенных государств или правителей. Вплоть до Канта с его категорическим императивом все те, кто формулировал эти универсальные правила, относили их только к отдельным людям.

Сама постановка вопроса о том, что позволительно делать государству, относится к периоду принятия в Англии Великой хартии вольностей, когда бароны объединились и заявили королю: «Мы не хотим, чтоб ты безраздельно правил нами». Именно эта хартия, которая сначала рассматривалась как договор между монархом и вассалами, на деле стала первым документом, регламентировавшим их права. Она была принята в XIII веке, и с тех пор идея прав начала развиваться как часть правовой системы. Стало правилом, что за поступки, отличавшиеся от общепринятых или дозволенных, человека нельзя наказывать по воле монарха, а он должен предстать перед судом, который обязан определить степень его вины. С тех пор по мере развития юридической системы происходило расширение прав. Европейские законы о лишении прав – в отличие, например, от римских проскрипций – относились не к отдельным лицам, а ко всем, кто совершал определенные преступления. Так формировалась практика: закон, чтобы быть действенным, должен иметь универсальный характер.

Мало-помалу, причем в первую очередь в англоязычных странах, стала формироваться система, посредством которой люди обретали и закрепляли свои права. По большей части эти права служили защите от произвола власти, и потому они не предполагали сколь-либо конкретных обязанностей. Они лишь сообщали монарху: ты не можешь править против моего согласия; не можешь принимать решения, попирающие мои права. Концепция, согласно которой наличие любых прав налагает на человека и

определенные обязательства, то есть концепция, основанная на принципе взаимности, была предложена и сформировалась намного позже.

Наконец, первая четкая формулировка подобных прав содер-

⁹⁷ «Билль о правах» – первые десять поправок к Конституции США, провозглашающие свободу слова, печати, собраний, жалоб, вероисповедания и ношения оружия, а также недопустимость вмешательства в частную жизнь, необоснованных обыска или ареста, «жестоких и необычных» наказаний и поражения в правах без приговора суда. Текст Билля был разработан Джеймсом Мэдисоном в 1789 г. для ослабления позиций антифедералистов в борющихся за независимость колониях и состоял из 12 статей, 10 из которых были ратифицированы тремя четвертями штатов и стали законом 15 декабря 1791 г. При этом две предложенные Дж. Мэдисоном поправки: одна – устанавливавшая численность и распределение мест в Палате представителей, и другая – запрещающая членам Конгресса увеличивать жалованье самим себе – одобрены не были. Первая так никогда и не стала законом, тогда как вторая была утверждена как 27-я поправка к Конституции США 200 лет спустя, в мае 1992 года.

⁹⁸ Оливер Уэнделл Холмс (1841–1935) – американский юрист, один из наиболее влиятельных и самый старый в истории член Верховного суда США (продолженный в состав Верховного суда Т. Рузвельтом в 1902 г., он ушел в отставку в январе 1932 г. в возрасте 90 лет). Холмс известен как авторитетный адвокат, профессор Гарвардского университета и автор знаменитой книги «The Common Law» (1881 г.), считающейся классической вплоть до наших дней. В 1918–1919 гг. он последовательно выступал в защиту свободы слова и против политических преследований коммунистов и социалистов, имевших место в период так называемого Red Scare.

жится в Конституции США, первые десять поправок к которой образуют «Билль о правах»⁹⁷. Первая поправка провозглашает свободу слова и подчеркивает: право на свободу слова не может быть отнято у человека иначе как в исключительных ситуациях. На это имеется хорошее замечание Оливера Уэнделла Холмса⁹⁸, одного из членов Верховного суда, который говорил: «Никто не имеет права кричать “Пожар!”» И действительно, известно много случаев, когда люди погибали в давке, пытаясь выбраться из якобы горящих зданий, хотя в действительности им ничего не угрожало. Поэтому, конечно, все права имеют ограничения и вопрос состоит скорее в том, насколько мягкими мы считаем возможным их сделать.

Таким образом, подытожу: идея прав уходит корнями в религию, стремившуюся задать императив отношений между людьми; ее первоначальное развитие связано с потребностью человека защититься от произвола власти; а ее совершенствование происходит через формирование юридической системы, которая позволяет опреде-

лять как права, так и процедуры.

Иноземцев: Я думаю, с точки зрения истории Вы очень точно сделали акцент на позитивной и негативной коннотациях, а также «защитительной» природе теории прав. Действительно, трудно не согласиться, что кодификация прав происходила по мере того, как отдельные люди (сначала знать, потом джентри, а затем и все остальные) отвоевывали у монархов, которые прежде сами считались источником права, те или иные уступки, расширяя сферу «частной жизни». Однако при этом речь шла (и идет) о праве совершать действия, на которые способен каждый человек. Право на свободу слова означает не более чем право высказать то, что человек думает и в чем он убежден. Если у кого-то нет убеждений или он не ощущает необходимости высказаться, это право остается своего рода латентным.

Однако в последние годы исподволь происходит зачисление в разряд «прав» некоторых вещей, которые, по сути, не зависят ни от способностей человека, ни даже от его реальной деятельности. Я вполне понимаю, что у каждого есть право на свободу и никто не может быть обращен в рабство. Но в той ли степени можно говорить о «праве» человека на минимальный доход, жилье, на определенные условия существования?

Я вспоминаю рекламный ролик компании Electricité de France, изображавший строительство мини-электростанций на солнечных батареях в африканской стране; ролик закачивался демонстрацией работающей станции и слоганом: «Потому что мы верим: право на использование энергии – это одно из базовых прав человека». Но так ли это? Какие «права» имеют, например, на такую станцию люди, не приложившие своих сил к ее созданию? Можно ли вообще говорить об экономических «правах» в том же контексте и рассуждать о них в той же логике, как мы говорили и рассуждали об иных «неотчуждаемых правах» человека как личности?

Ни для кого не секрет, как усложнилась сейчас проблема миграции. Приехав, например, в Соединенные Штаты из Латинской Америки, России, из Африки или Европейского Союза, каждый человек пользуется в вашей стране некоторыми неотчуждаемыми правами: ему гарантирована свобода слова, он не будет задержан полицией, если не совершит ничего противоправного, имеет право на защиту в суде. Но есть и иные права, которые заведомо пред-

полагают возможность требований. Я имею в виду право на получение социального вспомоществования или пособия по безработице; право на убежище (особенно если человек спасается от политических преследований на родине) и прочее. Каковы основания этих требований? Насколько универсальны права человека, если в одних странах они соблюдаются, а в других нет? Обязаны ли развитые страны соблюдать права тех, кто не озаботился созданием политических систем, уважающих права человека, в их собственных государствах?

И последнее. Когда я приезжаю в Соединенные Штаты, я не считаю себя хуже американцев, или беднее их, или глупее. Но я не претендую и не собираюсь претендовать, например, на то, чтобы голосовать здесь на выборах. Я понимаю, что это – право граждан Соединенных Штатов Америки. Я не гражданин США и принимаю это как должное. Почему иные права – право на социальное обеспечение, например – должны иметь те, кто не вложил своих усилий в процветание этой страны, те, кто претендует на свою долю в богатстве определенного государства только на основе необходимости соблюдения «прав человека»? Не слишком ли это шаткое основание для экономических требований?

Белл: Каждое общество основано на совокупности норм, правил и законов, и в каждом обществе существует система наказаний за их нарушение. Нарушение норм – самый распространенный случай, и он не вызывает, как правило, серьезных последствий, так как нормы обычно не кодифицированы и действуют в силу привычек и образа жизни людей, за нарушение которых не предусмотрены наказания. Я, например, не привык никого перебивать. Эти нормы воплощены в определенных процедурах, которым общество считает необходимым следовать, так как они в конечном счете упрощают жизнь. Ведь если бы, например, мы с Вами постоянно перебивали друг друга, мы за неделю не обсудили бы и одной темы...

В отличие от норм, правила обычно предполагают указания на индивидуальные обязанности. Например, работники, устроившись на завод, обязуются приходить на работу к девяти часам утра; если кто-то поступает иначе, его ждет наказание. Конечно,

все можно довести до абсурда: вспоминается советский анекдот 30-х годов, в котором говорилось, что постоянно опаздывающего работника можно обвинить в саботаже, постоянно приходящего загодя – в приспособленчестве, а появляющегося на своем месте минута в минуту – в буржуазном формализме.

Однако правила все же существуют – и соблюдаются. Многие из них по степени императивности приближаются к законам. Например, если вы ведете автомобиль и видите красный сигнал светофора, вы почти наверняка остановитесь, – причем не столько боясь наказания, сколько понимая опасность нарушения правил, соблюдаемых большинством. Правила и законы нужны для нормального функционирования любого общества, но сам этот процесс далеко не всегда одинаков.

Одним экстремальным вариантом является диктатура – система, где власть, которую невозможно призвать к ответу, устанавливает законы и правила, ограничивающие возможность людей сопротивляться произволу. Пытаясь осмыслить пределы полномочий власти, политические философы и социологи ввели два понятия, которые стали краеугольными камнями всех концепций, построенных в этой сфере. Это понятия суверенитета и легитимности. Обладать суверенитетом – значит иметь право управлять, устанавливать правила и исключения из них. Легитимность предполагает, что этим правом распоряжаются правильно, то есть в соответствии с существующими представлениями о справедливости и целесообразности. В последние столетия именно понятие легитимности обрело фундаментальное значение для социальной теории и практики.

Концепция легитимности возникла в конце XVIII – начале XIX веков, когда череда революций подорвала монархическую систему суверенитета. В ходе этих революций перед обществом всякий раз вставал вопрос: насколько легитимны действия тех, кто разрушает прежние порядки? В некоторых случаях революционеры действительно стремились к переустройству общества; в некоторых их действия были не более чем попытками меньшинства навязать свою власть обществу. Именно поэтому вопрос о легитимности и приобрел поистине исключительную важность.

Если возвращаться к истории, то я бы сказал, что впервые это проявилось в 1815 году на Венском конгрессе. Страны-победите-

ли вернули на французский трон отпрыска свергнутой династии, Людовика XVIII. При этом и Меттерних, и Талейран утверждали, что основанием для такого шага было то, что он являлся легитимным правителем, который наследовал престол по правилам и законам, действовавшим до Французской революции. Здесь в возрождении суверенитета Бурбонов сыграли роль не концепция прав, а понятие права в том виде, в каком оно подразумевало суверенитет и легитимность. Однако признание за сувереном права властвовать не означает, что он обретает возможность нарушать права других.

Между тем власть развращает, и она всегда подталкивает человека на злоупотребления ею. Поэтому вопрос о легитимности ставится не единственный раз; он стоит на повестке дня постоянно, вне зависимости от природы и полномочий суверена. И вся дискуссия о полномочиях власти и их границах, о содержании позитивной и потенциальной свободы, равно как и обо всех подобных вопросах, основывается на практическом опыте; здесь нет места абстрактной логике. Всякий раз новый социальный опыт сталкивается с прежними представлениями и практиками. Каждый очередной шаг вперед облегчает последующие, потому что теоретические построения ничего не дают для расширения свободы. Поэтому общества, на том или ином этапе истории бывшие более свободными, затем становятся лишь еще сильнее приверженными свободе. Некоторые другие – такие, например, как Россия, – исторически были более автократичными, и сейчас они сталкиваются с гораздо большими препятствиями на этом пути. Ричард Пайпс недавно написал новую книгу о российском консерватизме, и он видит его истоки в самодержавии – системе, где все в конечном счете принадлежало царю по праву «отца», или покровителя. Такое покровительство могло быть большим благом при «хорошем царе», но ведь всем известно, что монархи были хорошими далеко не всегда...

Поэтому я повторяю еще раз: не существует абстрактного определения прав; права всегда формулируются в конкретной ситуации и для конкретной ситуации, а содержание их определяется тем, как далеко народ готов пойти в оспаривании предложенных ему «предписаний» и правил.

Иноземцев: Полностью с Вами согласен. Нельзя рассуждать о правах безотносительно к ситуации, складывающейся в том или ином обществе. Любое общество имеет свою историю, свои традиции, свой опыт – и потому права людей (или права человека, не так ли?) могут существенно различаться от одного общества к другому. Я не говорю о том, насколько оправданной является эта ситуация – просто констатирую ее как некую данность. Данность, которую в наше время нельзя не принимать в расчет – именно так, как Вы и говорили. А наше время – это время разрушения традиционных границ, время глобализации, которая делает возможным небывало интенсивное взаимодействие, причем не столько между народами, сколько между людьми.

Сотни тысяч и миллионы людей пытаются найти себя вне тех обществ, продуктом которых они явились как личности. Они стремятся интегрироваться в общества, правила и законы которых им не очень знакомы (а порой и не слишком милы). Каким в этой ситуации должен быть императив поведения? Должны ли мигранты принять правила и жить по законам тех стран, которые становятся для них второй родиной? Или же можно предположить возникновение какого-то симбиоза правил, который учитывал бы возросшее многообразие? Или же общество мало-помалу начнет сегментироваться и в разных его частях будут действовать различные законы – пусть даже и не различные по существу, но отличающиеся друг от друга в важнейших «деталях»?

Белл: Хорошо, я продолжу. Сегодня в Соединенных Штатах, как и в других странах, появляется все больше нелегальных мигрантов. Что происходит в данном случае? Да, множество людей перебираются через мексиканскую границу и устраиваются в Америке. Их можно понять – они ищут работу, которой не хватает в Мексике с ее стремительно растущим населением. Но интересно другое: даже если сами мигранты и попадают в страну незаконно, их дети, рожденные здесь, имеют право на американское гражданство. Они посещают школы, финансируемые из местных бюджетов, вживаются в нашу среду. Эта проблема появилась не вчера – просто в Аризоне, Калифорнии и других штатах она только недавно стала предметом широкого обсуждения. Здесь есть явное несоот-

ветствие: родители – нелегалы, но их дети пользуются всеми правами граждан.

Сейчас обсуждаются пути решения этой проблемы; чаще всего предлагается внедрить облегченную процедуру получения гражданства теми, кто прожил в Штатах более пяти лет. Подобные процессы происходят всюду – но не везде проблему можно решить так же легко: в Германии, например, такие мигранты вообще не имеют перспектив на получение гражданства. Все эти проблемы, замечу, имеют прямое отношение и к другой важнейшей тенденции, которую мы наблюдаем в современном мире, – к накоплению демографических дисбалансов [между развитыми и развивающимися странами]. Дело не только в уровне жизни, например, в той же Европе; нельзя также не учитывать, что в соседнем Алжире около 40% населения – это люди, которым еще не исполнилось и 25 лет. Какую жизнь они могут надеяться прожить на родине? Именно поэтому их выбором часто становится попытка уехать, пусть и нелегально, в Европу.

Иноземцев: Да, такие попытки оказываются далеко не единичными, и при этом многие из них довольно успешны. Вы, конечно, правы, говоря о неизбежности миграции. И о том, что незаконный статус мигрантов существенно усложняет им жизнь в тех странах, куда они перебираются. Но я хотел бы акцентировать внимание на ином обстоятельстве. Вы редко встретите – по крайней мере в Европе – иммигранта, который сводил бы причины своего прибытия к одним только экономическим факторам. Нередко они говорят, что вынуждены были бежать от религиозных конфликтов или гражданских войн, а порой – что в современном мире у человека есть право покинуть свою страну и перемещаться по миру. Это «право» действительно зафиксировано во Всеобщей декларации прав человека, но в какой мере его можно применять к людям, которые, приезжая в другие страны, становятся для них несомненной обузой?

Я не говорю сейчас, например, о России, где в условиях отсутствия нормальной системы социального обеспечения мы сталкиваемся практически исключительно с трудовой миграцией. Но в большинстве европейских стран не более 55–60% иммигрантов

устраиваются работать в первые два года после прибытия в страну. Если предположить – а для этого есть все основания, – что в ближайшем будущем конфликтов на мировой периферии не станет меньше, а богатство в мире не будет распределяться более равномерно, то как долго придется западным обществам мириться с притоком нахлебников?! На основе чего мы должны признавать какие-то обязательства перед людьми, бегущими из собственных стран? Каковы те абстрактные принципы, которые мы «защищаем» столь сомнительной практикой?

Белл: Да, мы здесь, в Соединенных Штатах, как и граждане европейских государств, сталкиваемся в этом случае с примечательной нравственной дилеммой. Существует сравнительно детально прописанная и законодательно утвержденная практика предоставления политического убежища. Если в той или иной стране вы можете быть брошены в тюрьму или даже убиты за свою общественную деятельность, религиозные предпочтения или политические убеждения, вы можете бежать оттуда и обратиться с просьбой о предоставлении убежища. Но если вы умираете с голоду – просто потому, что не принадлежите к доминирующему в этой стране этносу, вы не можете просить об этом. Здесь странная двойственность подхода. Вы можете пытаться свергнуть правительство и потом получить убежище. Но если вы просто голодны – то извините.

Разумеется, политическое убежище предоставляется лишь выходцам из стран, где людям отказано в их политическом статусе: в свободе слова, попытке выдвигаться на выборные должности, где нет возможности ненасильственного изменения политической системы. Однако такая ситуация может иметь место сегодня, но радикально измениться завтра. Поэтому сейчас начинают говорить: необходимо определить, что такое «невозможность мирного изменения государственного строя». Но тут начинаются неопределенности. Например, на Филиппинах долгие годы правил диктатор Фердинанд Маркос, который при этом признавался Соединенными Штатами законным руководителем страны. Однако затем он предпринял ряд шагов, которые отвратили от него американцев, и администрация Рейгана объявила его правительство нелегитимным. То есть на прошлой неделе вы были «в законе», а сейчас уже вне его. На

Маркоса началось мощное политическое давление, и он был вынужден покинуть свой пост. То же случилось, например, на Гаити с диктатором Дювалье, с «папой Доком»⁹⁹.

⁹⁹ Франсуа Дювалье (Дювалье-старший, или «папа Док», 1907–1971) – президент Гаити с 1957 г. и диктатор (пожизненный президент) с 1964 г. Известен тем, что в 1961 г. на безальтернативных «выборах» не получил ни одного голоса «против». В период его правления в стране расцвел политический террор, жертвами которого за десять лет стали более 30 тыс. человек. В 1971 г. Дювалье умер; ему наследовал его 19-летний сын. Ненависть народа к диктатору была столь сильна, что в 1987 г. место его предполагаемого захоронения подверглось нападению с целью расчленив и сжечь его останки, – которых, однако, в могиле обнаружено не было.

Понимаете, правила существуют, но трудно отказаться от соблазна изменять их в зависимости от политических потребностей. Случай с Маркосом, конечно, не самый показательный – его режим изначально не был легитимным. Но правила часто бывают двуличными. В свое время была такая шутка: стоят два москвича перед большой дверью здания на Лубянке, на которой написано «Вход воспрещен», и один говорит другому: неужели там счита-

ют, что если написать на двери «Добро пожаловать», появится много желающих сюда войти? Но и сегодня в мире достаточно правил, точно таких же по степени своей содержательности...

Иноземцев: Да, конечно, только это не устраняет проблемы, а скорее обозначает новые. С точки зрения «свободного мира» легко доказать, что в стране, где существует тирания, где не проводятся выборы, не обеспечено равноправие полов или, не дай бог, имеет место сегрегация граждан по этническому или религиозному признаку, все население имеет законное право потребовать убежища в более благополучных странах. Например, такое право должны бы иметь все без исключения подданные саудовского короля Абдаллы – ведь Саудовская Аравия остается автократией, там нет выборов, не допускается исповедование отличных от ислама религий, женщины лишены многих «неотчуждаемых» прав и т. д. Саудиты вообще не подписали Всеобщую декларацию прав человека. Давно пора объявить этот режим абсолютно нелегитимным и приветствовать перебежчиков оттуда.

Таким образом, одна сторона проблемы состоит в том, что легко дойти до масштабных генерализаций – вплоть до объявления угнетенной всей нации. И что тогда? Объявить, что каждый, кто

приедет оттуда, получит убежище и пособие? Или попытаться сменить режим? Результаты безумства последнего рода мы уже наблюдаем в Ираке... При этом проблема имеет и другую сторону: мы должны отдавать себе отчет в том, что все эти рассуждения основаны на методологических постулатах, принятых на Западе. А эти постулаты могут не всеми считаться универсальными. Многие люди на Ближнем Востоке вовсе не стремятся осваивать западные практики и считают свой традиционный образ жизни вполне легитимным, даже если он идет вразрез с абстрактными «правами» абстрактного «человека».

Итак, есть два вопроса. Во-первых, если люди бегут из авторитарных или крайне бедных стран, то делают ли они это для того, чтобы отстаивать свои «права», универсальные от природы? Во-вторых, кто может определять содержание концепции «прав человека», и кто имеет в таком случае полномочия настаивать на коррекции списка подобных прав?

Белл: В этом случае, как и в других, надо исходить из той ситуации, с которой мы имеем дело, – а она, как Вы верно отметили, противоречива. Мы должны обращаться и к истории. В конце XVIII века в мире была только одна демократическая страна – Соединенные Штаты. Сейчас таких государств более полусотни. И почему? Потому что люди приходят к выводу, что соответствующий образ жизни более для них приемлем.

Иначе говоря, в этом смысле никто не «распространял» демократию по миру – да, строго говоря, и не пытается ее распространять. Как верно Вы отметили в одной из предыдущих бесед, перемены начинаются изнутри, когда люди сравнивают свое общество с другими и начинают задумываться: как это у них получилось такое, с чего они начинали?

Но я хотел бы затронуть еще одну тему, которой мы вообще не касались раньше, но которая имеет очень большое значение. Я имею в виду роль женщин в обществе. Хорошо известно, что большинство существовавших в истории обществ было по своей организации патриархальными. Мужчины управляли всем. У женщин было мало прав, а подчас они вообще их не имели. В ряде стран поддерживались традиции полигамии, и мужчина мог иметь нескольких

жен. Если какая-то из них переставала ему нравиться, одного объявления об этом было достаточно для развода.

И женщины начали говорить друг другу: почему мы должны подчиняться мужским порядкам? В Индии, например, существовал обычай, называемый сати, по которому [бездетной] овдовевшей жене надлежало сгореть на погребальном костре своего покойного мужа. В других странах она передавалась в качестве «младшей жены» брату покойника. Иногда таких женщин отправляли в специальные работные дома... Или выдача девочек-детей замуж? Ведь и сегодня есть множество примеров, когда малолетних девочек в возрасте семи–девяти лет выдают замуж, по сути определяя их в крепостную зависимость на всю оставшуюся жизнь. Это недопустимо. Почему жизнь этих девочек должна рушиться оттого, что кому-то потребовалась малолетняя жена-девственница, а ее родители взяли и воспользовались такой ситуацией?

У каждого общества есть свои традиции и практики, и люди сравнивают их, причем фундаментальным моментом здесь оказывается то, что потребности в справедливости постоянно увеличиваются, растут соответствующие ожидания, поскольку ни одно общество не развивается ныне в изоляции от других.

Иноземцев: Но существуют ли у нас обязательства перед людьми, не принадлежащими к нашей собственной нации, в части обеспечения того, что мы с Вами (и не всегда – сами эти люди) считаем «неотъемлемыми правами человека»? Мы говорили, что в общем плане задача признания прав человека в международном масштабе важна и должна постоянно находиться в числе политических приоритетов, – но относится ли к таковым непосредственное обеспечение этих прав? Обязаны ли западные страны (Европейский Союз, Соединенные Штаты) и международные организации вмешиваться в ситуации, когда происходит массовое нарушение прав человека – геноцид, насилие на религиозной почве, этнические чистки и т. д.? Как вообще должен современный цивилизованный мир реагировать на такие события?

Белл: Слишком часто реакция международного сообщества недостаточна, и при этом она проявляется, по сути, только там, где

не проявить ее невозможно. Возьмем, например, три случая из еще недавней истории.

Первый – Руанда. Широкое внимание к этой проблеме было обусловлено прежде всего самой постановкой вопроса: зачем нам вмешиваться в их дела – ведь они нас не касаются, да и никаких интересов у нас нет в этом регионе... И действительно, ни одна из западных стран не имела ни экономических, ни политических интересов в этой части мира, что отчасти и привело к тому, что геноцид оказался возможен. Людей убивали, сжигали в их хижинах, топили в реках – без всякой реакции извне. Однако сами масштабы бедствия и немыслимая жестокость, похоже, сформировали на Западе убежденность, что повторения такой ситуации невозможно допустить в будущем. Это суммировано в замечательной книге талантливого гарвардского социолога Саманты Пауэр которую Вы, возможно, читали¹⁰⁰.

Второй случай, где вовлеченность Запада была более очевидной, – это Босния, а именно тот эпизод балканских войн, когда в городе Сребреница пять тысяч мусульман были попросту окружены сербами и расстреляны. Здесь «сложность» ситуации заключалась в том, что мы гарантировали людям безопасность; в регионе находились миссии наблюдателей и миротворцы из сил ООН, которые не воспрепятствовали боине. США в конечном счете возмутились, и в результате была предпринята операция, в которой войска НАТО под командованием генерала Уэсли Кларка вошли на территорию Югославии и положили конец практике геноцида¹⁰¹.

Третий пример – Дарфур, провинция Судана, где к настоящему времени более 2 млн. человек стали беженцами, а около 200 тыс. убиты. Тут Соединенные Штаты при-

¹⁰⁰ Д. Белл имеет в виду книгу: Power, Samantha. *A Problem from Hell: America and the Age of Genocide*, New York: Basic Books, 2002. Проблема отношения западного мира к проявлениям геноцида поднималась и самим Д. Беллом в статье «Нравственность и злодейство: две культурные парадигмы XXI века», написанной для журнала «Свободная мысль» (см.: *Свободная мысль* – XXI, 2005, № 3, сс. 11–26).

¹⁰¹ Д. Белл не совсем прав в данном случае. Ответом на геноцид в гор. Сребреница в июле и обстрел рынка в Сараево 28 августа 1995 г. стала проведенная НАТО с 30 августа по 20 сентября Operation Deliberate Force, в результате которой была снята сербская осада Сараево. Генерал У. Кларк не принимал участия в этой операции; он руководил Operation Allied Force, более известной как «косовская война» (24марта–10июня1999г.), занимая в то время пост главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе.

держиваются тактики невмешательства, прикрываясь тем, что это африканские дела; что существует Африканский Союз, который как раз и создавался для урегулирования соответствующих конфликтов; что Америка не хочет навязывать свой вариант решения проблемы. Но сами африканцы не могут ее решить. Африканский Союз откровенно не способен к продуктивному лидерству. Он делает вид, что соглашается с суданскими властями, которые утверж-

¹⁰² Джанжавиды – термин, применяющийся для обозначения представителей кочевых племен в Судане и Чаде, использующих диалекты арабского языка и исповедующих ислам. Название происходит от персидских слов *jang* (война) и *jangawee* (рыцарь) и появилось в начале XX века, в период борьбы местных народов с британскими колонизаторами. В последние годы обычно используется применительно к проправительственным боевикам, жестоко подавляющим выступления оппозиционных суданским властям оседлых племен западной части страны.

дают, будто джанжавиды¹⁰² – это совершенно самостоятельная сила, не подчиняющаяся никому. Но мы знаем, что это неправда, и постепенно международное давление на центральные власти в Хартуме начинает усиливаться.

Я все больше и больше склоняюсь к мысли о том, что вмешательство в таких случаях необходимо. Мы ведь, по сути, считаем себя неотъемлемой частью того, что при-

нято называть «цивилизованными народами». И само использование слова «цивилизованный» обязывает нас признать происходящее в этих «проблемных регионах» форменным варварством.

Сегодня правомерно говорить о наличии на планете «мира цивилизации» и «мира варварства». И если мы не способны сформулировать принципы «цивилизованного» поведения и жестко следовать им, то это приглашение всем остальным действовать «нецивилизованными» методами. Вы употребили правильное слово, говоря о «цивилизованном мире». И его сегодняшняя цивилизованность определяется именно готовностью противостоять варварству, а потому вмешиваться там, где иначе насилие не может быть остановлено. Конечно, очень трудно инициировать такое вмешательство, если не иметь превосходящих сил; однако еще труднее организовать его, не чувствуя собственной правоты. Генерал Уэсли Кларк – очень достойный, я бы даже сказал, выдающийся человек, тонкий интеллеktуал; он боролся за выдвижение кандидатом в президенты Соединенных Штатов, но не был удачлив на этом поприще. Однако я уверен: именно людей этого

типа мы должны поддерживать и вдохновлять. Он – один из тех, кто способен взять на себя ответственность лидера и сказать: «То, что здесь происходит, нетерпимо, и потому мы должны положить конец всему этому». Люди этого типа будут со временем появляться все чаще – причем в самых разных частях планеты. И вопрос не сводится только к самой ужасной природе этих злодеяний – не менее важно и то, что они порождают беспорядок, который распространяется все шире и шире. Проблема состоит в том, какими методами мы можем поставить предел расползанию этого типа хаоса.

Посмотрите: в том же Дарфуре нестабильность уже начинает захлестывать соседний Чад. Туда устремляются беженцы, власти страны начинают поддерживать их лидеров, – а в ответ правительство Судана открыто предпринимает попытки дестабилизировать ситуацию в Чаде. И это все не раз и не два еще повторится в Африке, особенно в регионах к югу от Сахары. Поэтому, повторю еще раз, мы обязаны вмешиваться в такие ситуации, и по двум причинам: во-первых, из соображений морального порядка, заставляющих нас считать массовые убийства, изнасилования и изгнание людей с насиженных мест вещами нетерпимыми; во-вторых, из соображений элементарной безопасности, так как допущение такого рода конфликтов без всякого внимания к ним извне означает мультиплицирование беспорядка, что становится проблемой уже для всего мира.

Иноземцев: Я, конечно, согласен с Вами, но тут возникает еще одна проблема. Разумеется, люди, спровоцировавшие геноцид в Руанде и Боснии, могут быть объявлены военными преступниками и даже осуждены за преступления против человечности. Для этого вроде бы имеются основания в виде международных резолюций и Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой уже почти 60 лет назад. Но на деле все оказывается гораздо сложнее – совсем не так, как должно было бы быть, если считать геноцид особым видом преступления.

Вот посмотрите: если здесь, в Бостоне или Париже, да и в конце концов в Москве или Петербурге кто-то на глазах полиции бросается с ножом на спокойно идущего по улице человека и убивает

его, можно ожидать, что полицейские схватят подозреваемого и водворят его в камеру предварительного заключения. Далее этот человек окажется обвиняемым на суде. Быть может, выяснится, что он был в состоянии аффекта или является душевнобольным, – но в момент совершения преступления это неважно: он будет задержан и изолирован от общества. Почему? Потому что убивать человека – незаконно. Он, быть может, был плохим человеком – но в Америке даже есть на то поговорка: многие живы только потому, что закон не позволяет их убить. Не позволяет – и все.

Убивать людей в джунглях Африки тоже вроде бы незаконно, но если их убивают, подобной жесткой реакции не возникает. Более того, в ООН начинают обсуждать, признать происходящее в Судане геноцидом или же нет! И если, например, Китай наложит вето на соответствующую резолюцию, убийство тысяч людей не будет признано геноцидом. Тем более – в страну не будут направлены миротворцы ООН, потому что для этого также нужны соответствующие резолюции и санкции. Но можно ли построить такую систему международного права, в которой, как в случае обычного уголовного права, любое нарушение установленных правил немедленно порождало бы четкую и адекватную реакцию?

Белл: Не могли бы Вы повторить вопрос еще раз?

Иноземцев: Хорошо. Сформулирую короче. Если кто-то совершает преступление на улице города, его задерживает полиция. Если он сопротивляется полиции, он может быть даже убит. Это, замечу, не противоречит тому, что каждый человек считается свободным и «суверенным»: он просто не должен выходить за установленные рамки поведения. Как, теоретически, не могут и государства. Но в случае государств все обстоит иначе. Если то или иное правительство развязывает войну против собственного народа, признание геноцида преступлением требует соответствующего международного решения. И оно не всегда оказывается очевидным, а порой и вообще не принимается. Если спроецировать все это на преступника, о котором я говорил, окажется, что полицейские должны сначала сообщить в участок о его поведении, потом все, кто присутствует в участке, проголосуют

по вопросу о том, следует его арестовать или же ограничиться общественным порицанием. Почему невозможно создать систему, которая реагировала бы на любой акт геноцида единообразно, не «спрашивая разрешения» у великих держав с их меняющимися политическими интересами? Есть факты – есть реакция. И ничего больше...

Белл: Да, с теоретической точки зрения проблема существует. Собственно, когда Рафаэль Лемкин ввел термин «геноцид»¹⁰³ и предложил его определение, это понятие быстро вошло в лексикон международного права. Организация Объединенных наций приняла резолюцию о геноциде, о которой Вы уже говорили. Эта резолюция открыла большие возможности для установления новых стандартов в международном праве, но возможности эти не трансформировались в реальные дела. Почему? В первую очередь, не потому, что мы не видим очевидных вещей, а потому, что мы не стремимся что-то предпринять, чтобы изменить ситуацию. Мы не то чтобы не имеем закона, требующего наказания уличного убийцы; закон-то есть, но мы не стремимся его применять прежде всего...

Есть, правда, и другая сторона проблемы – более существенная.

Обычно случаи геноцида наблюдаются тогда, когда общество находится на грани гражданской войны или же таковая уже идет. В этом случае определение геноцида становится сложной проблемой: стали ли десятки тысяч смертей следствием этнической чистки, или это цена сохранения единства страны? Или взять хотя бы ситуацию в Конго в 1960–1961 годах, когда в стране боролись «революционные» и «контрреволюционные» силы... Готовы ли мы применить в таком случае меры против геноцида?

¹⁰³ Рафаэль Лемкин (1900–1959) – еврейский лингвист и юрист; родился в Литве и получил образование в Университете Иоанна Казимира (ныне – университет им. Ивана Франко) во Львове. Блестящий юрист, владевший к 18 годам девятью языками, в тридцатилетнем возрасте он стал секретарем Комиссии по кодификации законов Польши. В 1933 г. Лемкин представил юридической комиссии Лиги Наций доклад о «преступлении варварства» как нарушении норм международного права. Участник обороны Варшавы в 1939 г., он бежал в Швецию и США, откуда вернулся в Европу в 1945 г. личным помощником Р. Джексона, главного обвинителя от Соединенных Штатов на Нюрнбергском трибунале. Известен как автор книги «Правление стран “оси” в оккупированной Европе» (1944), в которой впервые ввел понятие геноцида (от греческого *genos* [семья, племя] и латинского *cide* [убийство]). Основной разработчик Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (1949).

Я думаю, что наиболее важным – да и следующим по времени – шагом должно стать не реформирование методов действия ООН или активизация преследования отдельных виновных лиц, а формирование региональных групп, заинтересованных в поддержании мира и стабильности. Некоторые такие группы уже созданы, но неэффективны; тут достаточно вспомнить Африканский Союз. И в ряде стран – к примеру, в ЮАР – все больше людей выступают против участия в подобных союзах, хотя понимают, что поддержание мира выгодно всем: ведь без него не будет ни торговли, ни экономического сотрудничества, ни инвестиций, ни вообще любого развития. Но я все же полагаю, что для искоренения геноцида более важным, чем нравственное совершенствование отдельных людей или создание нового глобального правового порядка, оказывается реформирование «среднего» уровня – региональных «союзов солидарности».

Однако если задуматься о том, где могут возникнуть такие союзы, окажется, что их появление вовсе не обусловлено остротой проблемы нарушений прав человека. Одной из таких зон стабильности может стать Юго-Восточная Азия, где существуют отдельные проблемные страны – вроде Филиппин или Индонезии, – но где в общем царит определенный порядок. Латинская Америка, несмотря на ее проблемы, тоже выглядит относительно стабильной. И в Европе, где ситуация на Балканах постепенно становится контролируемой, нет особых причин беспокоиться...

Но существуют два региона, которые – по крайней мере, в перспективе ближайших десяти лет – выглядят источниками опасности. Первый – Центральная Азия. Здесь находятся богатые ресурсами, но не слишком стабильные государства – Узбекистан, Киргизстан, Таджикистан, Туркмения. Их богатства неизбежно будут предметом вожделения со стороны соседей. Нельзя также сбрасывать со счета и исламский фактор, дестабилизирующий регион, а также внешние влияния. Второй беспокойный регион – Закавказье с его вялотекущими конфликтами между Азербайджаном и Арменией, и не только между ними.

Эти регионы, на мой взгляд, могут в ближайшем будущем стать ареной серьезных конфликтов и крупных интервенций извне – причем со стороны целого ряда государств. И следовало бы зара-

нее задуматься о создании того, что я называю «защитными дамбами», что потребовало бы вовлечения в процесс Китая, России, Соединенных Штатов и, быть может, даже Японии. Америка, которая имеет интересы прежде всего в контроле над нефтью, уже пыталась обозначить здесь свое присутствие в виде военных баз. В отличие от Центральной Азии, на Ближнем Востоке, где большинство стран имеет мощные армии, вряд ли стоит ожидать гражданских войн, но не нужно исключать возможности жесткого подавления некоторых групп населения – тех же курдов в Ираке или Турции, религиозных меньшинств в других странах. Все это может послужить резкому нарастанию региональной нестабильности, и ответом на такой вызов должно было бы стать превентивное создание систем по поддержанию мира и стабильности в данных регионах.

Иноземцев: Не пояснили бы Вы, какими видятся Вам подобные системы?

Белл: Прежде всего – объединенные силы по поддержанию мира. Создание таких сил в беспокойных регионах соответствует интересам всех находящихся здесь стран, которые должны делать все необходимое для придания этим вооруженным контингентам необходимой эффективности.

Иноземцев: Это должны быть вооруженные силы, состоящие из местного персонала или же направляемые преимущественно извне, – такие, как, к примеру, миротворцы из Организации Объединенных наций?..

Белл: Мне кажется, что ООНовские силы окажутся неэффективными прежде всего потому, что внутри самой Организации Объединенных наций слишком многие опасаются любого вмешательства. Это должны быть региональные силы, построенные по образцу НАТО, – но не сами силы НАТО, так как этой организации не следовало бы «растворяться» в регионах, лежащих далеко за пределами ее зоны влияния.

Я считаю, что принципиально важным участником подобной группировки могла бы стать Россия. Но ее участие может обер-

нуться проблемой, если она попытается установить доминирование над Азербайджаном, Грузией или «государствами шелкового пути», что неизбежно вызовет враждебные действия с их стороны. На самом деле Россия – это единственное государство, которое не имеет в регионе жизненно важных интересов и которому не слишком-то и выгодно там закрепляться, но она может попытаться восстановить власть над этими странами, которую имела в советское время, в силу привычки. Российская политика в регионе – и перспективы пусть не конфликта, но дипломатической напряженности в отношениях между Россией и Европой, Россией и азиатскими государствами – обретет в ближайшие годы решающее значение для судеб региона. С большой вероятностью Россия станет в Центральной Азии основным и даже незаменимым игроком.

Я привел бы здесь некоторую аналогию с ЮАР, которая занимает в наше время совершенно особое место в африканской политике. Южная Африка – крупнейшая страна континента, обладающая наиболее мощной экономикой и самым существенным потенциалом стабильности. Она воспринимается как идеальный арбитр – и именно поэтому ее так часто привлекают к урегулированию региональных конфликтов. Кто еще может сыграть похожую роль? Нигерия? Но это практически невозможно... Большая страна, она остается симбиозом трех регионов, серьезно различающихся по своим обычаям и культуре. Экономика держится только на нефти, а государственные институты насквозь коррумпированы. Все это делает практически невозможным для Нигерии гарантировать стабильность в африканских делах – и ЮАР остается непрекращаемым лидером. Аналогичную роль, полагаю, России предначертано играть в делах стран Центральной Азии и Закавказского региона.

Иноземцев: Очень интересно! Я никогда не слышал, чтобы Россию и ее роль в обеспечении региональной стабильности сравнивали с ролью ЮАР на африканском континенте. Но, согласитесь, есть некоторые особенности, существенно отличающие в этом контексте Россию от Южной Африки. Для населения «черной Африки», лежащей к югу от Сахары, ЮАР давно уже стала не только экономическим лидером, но и воплощением борьбы с апар-

теидом, своего рода знаменосцем свободы. При этом она никогда не имела особых интересов в остальных частях континента и, тем более, никогда не претендовала на управление им.

Россия же долгое время доминировала в Средней Азии и Закавказье, и сегодня этот факт используется в постсоветских государствах для принижения ее авторитета и сужения возможностей влияния. При этом в последние годы Россия откровенно придерживается здесь, по сути, доктрины *Realpolitik*: она ведет диалог только с властью этих республик и жестко применяет экономические рычаги для оказания на них давления. Хотя общее представление о российском народе и российской культуре в постсоветских государствах и остается весьма благожелательным. Я, например, был недавно в Грузии и могу говорить об этом совершенно ответственно. Грузины, с которыми мне довелось встречаться, не понимают, за что Россия так жестоко обращается с их страной. «Если вы хотите, чтобы мы пошли за вами, то объясните, что вы можете нам дать, – говорят они. – Признать за нами право на территориальную целостность, включая Абхазию и Осетию? Но Россия откровенно заигрывает с сепаратистами. Предложить нам выгодный режим торговли? Но бензин и сегодня стоит у нас дороже, чем в Америке, а газ поставляется в Грузию по европейским ценам¹⁰⁴! Позовите нас за собой, предложите нам что-то конкретное, не обманывайте нас – и вы увидите, что у грузин к россиянам нет и не было никакой враждебности!»

Нечто похожее, видимо, имеет место и в Средней Азии. Год назад в городе Андижане группа людей подняла мятеж. Они захватили полицейский участок и мэрию, доведенные до отчаяния условиями своей жизни. И они, воспользовавшись местной радиостанцией, обратились в поисках помощи к Москве, воззвав напрямую к президенту В. Путину¹⁰⁵. Разумеется, призыв остался не услышанным, бунтовщиков объявили исламскими фундаменталистами, чуть ли не функционерами «Аль-Каиды»,

¹⁰⁴ Беседа проходила в мае 2006 г., до начала в России позорной «антииммигрантской» кампании против грузин осенью 2006 г.

¹⁰⁵ О своем отношении к ситуации в Андижане и к реакции российских властей я подробно писал в дни этих событий (см.: Иноземцев, Владислав. «Тупой и еще тупее» в: *Независимая газета*, 2005, 16 мая, с. 3; “Karimov Rules with an Iron Fist” in: *The Guardian*, 2005, May 17, p. A7).

а через несколько дней Путин поздравил И. Каримова с победой над исламистами. Удивительно только, что этот борец с террором вскоре после данного инцидента попросил американцев вывести военную базу и дал свое согласие на размещение на том же самом месте российских военных.

Мне кажется, что все сказанное Вами относительно возможностей России быть посредником в этих регионах и обеспечивать там стабильность, может иметь смысл только в том случае, если российское руководство научится апеллировать к местному населению, к народам – приблизительно так же, как «свободный мир» апеллировал к людям за «железным занавесом» в годы «холодной войны». Сегодня же, когда Россия не умеет говорить ни с кем, кроме руководства непопулярных в ряде случаев режимов, и не может ничего предложить народам этих стран – не думаю, что именно она имеет шанс стать наилучшим «гарантом стабильности» в регионе.

Белл: Вы совершенно правы и отлично понимаете происходящие события и стоящие на повестке дня проблемы. Но я позволю себе вернуться к вопросу об адекватных рамках [анализа]. Мы уже говорили, как на исходе Средневековья в Европе мучительно образовывались национальные государства. В истории Англии осталась «война Алой и Белой роз», в истории Франции – соперничество между королем и герцогом Бургундским, Италии – война Пьемонта с другими, более слабыми государствами. Но в конце концов национальные государства были построены. И я пытаюсь объяснить, что перенесение [управления] с уровня национальных государств на уровень ООН представляется слишком отчаянным «прыжком». Организация Объединенных наций слишком разнородна и разобщена – как бы это ни казалось странным. Поэтому правильным шагом стало бы формирование региональных блоков.

Очередным шагом в развитии мирового политического порядка не может стать делегирование функций национальных правительств Организации Объединенных наций или подобным ей организациям. Речь должна идти только о роли промежуточного звена, каковым являются регионы. Да, пока мир не может по-

хвастать оптимальными региональными структурами, но одна из них стремительно формируется в лице Европейского Союза. В рамках НАФТА однозначно преобладает экономический элемент; в Юго-Восточной Азии интеграционные процессы только еще начинаются. Я убежден: XXI век – это эпоха региональных объединений и региональной политики. Вы только что напомнили мне об огромной проблеме, которая существует на этом пути. Как решить ее применительно к Центральной Азии или республикам Закавказья? Да и поддается ли она вообще решению?

Я не знаю. Но какой-то инстинкт подсказывает мне, что в случае с Кавказом и Средней Азией большую роль могут сыграть культурные факторы. Россия связана с этими регионами огромной культурной историей... Вряд ли когда-то будут забыты М. Лермонтов и его «Хаджи-Мурат». Культурные связи и традиции здесь богаты, и следует апеллировать именно к ним. Это вам не Африка, где культурный слой очень тонок, а его консолидирующая роль ничтожна. В России и вокруг нее дело обстоит совсем иначе.

Самарканд и Бухара столетиями оставались великими очагами культуры, но они были изолированы от внешнего мира. Меня впечатлила книга Фицроя Маклина¹⁰⁶, британского дипломата, о «восточных практиках». Он был практически первым в конце 30-х годов, кто посетил Самарканд и Бухару и убедился, что эти города сохранили традиционный колорит Востока. Они и сегодня являются центрами традиций, воплощением архитектурного совершенства. И это относится ко многим местам в России и вокруг нее. Поэтому нити, связывающие Россию с ее соседями – так мне, по крайней мере, кажется – будут скорее культурными, чем политическими. И потому в них – а не в меняющихся политических конфигурациях – может воплотиться вся накопленная за долгие века человеческая энергия. Существует много факторов, позволяющих вам понимать друг друга. Интересно вспомнить сюжет «Хаджи-Мурата»; он способен навести на многие

¹⁰⁶ Сэр Фицрой Хью Ройл Маклин Данкнелл (1911–1996) – британский дипломат, выпускник Итона и Кембриджа, работал в британском консульстве в Москве с 1936 по 1939 г. Он много путешествовал по Советскому Союзу, и это легло в основу его книги «Восточные практики» (Eastern Approaches, 1949). В годы войны Ф. Маклин воевал в Северной Африке и Югославии, был награжден французским Военным Крестом, советским орденом Кутузова и югославской Партизанской Звездой. Неоднократно избирался членом Палаты общин от Консервативной партии.

размышления, актуальные по сей день... Как много – и как тонко – изображал Кавказ Лермонтов, ваш замечательный поэт и писатель! Конечно, я сейчас не могу точно оценить, сколь велик в пограничных с Россией странах позыв остаться с нею, но подозреваю, что русские никогда не станут равнодушными к культурной близости.

Иноземцев: Я восхищен Вашими словами. Культурные факторы действительно очень важны в отношениях между народами, и соседи России на самом деле имеют с нею тесные культурные связи. Мне кажется, что минимального уважения, проявленного с российской стороны к народам (а не правительствам) таких стран, как Грузия и Армения, элементарной, но столь необходимой искренности и терпения было бы достаточно для заметного потепления отношений с ними. Наши народы и впрямь тесно связаны общей историей и культурой; к тому же все они – христианские нации, исповедующие различные версии православия. Казахстан, хотя он в большей мере тяготеет к Центральной Азии, также тесно связан с Россией и строит сегодня общество, только внешне напоминающее автократию, а на деле более правовое и рыночное, нежели российское. Эти три государства – несомненные потенциальные союзники России.

Что же касается более отдаленных стран Средней Азии, я не очень уверен в возможности их быстрого вовлечения в реальные интеграционные процессы. Численность их населения сейчас быстро растет, и доля молодежи в нем увеличивается, – а эти молодые люди не испытывают уже ностальгии по советским временам. Кроме того, в регионе явно усиливается влияние исламского фактора. Если же говорить о ситуации в Азербайджане, то здесь также существуют две серьезные проблемы: с одной стороны, это конфликт вокруг Нагорного Карабаха (в котором Россия негласно поддерживает Армению), а с другой – тот факт, что азербайджанцы, по сути, остаются разделенной нацией (приблизительно столько же их живет в Иране, сколько в самом Азербайджане). Поэтому Россия в качестве основного союзника Азербайджана кажется мне не самой реалистической перспективой.

В целом же я хотел бы еще раз согласиться с Вами в том, что южные регионы бывшего Советского Союза остаются и в ближайшие годы будут оставаться политически нестабильной зоной.

Белл: Да, и я бы назвал еще одну культурно-экономическую связующую нить, причем существенную, которая существует между Кавказом и Россией и которую можно использовать для укрепления связей: вино...

Иноземцев: Что Вы говорите?! Я не ослышался?

Белл: Да-да, мне кажется, что грузинское вино всегда пользовалось заслуженным признанием в России, и на него был устойчивый спрос.

Иноземцев: Профессор, а Вы слышали о нашем «винном споре»?

Белл: Нет, а что Вы имеете в виду?

Иноземцев: Всего лишь то, что грузинское вино полностью запрещено к ввозу и продажам в России с 27 марта. Равно как и вино из Молдавии. А заодно с ними и знаменитые грузинские минеральные воды – «Боржоми» и «Набеглави». Российские власти заявили, что это решение было продиктовано заботой о здоровье граждан; что в поставляемых винах была высока доля контрафакта, сами вина зачастую производились из винограда, излишне обработанного пестицидами, а минеральная вода разливалась с нарушениями санитарных норм. Разумеется, в это мало кто поверил – в России почти не фиксировались случаи отравления вином (скорее, народ мрет от водки), – но под таким предлогом торговля с Грузией и Молдавией практически прекращена. Более того, те напитки, которые к этому моменту уже были ввезены в Россию с уплатой всех таможенных пошлин, были изъяты из магазинов и возвращены оптовым торговцам, а иногда – просто уничтожены. Реальной причиной, как мне кажется, стала позиция этих стран в отношении России и ее друзей – в первую очередь, властей «непризнанных государств»: Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья. Ни в чем не виновные торговцы и импортеры понесли серьезные убытки – они оцениваются в 800 миллионов долларов. И об этом сейчас активно пишут в России и Европе...

Белл: А я-то думал, что это могло бы быть хорошей иллюстрацией....

Иноземцев: Вот именно: могло бы...

Белл: Ну все равно... Что-то в моей догадке все же было... Я говорил о том, что вино является интересным и важным связующим элементом... Наверное, Вы правы... Но я ничего не знал об этом.

¹⁰⁷ Д. Белл не вполне поверил рассказанному. На следующий же день за ужином он обратился за пояснениями к Маршаллу Голдману, заместителю директора Центра российских и евразийских исследований Гарвардского университета. М. Голдман сути конфликта не прояснил, но изложенную информацию подтвердил полностью.

И многим ли в Америке известно о запрете¹⁰⁷? Вы знаете, в New York Times по средам выходят замечательные колонки о вине и гастрономии – и на эту тему я не встречал ни одного комментария. Я, право, не знал ничего о такой блокаде. Но это отчасти подтверждает мое ощу-

щение, что вопрос о вине – это вопрос живой и важный; удовлетворюсь пусть хотя бы этим.

Я хотел бы вернуться к более широкой проблеме и повторить, что в современном мире все актуальнее становится вопрос о строительстве действенных наднациональных институтов. Таких, которые могли бы освоить пустующий ныне уровень власти между национальными государствами и ООН, опираясь на определенные региональные связи и региональную идентичность. Европа сегодня задает тон в этой сфере, и Россия, как мне кажется, ощущает свое отставание. Она побаивается единой Европы – и растущей численности ее населения, и ее экономической мощи и т. д. Интересен, например, тот факт, что В. Путин пригласил недавно Г. Шредера возглавить серьезный проект в сфере российско-европейского экономического сотрудничества... Региональные связи важны – и в ближайшие годы будут становиться все важнее и важнее...

Иноземцев: Воздержусь от комментариев по поводу трудоустройства г-на Шредера...

Позвольте задать вопрос о Вашем отношении к идеям космополитизма, которые становятся сегодня все более популярными. Что это за теория, каковы ее основания? Сколь вероятным кажется Вам возникновение в будущем «космополитического гражданства»? Сколь реалистичны рассуждения о «негосударственниче-

ских» формах власти, всемирном государстве, возможных механизмах «глобального управления»?

Белл: Да, в последнее время выходит много книг на эту тему. Мне особенно запомнилась работа одной молодой исследовательницы (отсюда, из Гарварда – хотя я не знаю, работает ли она и сейчас в университете), посвященная «космополитическим городам» – начиная с Вавилона, который, по ее мнению, был первым по-настоящему космополитическим городом. Но я считаю космополитизм идеей, обращенной к интеллектуалам; я не думаю, что она обретает популярность в массах. Скорее в широких кругах она даже не обращает на себя серьезного внимания...

Очень интересную ситуацию можно видеть в Японии. Японцы восприняли множество элементов других культур, в первую очередь западной, – но не стали космополитичными. И у них даже нет собственно космополитической идеи – в том ее смысле, что все пути перед вами открыты, что весь культурный мир принадлежит вам. Сохраняется одна культура, хотя в ней и становятся все заметнее вкрапления других. Возможно появление «антикультуры» типа того же дадаизма, движения весьма серьезного, но даже отдаленно не имеющего космополитической составляющей.

Самым удачным примером «космополитического города» может служить Париж. Почему? Потому что массы людей стремятся сюда; это город, неумолимо притягивающий людей. Нью-Йорк – не космополитический город в собственном смысле слова, хотя в нем и есть элементы космополитизма. Но Нью-Йорк – это скорее мегаполис, переполненный всем, что только может дать повод посетить его. Лондон тоже не так уж космополитичен, поскольку в нем слишком сильно отпечатались английская история и британские традиции. Даже Рим не может считаться центром космополитизма. Санкт-Петербург в свое время был очень космополитичным городом, но это качество было потеряно в то время, когда его покинули люди, ощущавшие себя европейцами – которые, как Екатерина II, гордились перепиской с Руссо и Вольтером. Но президент В. Путин, как и президент Дж. Буш – какой интерес они могут иметь ко всему такому? С космополитизмом мог заигрывать Б. Клинтон, но не слишком серьезно. В общем же космополи-

тизм – это метод узнавания ранее неизвестных вещей через богатство общемировой культуры.

Космополитизм – это отношение [к миру], одно из определенных смысла модернити. Я часто наблюдаю, как люди говорят о современном, но я редко готов с ними согласиться. Мне кажется необходимым различать модернити, модернизм и модернизацию. Модернити – это отношение к миру. Даже в античных Афинах имелись серьезные элементы модернити. Первым, кого можно считать воплощением открытости миру, был Диоген. Елизаветинская Англия во многом была космополитичной и модернистской. Модернити – это принятие открытости мира.

Напротив, модернизм – это исторически определенный культурный феномен, ведущий свою историю от Бодлера. Это своего рода метод экспериментирования, способ восприятия различных жанров [искусства] как таковых.

Модернизация – еще один совершенно особый термин, обозначающий определенную форму рационализации, средство сведения воедино административных, политических и культурных элементов. Поэтому-то в своих рассуждениях я и применяю термины «modernity», «modernism» и «modernization» для описания различных аспектов реальности.

Космополитизм – это по сути своей лишь один из многих аспектов модернити. При этом космополитизм не только обладает какой-то особенной привлекательностью для одних людей, но и вызывает у других яростное отторжение – прежде всего потому, что отрицает любые проявления тоталитаризма. Я должен в связи с этим сказать, что наиболее антикосмополитичной фигурой XX века был Сталин. В России накануне революции наблюдался невиданный подъем в сфере искусства; в то время сочиняли Брюсов, Белый, Мандельштам... В живописи появились Малевич, Лисицкий, Каплан... Этот исключительный всплеск даже не был прерван революцией; он закончился тогда, когда вмешался Сталин и огульно осудил все эти «буржуазные» проявления, чем обрек многие редкие таланты на гибель.

Таким образом, космополитизм может обладать и большим подрывным потенциалом, так как он изначально антинационален и антиинституционален. Если заявлять о том, что мы желаем

исследовать и познать все и вся, и не приемлем никаких ограничений, это не может не содержать в себе протеста против любой существующей системы. Космополитизм черпает свою привлекательность из того, что он абсолютизирует стремление к проникновению в суть вещей – в том числе и запретных. Он не принимает самой идеи, что что-то может быть запрещенным. Поэтому руководители государств и других политических структур считают его опасным.

Иноземцев: Насколько я понимаю, Вы считаете космополитизм преимущественно культурным феноменом, не имеющим серьезной политической составляющей – если, конечно, не принимать в расчет его протестный потенциал. Значит ли это, что неразумно говорить о возможности появления космополитических институтов, тем более космополитического общества или – о ужас! – космополитического государства?

Белл: И да, и нет. На Ваш вопрос нет однозначного ответа. Космополитизм – внутренне противоречивое течение; он одновременно несет в себе черты консерватизма и новаторства. Наиболее космополитичным из существующих институтов являются музеи. И иногда это вызывало даже страх. К примеру, один из самых радикальных футуристов начала XX века, Ф. Маринетти¹⁰⁸, призывал разрушить все без исключения музеи. Эта тема красной нитью проходила через его творчество. Но на деле во всех городах и странах музеям отводили и отводят самые знаковые места в городских архитектурных ансамблях. Это отчасти напоминает религию, которая обязывает людей подыскивать достойные места для церквей и соборов и ставить архитектуру, живопись и ваение на службу вере.

Музеи отчасти обращены в прошлое – но при этом они постоянно стремятся породить ощущение новизны. Качественный рубеж был

¹⁰⁸ Филиппо Томмазо Эмилио Маринетти (1876–1944) – итальянский поэт и издатель, основатель движения футуристов. Получил известность как автор «Футуристического манифеста», опубликованного в газете «Фигаро» 20 февраля 1909 г. В начале 1918 г. основал в Италии Футуристическую политическую партию, которая через год в полном составе вошла в «Лигу борьбы» (Fasci di combattimento), возглавлявшуюся Б. Муссолини, что сделало Маринетти одним из первых заметных интеллектуалов, вошедших в фашистскую партию.

пройден с постройкой Бобура¹⁰⁹. Почему? Потому что тут – именно в музее – вся его подноготная, вся инфраструктура как бы вывернута наружу. Все продемонстрировано. До тех пор, пока инфраструктура музейных зданий оставалась скрытой, они казались более традиционными, но тут с этим было покончено. Это казалось новаторским – однако появился Фрэнк Гэри¹¹⁰, и всем пришлось увидеть совершенно новые формы, от искрящихся изогнутых поверхностей, напоминающих крылья самолета, до торчащих из самых неожиданных частей здания металлических конструкций. Постепенно разрушаются все и всяческие запреты – и в изобразительном искусстве, и в литературе, а в последнее время и в интернете, где вообще, похоже, уже нет ничего невозможного.

¹⁰⁹ Бобур (Beaubourg) – район Парижа, название которого передано по-русски так: Бобур. В 1971–1977 гг. под руководством итальянского архитектора Э. Пиано Национальному музею современного искусства, более известному как «Центр Помпиду» и отмеченному использованием ряда нетрадиционных архитектурных форм.

¹¹⁰ Фрэнк Гэри, урожденный Эфраим Оуэн Голдберг (р. 1929) – канадский архитектор, живущий и работающий в Лос-Анджелесе. Представитель деконструктивизма, он известен как творец уникальных архитектурных памятников – таких как здание Музея Гугенхайма в Бильбао, Диснеевского концертного зала в Лос-Анджелесе, Дома танца в Праге и Музея живой музыки в Сиэтле.

¹¹¹ После публикации «Цветов зла» их автор в 1861 г. был осужден за «оскорбление общественной нравственности» и оштрафован на 300 франков, а отдельные части его произведения были запрещены к публикации во Франции вплоть до 1949 г.

¹¹² Роман публиковался частями в журнале *La Revue de Paris* с октября по декабрь 1856 г., после чего в январе 1857-го на автора подали в суд, но он был оправдан, а сам процесс послужил дополнительной рекламой романа, вышедшего отдельной книгой в апреле 1857 г.

¹¹³ Жан Жене (1910–1986) – французский писатель и политический активист, он начал жизнь как мелкий преступник, проведший несколько лет в тюрьме, и посвятил ее протесту против власти как таковой. Участник парижских событий 1968 г., друг Ж. Дерриды и Д. Кон-Бендита, он стал известен после того как посетил лагеря палестинских беженцев Сабра и Шатила через несколько часов после устроенной там израильтянами резни и развил в Европе деятельность против насилия и геноцида. Д. Белл, видимо, говорит о самой скандальной книге Ж. Жене *Notre-Dame des fleurs* (1944).

Во всем этом можно видеть определенную тенденцию – но она приближает нас к какому-то пределу. Когда Бодлер напечатал свои «Цветы зла», он был привлечен к суду¹¹¹. И когда Флобер издал «Мадам Бовари», его тоже пытались осудить¹¹². Было время, когда вы не могли провезти в Соединенные Штаты «Улисса» Джеймса Джойса. Однажды я возвращался из Европы домой – еще в те времена, когда таможенникам предписывалось тщательно досматривать багаж прибывающих. И один из них, найдя в моем чемодане книжку Жене¹¹³, заявил: «Я не могу пропустить это в стра-

ну!» – «Почему?» – спросил я. – «Потому что это порнография!» – ответил он. – «А почему Вы считаете это порнографией?» – поинтересовался я. – «Потому, что это нечто такое, чего нельзя давать читать детям», – был ответ. Книгу у меня конфисковали, но я тут же показал таможеннику другое творение того же автора, изданное на французском языке, и спросил: «А как насчет этого?» – «Это Вы вполне можете пронести, меня оно не интересует». – «Да, а что если мои дети уже читают по-французски?» – поинтересовался я¹¹⁴. Никакого ответа не последовало.

В то время я был членом Наблюдательного совета американского Союза за гражданские права, и потому был инициирован протест в адрес Министерства торговли, которому подчинялась таможня. Книгу вернули. В прошении, которое и было таким образом удовлетворено, я писал, что это не «порнография», а интересное литературное произведение, предмет искусства. Вот такое было тогда время в Соединенных Штатах. Да и не только. В Англии в те же годы проходило судебное разбирательство по вопросу о допустимости публикации романа Дэвида Лоуренса «Любовник Леди Чаттерлей»¹¹⁵, который был запрещен к изданию по причине откровенного описания в нем гомосексуальных сцен. В результате запрет был снят, хотя судебный процесс продолжался несколько месяцев и в качестве ключевого эксперта к нему привлекался даже Джон Спэрроу¹¹⁶, глава попечительского совета оксфордского Колледжа Всех Святых – признанного эталона британскости в вопросах культуры... А сейчас – чего только ни пишут и ни показывают! И это практически нет возможности остановить...

¹¹⁴ Вопрос, вероятно, не был праздным: сын профессора, Дэвид Белл, с детства интересовался французской историей и сегодня занимает кафедру им. Меллона в департаменте истории Университета Джона Хопкинса.

¹¹⁵ Роман «Любовник Леди Чаттерлей» Дэвида Герберта Лоуренса впервые был опубликован в частной типографии во Флоренции в 1928 г.; в 1960 г. он вышел в Англии в издательстве Penguin. Тогда же было инициировано разбирательство по этому поводу в рамках Закона об аморальных изданиях от 1959 г.; в итоге публикация была признана законной на основании того, что произведение обладает большой художественной ценностью.

¹¹⁶ Джон Хэнбори Энгус Спэрроу (1906–1992) – британский писатель и литературный критик, главный попечитель Колледжа Всех Святых в Оксфорде с 1952 по 1977 г. О его жизни см.: Lowe, John. *The Warden: A Portrait of John Sparrow*, London: HarperCollins UK, 1998.

Иноземцев: И что же, по Вашему мнению, все это может породить?

Белл: Реакцию. Скорее, неоправданно жесткую. Поиск новых моральных ценностей и даже их придумывание. Не думаю, что это будет к лучшему – но скорее всего волна реакции на все это практически неостановима...

5 НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Иноземцев: Когда эксперты обсуждают глобальные проблемы, нередко говорится о нарастающем хаосе в отношениях между отдельными государствами. Выходят десятки книг о «новом всемирном хаосе», о «неупорядоченном мире», об усилении анархии и неразберихи. Наблюдая за тем, сколь быстро множатся конфликты и столкновения на религиозной, этнической и национальной почве, политологи и историки предпринимают все новые попытки искать аналогии нашей действительности в событиях прошлых столетий – и особенно активно используют параллели с тем политическим устройством, которое имело место в Европе в эпоху религиозных войн, то есть в период, обычно называемый довестфальским. Возможно, они правы по крайней мере в том, что современные войны и конфликты радикально отличаются от тех, что вспыхивали, скажем, в XIX веке. Тогда главная цель войны заключалась в расширении владений, установлении контроля над новыми территориями. Причины большинства конфликтов обнаруживались в политической сфере; мало какие войны в истории начинались по чисто экономическим причинам.

Как Вы думаете, мы действительно отходим сегодня от привычных стереотипов эпохи модернити? Согласны ли Вы, что в глобальную политику возвращаются этнические и религиозные факторы, что конфликты обретают неполитическую природу и их все труднее урегулировать политическими средствами? Можно ли, наконец, предвидеть войны нового типа, развязываемые с целью полного уничтожения противника?

Белл: Современная ситуация отличается от прежней в двух аспектах, и это затрудняет адекватные сравнения настоящего с прошлым. Первый, который я считаю наиболее важным и значение которого нередко принижается, – это масштаб событий. Именно масштаб всего того, что происходит сегодня, делает наш мир столь не похожим на существовавший ранее. Еще Галилей заметил закономерность, которую он назвал соотношением квадрата и куба: если вы вдвое увеличиваете проекцию фигуры на плоскости, ее объем утраивается.

Масштабы современных событий поистине беспрецедентны, и этот факт нужно всегда принимать во внимание. Что бы ни происходило в одном из уголков планеты, это так или иначе отзовется в любом другом уголке мира. Но и на более низком уровне масштаб тоже имеет значение. Иногда говорят: вот, посмотрите, как то или это устроено в Швеции, – а вот что творится в Соединенных Штатах! Но что хотят этим доказать? Сколько людей живет в Швеции? Двенадцать миллионов? Тринадцать? Население США приближается сегодня к 300 миллионам человек. Уже поэтому нельзя сравнивать ситуации в этих странах. То же относится и к историческим аналогиям. В период, предшествовавший заключению Вестфальского мира, монархи и философы думали о том, как покончить с отдельными военными конфликтами, опустошавшими западную часть европейского континента. Но разве сейчас можно утверждать, что тлеющие в мире конфликты локальны или порождены одной и той же причиной? Мне кажется, что сравнения тут неправомерны.

Второй аспект заключается в многообразии. Этот фактор тоже многое меняет в современном мире. Даже в XIX веке мы не сталкивались с таким многообразием ситуаций, которое сегодня воспринимается как само собой разумеющееся. Если в те времена возникали стычки и конфликты на культурной почве, они оставались преимущественно религиозными и не распространялись на взаимное отрицание культурных традиций в их совокупности.

Итак, наш мир отличается от прежнего масштабами и многообразием. И любая попытка сконструировать схему, которая адекватно описывала бы и прошлое, и настоящее, неизбежно разобьется об эти различия.

Иноземцев: Хорошо; если для современного мира действительно характерно такое множество конфликтов столь разнообразной природы, что никакие сравнения не представляются возможными, то, наверное, и впрямь сегодня нельзя предложить ничего подобного вестфальским рецептам. Порой кажется, что невозможно ни понять того, к чему может привести наблюдаемое нами развитие событий, ни выработать четких рекомендаций для действий. Но я хотел бы обратить внимание вот на что. В довестфальскую эпоху существовала сложная система пересекающихся суверенитетов – причем долгое время они так или иначе были связаны с религией или санкционировались духовной властью. В 1076 году у стен Каноссы император Генрих IV вынужден был на коленях молить папу Григория VII о прощении. Пятью столетиями позже испанские и португальские монархи получали от папы, пусть даже и формальные, но права на владение и управление заморскими территориями. Законность рождения престолонаследников и возможность развода венценосных пар определяли линии передачи власти. Сегодня же почти везде в мире суверенитет имеет сугубо политическую природу; его носителем объявлен народ, – однако конфликты религиозного толка не исчезли, хотя религия имеет сейчас гораздо меньшее влияние на политические процессы. Пусть конфликты XXI и войны XVI веков порождены разными причинами. Но есть ли что-то, что объединяет между собой современные противостояния и междоусобицы?

Белл: Я кое-что добавил бы к сказанному Вами. Прежде большинство крупных конфликтов провоцировалось отношениями между отдельными государствами. Все они – по крайней мере, в западном мире – были частными конфликтами, в которых одна из великих держав сталкивалась с другой (или другими). Англия с Францией, Франция – с Австрией и Россией, Пруссия – с Францией, затем Германия – с Россией. Масштаб конфликтов расширялся, но все они оставались частными.

Кроме того, большинство конфликтующих сторон представляли собой монархии, более того – империи. Эпоха империй продолжалась в Европе вплоть до конца Второй мировой войны, а

уж Первая мировая война была развязана и шла всецело в рамках имперской логики – пусть даже ее результатом и стал бесславный конец трех крупнейших европейских империй: Габсбургов, Романовых и Гогенцоллернов. Сейчас нередко рассуждают об американской империи, в основном для красного словца; по меньшей мере меня это не убеждает. Америка – это никакая не империя.

Однако, несмотря на конфликты, существуют и линии напряженности, и механизмы взаимопонимания, которые разделяют и сплачивают людей по другим критериям, не имеющим отношения к причинам конфликта между теми обществами, к которым они принадлежат. Так, например, ученые имеют обычно гораздо больше общего между собой, чем со своими согражданами. Почему? Потому что дело, которому они служат, универсально. Конечно, в известной нам обоим стране долгое время принято было говорить о «буржуазной физике», а теория относительности и квантовая механика долгое время были под запретом. Причина? Считалось, что «буржуазные» физики шли против гениальных идей Ленина, изложенных им в «Материализме и эмпириокритицизме». Ленин верил в детерминизм, а квантовая физика не была «достаточно» определенной и не акцентировала внимания на причинности. Масса тел зависела от их скорости. Объект мог находиться в один и тот же момент времени в разных точках пространства. В нем к тому же непротиворечиво сочетались черты частицы и волны. Это было выше понимания советских идеологов – и до конца 30-х годов квантовая физика и теория относительности практически не преподавались в советских вузах. Эти темы изучались русскими учеными за границей или же практически подпольно. Но даже это не помешало появиться и П. Капице, и Л. Ландау...

В наше время универсальные связи между людьми становятся куда распространеннее, и формируются они преимущественно на основе профессиональной или интеллектуальной близости. Эти связи не признают ни национальных границ, ни принципов суверенитета. Возникают все новые и новые международные ассоциации ученых, которые практически никогда не определяют себя в какой-либо системе политических «координат». Можно, разумеет-

ся, вспомнить о Пагуошском движении¹¹⁷, но оно стало слишком политизированным, и отчасти потому приказало долго жить.

Сам вопрос о так называемом мировом порядке возникает потому, что мы привыкли к прежнему доминированию имперских сил, а сегодня в мире нет единого гегемона. Римская империя, а позднее испанская, британская или российская – все они приносили в мир какое-то упорядочивающее начало. В наши дни все кажется раздробленным и разобщенным. Это ощущение усиливается и от наличия ООН. Здесь дефицит «порядка» ощущается уже на геополитическом уровне. Есть более 190 стран, и каждая обладает правом голоса на Генеральной Ассамблее. Государствам, которые добиваются поддержки того или иного решения, приходится балансировать, заигрывать с мелкими игроками, формировать неустойчивое большинство. Глобальная политика стала похожей на местечковую.

ООН ярко демонстрирует то влияние, которое имеет на политические процессы расширение их масштабов. Институт, созданный в 1945 году, сегодня невероятно расширился, и его природа изменилась. Возникли организационные проблемы совершенно нового рода. И пока мы не поймем, какое именно влияние оказывает на формирующиеся ныне тенденции масштаб взаимодействия между отдельными государствами, пока мы не проанализируем, что в наибольшей степени сближает и разделяет народы и страны, мы по-прежнему будем жить в опасном мире.

Еще одна проблема, которая представляется мне нерешенной в рамках дискуссии о мировом порядке, касается уровня, на котором мы предполагаем необходимость такого порядка. Первоначально целью Организации Объединенных наций (как и задачей Лиги наций) было предотвращение конфликтов на «высшем», межгосударственном уровне. Само понятие мирового порядка относилось именно к организации взаимодействия между отдельными странами, а задачей такого «порядка» оказывалось предотвращение войн между национальными государствами.

¹¹⁷ «Пагуошское движение» (официальное название – Пагуошские конференции по вопросам науки и международной политики) – объединение ученых, выступавших за укрепление мира и ядерное разоружение. Основано в 1957 г. Дж. Ротблатом и Б. Расселом, собравшими 22 своих сторонника в канадском городке Пагуош (Pugwash). Участники движения сыграли важную роль в подготовке ряда договоров по ограничению вооружений. В 1995 г. Дж. Ротблату и Пагуошскому движению была присуждена Нобелевская премия мира.

Сегодня этому порядку угрожают два обстоятельства. С одной стороны, во многих регионах планеты особо необходимым оказывается поддержание мира и спокойствия внутри отдельных стран, которые страдают от гражданских и этнических столкновений. С другой стороны, возникают религиозные, фундаменталистские движения, которые угрожают стабильности во всем мире и не связаны (как, например, современный исламизм) с какими-либо отдельными государствами. В последнее время единственное национальное государство, бросающее вызов мировому порядку в его традиционном понимании, – это Иран. Но Иран опасен не потому, что это исламское государство; скорее, иранские власти стремятся восстановить то влияние, которое раньше имела в этом регионе могущественная персидская держава. В мире сейчас нет государств, которые могли бы быть с полным правом названы исламскими. А те из них, которые в наибольшей мере соответствуют такому определению – Саудовская Аравия или Египет, – парадоксальным образом выступают союзниками США и действуют в унисон с Западом.

И разве правильно мы делаем, когда говорим, что ислам несет угрозу западному миру? В ком воплощена эта угроза? В кучках фанатиков, перемещающихся по миру? Да, между ними иногда устанавливается взаимодействие и они координируют свои акции, но природа и характер таковых серьезно отличаются от случая к случаю. Все террористы, вовлеченные в организацию череды взрывов в Лондоне, либо родились, либо долгое время жили в Британии; ничего такого нельзя сказать об исполнителях терактов в США 11 сентября 2001-го или в Мадриде 11 марта 2004 года. Многообразие происходящих в мире процессов сегодня так велико, что, когда я слышу разговоры о мировом порядке, я обычно не понимаю, какой смысл вкладывается в сам этот термин, чего мы хотим достичь... В определенном смысле мы желаем исключить конфликты. Но хочу заметить, что и сейчас они не представляются очень-то вероятными. На протяжении десятилетий Индия и Китай практически балансировали на грани войны, но все ограничилось пограничными стычками. Считаю, войны между отдельными странами в наши дни крайне маловероятны. Никакой войны в Европе – против России или кого-либо еще – уже не начнется. В Азии ни Китай, ни Индия тоже ни с кем не будут воевать.

Если что-то и должно нас всех беспокоить, то это угроза ядерного распространения. И если говорить сейчас о порядке, то в области контроля за оружием массового поражения. За ядерным оружием, биологическими и химическими материалами. Нужно более внимательно «мониторить» торговлю опасными и расщепляющимися материалами.

Надо сказать, дела в этой области обстоят не так уж плохо. Много лет назад Ч. П. Сноу¹¹⁸, британский ученый, которому принадлежит идея о «двух культурах» – научной и гуманистической, – твердо заявлял, что лично он не видит ни одного шанса на то, чтобы ядерное оружие было использовано ни через десять, ни через двадцать лет. Это было сказано тридцать лет назад. С тех пор было произведено много испытаний, усовершенствований – но применено это оружие так ни разу и не было.

Около десяти лет назад над южной частью Атлантики было зафиксировано какое-то подобие взрыва большой мощности. Подозревали, что одна из потенциальных ядерных держав (ЮАР или Израиль) могла провести испытание в космосе, взорвав ракету с ядерной боеголовкой за пределами атмосферы. Была создана комиссия под руководством Джека Винера, работавшего тогда в Массачусеттском технологическом институте, с которым мы были дружны еще по Сити-колледжу. Комиссия сочла наиболее вероятным, что этот инцидент не был связан с ядерным испытанием. Многие тогда заговорили о том, что комиссия что-то скрывает. Но я так не думаю. Я близко знал Винера, и мы неоднократно говорили с ним на эти темы, причем очень искренне. Уверен, он ничего не утаивал. В противном случае я почувствовал бы оттенок фальши... Видите, даже в том единственном случае, когда подозревали неизвестное испытание ядерного оружия, на деле его не было¹¹⁹.

¹¹⁸ Чарльз Перси Сноу, или барон Сноу (1905–1980) – британский ученый и писатель, считавший одним из источников существующих в современном мире проблем кризис в коммуникации между представителями естественных и гуманитарных наук. Эта концепция, известная как «теория двух культур», была развита им в книге «*The Two Cultures and the Scientific Revolution*» (1959).

¹¹⁹ Это было сказано до того, как 9 октября 2006 г. в Северной Корее на глубине 2 км в старой угольной шахте неподалеку от города Кильчжу, по утверждению властей КНДР, было взорвано ядерное устройство мощностью от 0,8 до 12 килотонн. По сей день нет полной ясности, действительно ли в Северной Корее был произведен ядерный взрыв, или же к характерным сейсмическим эффектам привел взрыв обычного боеприпаса, выданный за ядерный, чтобы убедить международное сообщество в том, что КНДР стала ядерной державой.

Поэтому, говоря о проблемах безопасности, я сосредоточился бы прежде всего на контроле над оружием массового поражения. А мировой порядок?.. Собственно говоря, он обеспечивается режимом экономического и торгового сотрудничества. Мы же имеем сегодня широкую сеть организаций и процедур, которые упорядочивают всю эту сферу – включая проблемы задолженности, колебания валютных курсов и т. д. Разве сейчас придет кому-то в голову пытаться достичь экономических целей путем эскалации вооруженного насилия, военной мобилизации?

Сегодня военные средства не годятся для решения большинства международных проблем. Посмотрите, как обожглись американцы в Ираке. А дискуссия о том, следует или не следует нанести удар по Ирану, – разве она не безумна? Лишь в самой критической ситуации можно прибегнуть к применению силы в отношении Ирана, но пока я не предвижу возникновения там какой-то критической ситуации. Еще, разумеется, остается Северная Корея, но, на мой взгляд, это несколько другой случай – ведь ее вожди в последнее время постоянно используют миф о своих ядерных возможностях для выбивания из Запада определенных уступок, а то и гуманитарной помощи. Хотя, конечно, когда имеешь дело с такими сумасшедшими, как Ким Чен Ир, уверенности нет ни в чем...

Иноземцев: Да, Вы, конечно, правы, что существующие в современном мире угрозы значительно отличаются по своему характеру от тех, что были известны прежде, и что само содержание понятия мирового порядка не может быть в XXI веке таким, как в XIX-м. Однако национальные государства (или квазинациональные, если понимать нацию в гердеровском смысле, как сложившуюся исторически устойчивую общность, единую этнически и лингвистически) остаются основными субъектами мировой политики. Организация Объединенных наций включает в себя уже почти 200 стран мира. Среди них есть демократии, болезненно относящиеся к попыткам ограничения их суверенитета – например, Соединенные Штаты. Есть демократии, готовые к тому, чтобы создать какое-то подобие федерации – таковы государства, интегрирующиеся между собой в рамках Европейского Союза. Есть также страны, которые все чаще называют «нелиберальными демо-

кратиями». И, разумеется, есть откровенно авторитарные режимы, установившиеся в основном на мировой периферии. Есть и наследственные абсолютные монархии, где мнения населения никто и никогда не спрашивает.

Все эти государства, тем не менее признаются международным сообществом легитимными. Мы хорошо знаем, как это делается: решение принимают другие государства, и причины вынесения того или иного вердикта остаются в большинстве случаев всецело политическими. Иногда приоритет отдают принципу «нерушимости границ», иногда на первое место выходит «право наций на самоопределение». Но большинство членов ООН – не вполне демократические страны, а значительная их часть – даже далеко не состоявшиеся государства. Однако с того момента, как очередное государство признано суверенным, его легитимность практически не может быть оспорена – за исключением разве что случая, когда оно решится на агрессию против других членов «международного сообщества».

Означает ли это, что все существующие государства легитимны в одинаковой степени? Или, если идти дальше, существует ли какой-то иной источник легитимности государства, кроме признания его другими государствами? Можно ли представить себе «универсальное условие», несоблюдение которого вызвало бы делегитимацию государства, его автоматическое исключение из числа стран, имеющих голос на международной арене; стран, суверенитет и права которых признаются остальными национальными государствами? Согласитесь, вряд ли можно говорить о каком-то «порядке», когда «упорядочению» подвергаются совершенно разные политические субъекты... Упорядочивать множество можно лишь в том случае, если есть возможность «отделять зерна от плевел»; государства, заслуживающие статус полноправных членов международного сообщества, от тех, кто не может на него претендовать.

Вопрос, таким образом, состоит в том, насколько плодотворен поиск четких критериев легитимности.

Белл: У понятия легитимности есть два измерения. Первое – это отношение между правящей элитой и ее народом: считают ли люди свою власть легитимной, или нет. Например, в Мексике мы наблю-

даем группу граждан, которые во главе с «субкоманданте» Маркосом, отказываются признавать мексиканское государство легитимным и пытаются угрожать его институтам. Таким образом, существуют попытки оспаривать легитимность государства, исходящие изнутри него самого. Как правило, в тех странах, где власть более открыта по отношению к гражданам и где нет господствующей идеологии, «внутренняя» легитимность не является проблемой. Даже в Мексике выступления Маркоса мобилизуют прежде всего определенные этнические группы, в частности – индейцев. Если говорить в самом общем смысле, то для признания внутренней легитимности сегодня требуется не так уж много: даже если правительство скатывается к авторитаризму, но все еще готово проводить выборы, к его легитимности вряд ли возникнут вопросы.

Что же до признания легитимности того или иного государства другими странами, то я сказал бы, что важнейшим условием здесь оказывается готовность этого государства соблюдать определенные международные правила – прежде всего воздерживаться от агрессивных действий в отношении соседей. Например, говоря об Ираке, часто забывают, что более десяти лет назад Саддам Хусейн напал на Кувейт и захватил эту страну в надежде завладеть ее природными ресурсами. В данном случае мы имели дело с неприкрытой агрессией. В 1967 году израильтяне сочли, что президент Насер готовится к войне против их страны, и нанесли превентивный удар, предупредивший агрессию. Эти действия, однако, были оправданны, так как имелись однозначные доказательства подготовки нападения на Израиль. Итак, легитимность не оспаривается, если страна соблюдает установленные общие правила.

Я уже говорил, что следующим шагом [в эволюции политической организации мира] станет регионализм. Да, формирование региональных сообществ затрудняется устойчивостью национальных государств, но все же они все менее и менее способны решать те задачи, которые встают сегодня перед их народами. В той же мере, в какой в свое время небольшие по территории государства консолидировались, превращаясь в национальные (а этим путем прошли и Франция, и Германия, и Италия), сами национальные государства вынуждены будут объединиться в региональные сообщества. Возможны, разуме-

ется, два особых случая,.. точнее три... или, наверное, даже четыре – это Китай, Индия, Россия и Соединенные Штаты.

Россия почти наверняка попытается вернуть утраченные позиции и укрепить свое влияние на территории бывшего Советского Союза. Соединенные Штаты имеют серьезные рычаги давления на страны Латинской Америки и развитые экономические связи с Канадой. Китай стремится доминировать в Юго-Восточной Азии. Индия – укрепить свое главенствующее положение в другой части Азии: по отношению к Бирме, Бангладеш и Пакистану... Таким образом, возможно формирование системы из четырех «региональных гегемоний» со своими центрами и сателлитами, или зависимыми государствами. Я даже предположил бы, что сама «новая мировая система» как раз и станет системой нескольких региональных гегемоний и их «периферий», а все они в свою очередь будут пронизаны глобализационными тенденциями. Глобализация же – это дальнейшее становление единства и унификации, наиболее заметное в хозяйственной сфере. Такой тип взаимодействия заменяет прежние экономические отношения между государствами. Новая реальность предполагает, что цена факторов производства и условия производства оказываются все более схожими, или вообще одинаковыми, в разных частях планеты. Идеальный пример – нефть, особенно цена на нее. Эта цена едина практически везде, и хотя ее можно искусственно снижать или взвинчивать, эти колебания не делают погоды.

В такой ситуации легитимность определяется готовностью принять установившиеся правила. Согласием подчиняться принятому порядку и отказом от попыток разрушить его. Одним из оснований для широкой критики американской политики в отношении Ирака является именно то, что Соединенные Штаты нарушили принятые правила. Они превысили пределы дозволенного. Нужно было разрешить инспекторам ООН продолжить поиск следов присутствия там ядерного или химического оружия.

А теперь посмотрите на ситуацию вокруг Северной Кореи: никто ведь не рассуждает о неизбежном военном ударе по этой стране. Напротив, мы наблюдаем согласованные усилия Китая, Японии, России, США и Южной Кореи, направленные на развитие диалога с КНДР. И в результате одна из стран-изгоев, которая,

вполне возможно, обладает ядерным оружием, ощущает себя в относительной безопасности. Даже если кто-то и призовет к войне с ней, можно быть уверенным, что все равно ее не будет.

Итак, мы вторглись в Ирак и ничего не предпринимаем в отношении Северной Кореи. Вообще-то предпринимаем – пытаемся подкупить ее поставками продовольствия и гуманитарной помощи, а также разными мерами экономического сотрудничества. Какое-то промежуточное положение занимает Иран. В общем, мы имеем разнообразность насильственных действий, попытку втереться в доверие, некоторое сочетание угроз и обещаний. Перед нами три примера ситуаций, которые угрожают сложившемуся мировому порядку – и три реакции на них, очевидно не похожих одна на другую.

Однако все эти примеры представляют экстремальные ситуации. Не думаю, что где-либо еще политические или экономические споры будут решаться военными методами. Да, между, например, Россией и

Украиной сейчас накопилось множество противоречий, но все же российскую агрессию против Украины невозможно себе представить. Это бессмысленно. В отношении своих кавказских соседей Россия тоже не применит силы. Она, разумеется, может использовать политический шантаж или экономическое давление, но о нападении не идет и речи – хотя в прошлом и этот вариант мог быть использован, как, например, в случае с оккупацией прибалтийских государств или агрессией против Финляндии. Более сложная ситуация складывается в Средней Азии – в регионе Великого шелкового пути, там, где сходились «силовые линии» геополитических проекций К. Хаусхофера¹²⁰, – но и там опасность исходит, в основном, от внутренней нестабильности, которая мо-

¹²⁰ Карл Хаусхофер (1869–1946) – германский геополитик, с 1919 г. – приват-доцент, а с 1933 г. – профессор Мюнхенского университета. Выступал за расширение «жизненного пространства (Lebensraum)» германской нации, отдавая предпочтение интравертному и замкнутому типу государственной организации. Зарекомендовал себя как сторонник «евразийства», в основе которого, по его мнению, мог бы лежать союз Германии и России для утверждения их доминирования в Евразии. Через своего ученика Р. Гесса оказывал серьезное влияние на руководство нацистской Германии (стараниями Гесса его жене, наполовину еврейке, было присвоено звание «почетной немки»). После того как его сын Альбрехт был арестован (и впоследствии казнен) за участие в покушении на Гитлера 20 июля 1944 г., К. Хаусхофер был отправлен в Дахау, где и находился до конца войны. В 1946 г. рассматривался вопрос о привлечении его в качестве обвиняемого к суду Нюрнбергского трибунала, но для этого не было найдено достаточных оснований. 13 марта 1946 г. Хаусхофер и его жена окончили жизнь самоубийством. Основные работы – *Geopolitik des Pazifischen Ozeans* (1925), *Bausteine zur Geopolitik* (1928) и *Weltpolitik von Heute* (1934).

жет привести к вспышкам насилия (хотя нельзя отрицать конкуренции между США, Китаем и Россией за влияние в регионе). Но, повторюсь, все эти моменты порождены экономическим соперничеством и не чреватые военными угрозами.

Иноземцев: Вы очень последовательно изложили точку зрения, согласно которой внешнеполитическая легитимность страны обуславливается ее готовностью подчиняться определенным правилам и не выходить за четко предустановленные рамки. Но здесь возникают два вопроса.

Во-первых, кто устанавливает эти правила? Учреждаются ли они согласно высшим нравственным принципам или продиктованы соображениями защиты прав человека? Принимаются ли они на заседаниях всемирной ассамблеи типа Организации Объединенных наций или формируются, как законодательная система Соединенных Штатов, на основе цепи прецедентов? Может ли какая-то группа стран прийти к пониманию желательности того или иного набора правил и, используя имеющиеся у нее возможности, навязать их всем остальным? Итак, первый вопрос сводится к простой формуле: кто устанавливает правила?

Во-вторых, в какой степени (и, опять-таки, кем именно) может быть определена степень соответствия поведения тех или иных государств утвержденным стандартам? На основании чего можно говорить о тех же странах-изгоях, о которых американцы сегодня рассуждают по поводу и без повода? Кто противостоит этим изгоям? Существуют ли добропорядочные государства, и кто способен причислять новые страны к этой группе? Принимаются ли решения об отнесении стран к одной или другой категории на основании действий правительств этих стран или в силу желания остальных пересмотреть сложившуюся классификацию?

Белл: Это действительно два разных вопроса – совершенно разных. Если начать с первого, то должен сказать: в основе мирового порядка второй половины XX века – а значит, и начала XXI столетия – лежит идея Организации Объединенных наций. Что ни говори, у многих людей ООН ассоциируется преимущественно с каким-то вариантом мирового правительства, с прообра-

зом своего рода всемирного государства. Но мировое правительство не будет создано – по крайней мере, в ближайшие несколько веков. Соответственно, и мир не движется в направлении единого государства (хотя я бы не стал исключать его появления в рамках Европы).

Но тогда что же такое ООН? В общем и целом это [продукт] некоего соглашения, заключенного между 190 государствами, а отчасти – между ними и Советом Безопасности, с целью предотвращения агрессивного поведения отдельных стран и по возможности поддержания мира в их собственных границах. Но почти всегда, говоря о роли ООН, забывают об одном важном элементе той структуры, которая создана вокруг основного ее института – Совета Безопасности. Между тем если какие-то структуры и можно считать элементами гипотетического мирового правительства, то это прежде всего Всемирная организация здравоохранения, ЮНЕСКО, ЮНКТАД, Верховный комиссариат ООН по делам беженцев, ЮНИСЕФ и т. д. Именно они связывают воедино международное сообщество, тогда как Генеральная Ассамблея или Совет Безопасности лишь некоторым образом структурируют рамки взаимодействия между отдельными государствами.

Особенно важны те из этих структур, которые могут противостоять глобальным вызовам и опасностям, – такие, например, как ВОЗ. Ведь именно в борьбе за искоренение малярии, против распространения СПИДа или за обеспечение доступа к наиболее дешевым и в то же время эффективным лекарствам проявляются возможности международного гуманитарного сотрудничества в наиболее полной их форме. То же самое относится и к Детскому фонду ООН, и к Международной организации труда. Пусть медленно, но именно эти институты внедряют в законодательство и политическую практику различных стран стандарты, которые и смогут когда-нибудь лечь в основу всемирного права. Нельзя рассуждать о мире исключительно в политическом аспекте; взаимодействия в социальной, медицинской, культурной и гуманитарной сферах представляются мне куда более важными. Именно здесь и формируется новый мировой порядок.

Теперь к вопросу о странах-изгоях. Чаще всего – это недееспособные государства, которые не могут предоставить своим гражд-

дана минимальные общественные блага и в силу этого эволюционирует в двух направлениях. С одной стороны, они становятся все более авторитарными, а порой и тоталитарными, подавляют оппозицию и инакомыслие; с другой – все более агрессивно ведут себя по отношению к внешнему миру. При этом я бы сказал, что в некоторых случаях доминировать может одно из этих направлений, а в некоторых – другое. Соответственно, можно говорить о двух типах таких стран.

Примером одной крайности может служить Северная Корея. Там время от времени случается голод, от которого умирают многие тысячи людей, но правительство бессильно (или не хочет) им помочь. При этом оно постоянно устраивает провокации, создавая, в частности, угрозу Японии, над чьей территорией время от времени в акваторию Тихого океана летят, якобы с целью испытаний, северокорейские ракеты. На самом же деле если КНДР что-то и испытывает, то скорее прочность сложившихся на рубеже веков институтов международного сообщества.

Другим примером страны-изгоя является Зимбабве, где все более и более утрачиваются признаки дееспособного государства. Инфляция достигает запредельных значений, поглощая те сбережения и средства граждан, которые можно было бы использовать на цели развития. И это происходит исключительно ради того, чтобы сохранять у власти законченного маньяка Мугабе, которого в первый период его правления можно было считать прогрессивным деятелем. Однако сегодня ясно, что этот человек никогда не был способен организовать жизнь государства. Отчасти его оправдывала история этой страны, и она же обеспечивала ему некоторую поддержку извне. А одной из особенностей этой истории было то, что в Родезии, как прежде называлась Зимбабве, было достаточно многочисленное белое население, которое с давних пор владело большей частью плодородной земли. Перераспределение наделов было постоянным требованием бедняков. Однако в ходе этого перераспределения земля досталась коррупционерам, не способным организовать ее производительное использование. В Японии после Второй мировой войны тоже была проведена земельная реформа, но тогда значительная часть земель перешла к возделывавшим рис фермерам, которые и нашли ей применение.

В Зимбабве же просто изгнали белых фермеров, чем обрекли население на голод.

Вот таковы страны-изгои: собственные неудачи заставляют их идти на все более дикие действия.

Иноземец: Да, и здесь нельзя не вспомнить о весьма примечательном, на мой взгляд, эпизоде, характеризующем действия как раз того «международного сообщества», устои которого подрывает существование стран-изгоев. Если обратиться к истории возникновения Зимбабве, то сейчас не может не показаться удивительным, насколько активно выступили международные организации в поддержку освободительного движения, возглавлявшегося тогда Р. Мугабе. Его считали чуть ли

¹²¹ Санкции были введены в конце 1965 г. и отменены лишь в декабре 1979-го. Причиной стало принятие правительством Южной Родезии (представлявшим в то время только белое меньшинство населения страны) так называемой Односторонней декларации независимости (Unilateral Declaration of Independence, или UDI), означавшей отказ от официальной британской политики, которая предполагала передачу власти в бывших колониях не белым поселенцам, а только коренному населению (политика «No Independence Before Majority African Rule», или NIBMAR). По сути дела, санкции оказались введены за отказ белых жителей Родезии допустить к власти коренное население, столь неудачно управляющее страной в наши дни.

не образцовым примером глобальной борьбы с апартеидом, и Организация Объединенных наций ввела против Южной Родезии (так, если я правильно помню, называлась тогда эта территория) экономические санкции – первые и единственные до санкций, примененных к режиму Саддама Хусейна после первой войны в Персидском заливе 1991 года¹²¹! И вот к какому впечатляющему результату это привело... Что это, на ваш взгляд – очередное подтверждение того, что бла-

гими намерениями вымощена дорога в ад? Или что-то еще? Могло ли, на Ваш взгляд, быть иначе?

Белл: Трудно сказать – но я должен заметить, что в Африке есть одна страна, которую можно считать примечательным исключением. Джулиус Ньерере, первый президент Танзании, тоже потерпел неудачу в своих «социалистических» реформах. Но он не стал цепляться за власть или использовать силу для подавления народного протеста. Он оказался практически единственным, кто спо-

койно ушел со своего поста¹²². Сегодня Танзанию едва ли можно назвать высокоорганизованным государством, но этот факт делает ее историю особенной.

Иноземцев: Все это наводит меня на мысль, что иногда Вы практически отождествляете страны-изгои с недееспособными государствами – что, согласитесь, выглядит несколько необычно. По крайней мере, я не встречал в литературе такого однозначного переплетения, а то и взаимозаменяемости, терминов. Даже если обратиться, например, к известной речи президента Дж. Буша об «оси зла»¹²³, то можно видеть, как он отнес к наиболее «злостным» странам-изгоям Ирак, Иран и Северную Корею. Но ни Ирак до вторжения войск антисадамовской коалиции, ни Иран в наши дни никак нельзя назвать недееспособными государствами. Да, они, возможно, жестоко подавляют собственное население, лишают его гражданских свобод, нарушают права человека и т. д., но это не означает их «недееспособности».

В связи с этим я хотел бы обсудить следующий вопрос. Разумеется, сейчас в Организации Объединенных наций представлено слишком много абсолютно разных государств, чтобы они могли прийти к консенсусу даже по основным вопросам и разработать нечто похожее на глобальную конституцию. Но, может быть, возможна реализация гораздо более скромной задачи: создание чего-то вроде международной судебной инстанции, способной выносить решения о недопустимости и противоправности тех или иных действий определенных государств? Такие решения не означали бы призыва к агрессии против них или к жестким международным санк-

¹²² Джулиус Ньерере (1922–1999) – школьный учитель, борец за независимость и первый президент Танзании (1964–1985), лидер общеафриканского движения за отмену режима апартеида в ЮАР. Будучи сторонником социалистических реформ, он проводил политику, благодаря которой его страна всего за двадцать лет превратилась из крупнейшего экспортера в крупнейшего импортера сельскохозяйственной продукции в Африке. К чести Ньерере, он признал собственную неудачу, подав в отставку в 1985 г. и поддержав на выборах Али Хассана Мвиньи, выдвигавшего программу экономической либерализации.

¹²³ Этот термин появился в первом ежегодном послании президента Дж. Буша Конгрессу США (29 января 2002 г.), и был использован для обозначения государств, которые, по мнению президента, поддерживают международных террористов или пытаются получить доступ к оружию массового поражения (подробнее см.: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html>). По мнению многих экспертов, данная формула была предложена президенту его бывшим спичрайтером Д. Фрумом.

циям. Достаточно того, что подобные страны были бы признаны не соответствующими международным стандартам поведения, их членство в международном сообществе было бы объявлено недопустимым, и они были бы попросту исключены из любых организаций, в которых представлены суверенные государства. По сути дела, тем самым им было бы отказано во внешней легитимности, международно признаваемом суверенитете. Переговоры и даже соглашения с их властями не считались бы имеющими юридической силы. Я исхожу в своем предположении из того, что любое добровольное сообщество не может не иметь признаков, которые объединяли бы всех его участников; в противном случае оно не может быть эффективным (что мы, собственно, и видим на примере ООН). А если оно строится на каких-то понятных принципах, было бы естественным исключать из него тех, кто этими принципами пренебрегает.

Белл: Некоторые принципы, в чем-то похожие на те, о которых Вы говорите, уже получают признание. Меня поражает тот факт, что в последние десятилетия почти повсеместно распространилось понимание того, что даже в ходе ведения войны должны соблюдаться определенные правила гуманного отношения к людям – в частности, к пленным.

Возьмем пытки. Сегодня практически все – и даже те, кто порой прибегает к их использованию, – соглашаются, что пытки противоправны, что они попирают саму человеческую сущность. Этот пункт может стать исходным в построении новой системы правил. Пусть он и кажется самоочевидным, но нам все равно придется от чего-то отталкиваться, и этот постулат видится мне не худшим началом. Именно обращение с пленными, с солдатами противника, гражданским населением – это и есть та сфера, в которой могли бы быть заключены первые всеобъемлющие договоренности о правилах поведения государств, и именно отсюда мы могли бы начать построение более справедливой мировой системы...

Вторым немаловажным пунктом является сама постановка вопроса о военных преступлениях и определение этих преступлений. И тут нельзя не вспомнить Нюрнбергский процесс, так как именно на нем лица, формально не нарушавшие законов своего

государства, были обвинены в военных преступлениях и наказаны за их совершение. Сегодня мы видим предстанными перед судом С. Милошевича и других преступников, виновных в массовом истреблении гражданского населения. В Руанде начаты расследования геноцида 1994 года, и там тоже устанавливаются виновные. Возможно, и Р. Мугабе когда-нибудь попадет на скамью подсудимых.

Вообще, сама идея преступления становится сегодня очень интересной. Я никогда не занимался этими вопросами специально – и поэтому то, что я сейчас говорю, отражает скорее мое интуитивное восприятие проблемы. Но не думаю, что само понятие преступления когда-либо прежде применялось в контексте оценки межгосударственных конфликтов и войн. Впервые, как мне кажется, этот вопрос был поднят в связи с массовыми бомбежками гражданских объектов в годы Второй мировой войны, которые привели к огромным неоправданным жертвам, – в Ковентри, например. Прежде считалось, что гибель множества мирных жителей – это не более чем естественное следствие любого военного противостояния...

Иноземцев: Но мне казалось, что этот вопрос поднимался и раньше – например, после гибели «Лузитании»¹²⁴. Хотя, возможно, на это событие смотрели тогда больше как на *casus belli*, чем на повод для юридического разбирательства. К тому же, я не слышал, чтобы нацистов судили за налеты на Ковентри; в таком случае, если быть последовательными, рядом с ними могли бы оказаться и те, кто приказывал бомбить Дрезден и Хиросиму.

Белл: Мой сын дописывает сейчас интересную книгу, которую он назвал «Первая тотальная война»¹²⁵. Речь в ней идет о событиях в революционной Франции, где и были впервые применены принципы

¹²⁴ «Лузитания» – пассажирский лайнер компании Cunard Line, потопленный 7 мая 1915 г. германской подводной лодкой U-20 под командованием капитана Г. Швигера. Из 1962 пассажиров, находившихся на борту, погибли 1198 человек, в основном граждане Великобритании и США. Считается, что открытие Парижской мирной конференции 7 мая 1919 г. было приурочено к годовщине этой трагедии.

¹²⁵ Имеется в виду книга: Bell, David A. *The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know It*, Boston, New York: Houghton Mifflin, 2007.

«тотальной войны»: если вы выступаете против нас, нам не остается ничего иного, как попросту стереть вас всех с лица земли, – что, кстати, практически и было исполнено в Вандее. Получается, что люди, вдохновленные идеями Просвещения, в стране, которая эти идеи породила, прибегли к практике, явно содержащей элементы преступлений против человечества...

Но если вернуться к нашей теме, возникает вопрос: чего именно мы хотим избежать? Прежде и скорее всего – жертв среди невинных. А кто они? Обычно предполагается, что это гражданское население. В таком случае необходимо более четко провести различие между теми, кто не вовлечен в вооруженный конфликт, и теми, кто в него вовлечен. Этому может поспособствовать вся практика оценки военных преступлений и преступлений против человечества. Соответствующие исследования – это один из важнейших источников установления новых правовых норм, и я уверен, что создав первые суды, уполномоченные расследовать такие преступления и выносить приговоры обвиняемым в них, мы сделали критически важный шаг на пути формирования нового мирового порядка.

Иноземцев: Это верно, но я хотел бы обратить Ваше внимание на иной аспект проблемы. Безусловно, создание международных трибуналов по расследованию военных преступлений было большим шагом вперед, но их функционирование ограничено рядом обстоятельств. Ведь чтобы стали реальностью Нюрнбергский трибунал, суд над японскими военными преступниками в Токио или процесс над С. Милошевичем в Гааге, пришлось, по сути, сначала допустить агрессивные действия соответствующих стран против соседей, затем начать с ними войну, победить в ней ценою огромных жертв и лишь потом посадить тех, кто ответствен за всю эту череду насилия, на скамью подсудимых. К тому же, справедливость самого суда над ними всегда может оспариваться. Фраза Г. Геринга, встретившего приговор себе словами: «такой всегда будет судьба проигравших в суде победителей», – актуальна и по сей день. Конечно, Милошевичу в Гааге не вынесли бы смертного приговора; но сомневаетесь ли Вы в том, что нынешние иракские власти в конце концов наверняка добьются, – и

причем с санкции американцев и их союзников, – казни Саддама Хусейна¹²⁶?

Я же предложил бы совершенно иной подход: если мы наблюдаем в какой-то стране массовое насилие в отношении ее собственных граждан,

элементы вооруженного гражданского конфликта, не позволяющего считать ни власти, ни мятежников ответственными за судьбы государства, то разве не справедливо заявить от имени международного сообщества о невозможности относиться к этой стране как к суверенному субъекту международных отношений? Нет нужды применять к ней санкции или же готовить вооруженное вторжение. Мы просто объявляем ее зоной хаоса, отказываемся от контактов как с правительством, так и с его врагами, не оказываем сторонам никакой поддержки и прекращаем полномочия представителей этой страны во всех международных организациях. Результат однозначен: с точки зрения всего мирового сообщества эта территория становится такой же «ничейной землей», какой значительная часть мира долгое время оставалась для европейцев. Если кто-то захочет восстановить там порядок, он может получить на это мандат, подобный тем, какие в свое время выдавала Лига наций. Никто не захочет – пусть, прости Господи, там происходит все, что только возможно.

Белл: В данном случае принципиальное значение имеет вопрос о том, кого Вы подразумеваете под словом «мы». Ведь всегда можно спросить: а сами-то вы достаточно чисты и непорочны, чтобы судить нас, грешных? Кто вы такие, чтобы устанавливать всеобщие правила поведения? Лучше посмотрите на самих себя – Вы ведь не зря вспомнили про Дрезден и Хиросиму... Вы должны иметь очень чистые руки, чтобы приниматься за такую грязную работу. Неправому делу нельзя противопоставлять неправый ответ и реагировать на несправедливость неправым образом.

Иноземцев: Конечно, такой вопрос стоит и будет стоять всегда. Но мне кажется, что на нем не следует заикливаться. Речь ведь не идет о том, что Соединенные Штаты, например, основываясь на

¹²⁶ Свергнутый иракский диктатор Саддам Хусейн через полгода был приговорен иракским судом к смертной казни через повешение; приговор был приведен в исполнение 30 декабря 2006 г.

собственном понимании справедливости, решатся объявить г-на Мугабе диктатором и призовут весь мир прекратить с ним всякие связи. И не о том, что нужно последовать примеру Европейского Союза и заявить о нелегитимности белорусского президента А. Лукашенко, как это было только что сделано. Я имею в виду нечто иное. Любая страна – США, Франция, Россия – имеет право собрать материалы, доказывающие, что в другом государстве с санкции властей развязана кампания насилия по отношению к меньшинствам, что гражданам на произвольной основе отказано в базовых правах, что на этой территории царит хаос, а государство становится все более опасным для соседей. Эти сведения представляются в ООН, проверяются, и выносятся решение: в этом случае нарушены такие-то пункты Устава ООН и масса резолюций Совета Безопасности, поэтому данная страна может быть исключена из числа членов организации. Как в суде присяжных, выносятся решение. И исполняется. Никто даже не посягает на «суверенитет» государства, который оно само, по сути, разрушило. Его просто перестают принимать в расчет. Если мне не изменяет память, одним из самых жестоких наказаний в античных полисах было изгнание. Именно эту практику я и предлагаю восстановить.

А что до принципа «чистых рук», то я не вполне с Вами согласен. Ведь если кто-то помогает полиции задержать убийцу, вопросы о том, не балуется ли сам этот человек наркотиками и правильно ли он платит налоги, обычно не возникают... Они могут быть подняты при совсем иных обстоятельствах, но на качество свидетельских показаний по делу об убийстве не влияют.

Белл: Здесь вновь возникает вопрос о том, можем ли мы покуситься на суверенитет страны, даже если ее правители используют для утверждения своих позиций нелегитимные или, скажем, не вполне легитимные средства. Что если бы Организация Объединенных наций существовала в 30-е годы, и в сферу ее внимания попадали бы те же проблемы, какими мы все озабочены сейчас, – типа ситуаций в Дарфуре или Конго? Ведь это было время гугага и ежовщины. Сколько людей тогда погибло? Десять миллионов? Двадцать? Тридцать? В любом случае эти цифры ужасны... Можно ли было говорить в те времена, что международное сооб-

щество должно вмешаться в ситуацию, чтобы остановить это безумие? Это, конечно, неразрешимая проблема.

Иноземцев: Извините, но я о другом. Я не пытаюсь убедить Вас, что в конце 30-х годов имелась необходимость (тем более возможность) начать войну против Советского Союза в связи с разгулом сталинских репрессий. Но я настаиваю, что ничто не мешало поднять вопрос в Лиге наций о соответствии политики, которую вел в те годы СССР, уставу Лиги. И исключить Советский Союз из этой организации. Хотел бы напомнить, что в итоге именно так и произошло: СССР был исключен из Лиги – правда, не по причине систематического истребления собственных граждан, а в ответ на агрессию против Финляндии, инициированную И. Сталиным в 1939 году¹²⁷...

¹²⁷ 30 ноября 1939 г. советские войска атаковали Финляндию, обладая четырехкратным преимуществом в живой силе и более чем десятикратным – в технике. В марте 1940 г. Финляндия признала поражение в войне; к Советскому Союзу отошло около 10% ее территории. 14 декабря 1939 г. СССР был исключен из Лиги наций как государство-агрессор.

Белл: Еще раз повторю: я касаюсь только самых очевидных ситуаций. Возьмем А. Сахарова. Он был заключен под домашний арест – в городе, достаточно отдаленном от Москвы, его телефоны были отключены. Только М. Горбачев нашел в себе достаточно решимости, чтобы прекратить его преследование. Здесь, в Америке, и вообще на Западе мы протестовали против такого обращения с академиком. Мы были уверены: государство не имело права лишать человека возможности открыто выражать свои мысли. И это не отдельный конкретный случай – свобода слова не может быть предметом политического торга. Отказываясь от борьбы за то, чтобы голос свободных людей был слышен повсюду, вы тем самым приостанавливаете продвижение по пути к более достойному и более цивилизованному поведению отдельных стран и государств.

Иноземцев: Да, тут нечего возразить. Вы совершенно правы, конечно...

В заключение я хотел бы затронуть еще один вопрос, который сегодня обсуждается все чаще, в том числе и здесь, в Гарварде.

Совсем недавно один из бывших гарвардских профессоров, Дж. Сакс, выпустил новую книгу о методах преодоления бедности на мировой периферии, где обосновывает необходимость дополнительной помощи бедным странам¹²⁸. В то же самое время все более

¹²⁸ См.: Sachs, Jeffrey. *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*, New York: Penguin Press, 2005 (рецензию на нее см.: Иноземцев, Владислав. "Мечты и реальность" в: *Свободная мысль*—XXI, 2005, № 6, сс. 188–193).

широкий круг экспертов акцентирует внимание на том, что помощь, которую страны «первого» мира направляют в наиболее бедные регионы планеты, далеко не всегда служит задачам развития этих территорий. Значительная часть ее при-

сваивается властями, используется ими для собственного обогащения. Зачем в таких условиях продолжать оказывать эту помощь, если убедительно доказано, что она приводит к консервированию паразитического типа менталитета и паразитической парадигмы существования этих стран?

Белл: Я снова скажу: тут трудно дать однозначный ответ: «или-или». Да, если распределение помощи происходит при посредничестве действующей власти, это несомненно упрочивает ее, так как дает ей контроль над дополнительными средствами, к появлению которых она не имеет никакого отношения. Но можете ли вы доводить помощь до конкретных людей? Как вы сделаете это, если у вас нет никаких организационных форм или институциональных возможностей для этого? Поэтому так или иначе, но вам придется каким-то образом сочетать оба этих метода.

Отчасти на этот непростой вопрос уже возникают спонтанные ответы – и они появляются на путях «горизонтального» взаимодействия между более или менее сходными социальными структурами. Профсоюзы стремятся помогать профсоюзам, церковные общины – другим религиозным организациям, профессиональные ассоциации – своим коллегам. Это помогает, потому что происходит рост влияния и возможностей этих низовых социальных структур, которые становятся более авторитетными и, возможно, обретут в будущем возможность бросить вызов правительствам.

Самым же простым видом помощи является прямое и адресное снабжение нуждающихся – подобное тому, какое в последнее время

часто практикуется в самых бедных уголках Африки такими структурами, как Всемирная продовольственная организация. Они находят места скопления беженцев или перемещенных лиц и попросту сбрасывают с транспортных самолетов мешки и ящики с продуктами на парашютах. Но повторяю еще раз как социолог: все программы распределения помощи требуют наличия организационных структур, и сегодня нет задачи более важной, чем создание в отстающих обществах структур, через которые можно было бы взаимодействовать с их населением, а не только с коррумпированными правителями.

Иноземцев: Да, это все так, конечно, но и по сей день около 80% всей помощи распределяется по межгосударственным каналам; то есть не только предоставляется отдельными странами (или ЕС и ООН), но и прежде чем дойти до своих непосредственных адресатов, проходит через руки местных властей. И это снижает пользу от такой помощи.

Белл: Дело действительно обстоит именно так; я пытался сформулировать, что думаю по данному поводу – и, надеюсь, какая-то картина у нас вырисовалась. Важнейшей задачей, которую я сейчас вижу, является формирование целой системы независимых посреднических структур, свободных от коррупции и не получающих политических выгод от программ помощи.

Иноземцев: Коль скоро мы заговорили о таких независимых структурах, последний вопрос. Сегодня активно обсуждаются возможности реформирования Организации Объединенных наций, и среди массы предложений по совершенствованию ее работы высказывается идея образования в дополнение к Генеральной Ассамблее, как бы «второй палаты» этого мирового парламента, в которую вошли бы представители неправительственных организаций. Утверждается, что это повысило бы их статус и обеспечило бы более широкий и комплексный взгляд ООН на современный мир. Насколько обоснованным представляется Вам это предложение?

Белл: Не думаю, что это хорошая идея, – скорее совсем наоборот, так как она игнорирует социологические реалии. Образование

«второй палаты» из посланцев неправительственных организаций приведет к усилению управляющих ими бюрократий. Разумеется, есть и такие неправительственные организации, что пекутся исключительно о нуждах страждущих – «Врачи без границ», например, – но то скорее исключения. В большинстве же случаев подобные организации превратились в своего рода некоммерческие корпорации со своими интересами и со своей бюрократией, преследующей как экономические, так и политические цели. Так что не думаю, что эта идея могла бы что-то дать. Скорее она привела бы к утрате ООН некоторых сегодня выполняемых ею функций – и причем не самых немаловажных – но ничего не дала бы взамен. Это не послужило бы формированию нового порядка, о котором мы так интересно рассуждали.

6 ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Иноземцев: Говоря о современных проблемах, нельзя обойти вниманием экономику.

Как известно, на протяжении многих столетий экономические связи становились все более значимыми – сначала по сравнению с патриархально-общинными, а затем и политическими. Постепенно они превратились в основной фактор, сплачивающий общество, которое становилось все более разнородным и разобщенным. Если согласиться с Бенедиктом Андерсоном, который определил нацию как «воображаемое сообщество»¹²⁹, то скрепленное экономическими узами, это сообщество намного менее «воображаемо».

Однако усиление роли экономических отношений имело и негативную сторону: люди постепенно превращались в винтики огромного хозяйственного механизма, и их личностные черты становились все менее различимыми и значимыми. Этот процесс не ограничивается только капиталистическим обществом: Маркс имел все основания для вывода, что азиатский, античный, феодальный и капиталистический способы производства «представляют собой прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹³⁰.

¹²⁹ Бенедикт Андерсон (р. 1936) – известный британский социолог и философ. «Воображаемое сообщество» – название его книги (Anderson, Benedict. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London, New York: Verso, 1983).

¹³⁰ См.: Маркс, Карл. «Предисловие к "Критике политической экономии"» в: Маркс, Карл, Энгельс, Фридрих. *Сочинения*, 2-е издание, т. 13, сс. 7–8; в оригинале: *Marx -Engels Werke*, Bd.13, S. 9. Подробнее о термине «экономическая общественная формация» см.: Иноземцев, Владислав. *За пределами экономического общества*, Москва: Academia, Наука, 1998, сс. 76–84.

Но к чему привел этот процесс? Современное общество переполнено фетишами и символами, большинство членов этого общества практически перестали ощущать себя личностями. И одна из главных причин человеческой разобщенности, столь тревожащей социологов, кроется, несомненно, в отрыве экономических форм жизни людей от их человеческой сущности, в том, что экономика подчинила все остальные стороны жизни.

Можно ли представить себе перспективу «деэкономизации» общественной жизни, переход к «менее экономическому» обществу – пусть даже мы не станем называть его коммунистическим, как в свое время это делали Карл Маркс и его последователи?

Белл: Глубокое понимание сути экономической теории сопряжено с решением двух отличающихся друг от друга проблем. Одна из них обусловлена тем фактом, что эта теория претендует на научный характер. Однако для того чтобы быть научной теорией, логическая конструкция должна иметь в своей основе абстракцию достаточно высокого уровня – и вопрос в том, насколько адекватен используемый в экономической науке уровень абстракции. Ведь те абстрактные категории, которыми она оперирует, совершенно не в состоянии описывать многообразие и комплексный характер реальных ситуаций. Поэтому не будет преувеличением сказать, что экономи-

ка никогда не превратится в описательную науку, поскольку такие науки давно стали в гораздо большей мере основанными на эмпирике.

Теория всегда должна немного «приподниматься» над практикой и задавать какой-то общий подход, предполагающий определенный уровень абстракции. Сегодня мало кто понимает истинное значение и роль этой идущей от жизни абстракции – примером редкого исключения я назвал бы книгу М. Хардта и А. Негри¹³¹. Но как бы то ни было, будучи абстрактной дисциплиной, экономическая те-

¹³¹ Майкл Хардт (р. 1962) – американский социолог и историк литературы; Антонио Негри (р. 1933) – итальянский леворадикальный философ. Неясно, какую именно их книгу имел в виду Д. Белл – «Империю» (2000) [Hardt, Michael and Negri, Antonio. *Empire*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2000; русский перевод: Хардт, Майкл и Негри, Антонио. *Империя*, Москва: Праксис, 2004] или «Множество» (2004) [Hardt, Michael and Negri, Antonio. *Multitude. War and Democracy in the Age of Empire*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2004; русский перевод: Хардт, Майкл и Негри, Антонио. *Множество. Война и демократия в эпоху империи*, перевод с англ. под редакцией и со вступительной статьей В.Л. Иноземцева, Москва: «Культурная революция», 2006].

ория не способна отразить все многообразие факторов, влияющих на реальное поведение хозяйствующих субъектов. Именно поэтому я считаю весьма показательным фактом становление в качестве новой области знания бихевиористской (или поведенческой) экономической теории.

Психология вторгается в хозяйственную теорию. Почему? Да потому, что только с ее помощью можно понять, как люди поступают в реальной жизни, какие варианты действий они предпочитают. И самой важной проблемой является здесь отношение человека к риску – готов он рисковать или нет. Сама концепция риска в наибольшей мере разработана Ульрихом Бекон, немецким социологом, который начал писать на эту тему лет, эдак, двадцать назад. Но не будем забывать, что несколько лет назад Нобелевская премия по экономике была присуждена Д. Канеману, работающему сейчас в Принстоне, который вместе с А. Тверским¹³² начал в свое время изучать психологическую составляющую экономического поведения. Поэтому я бы сказал, что экономическая теория (экономикс) утрачивает в последнее время свое прежнее влияние и уступает место другим гуманитарным наукам – прежде всего тем же бихевиористике, социальной психологии и т. д.

Много лет назад в своей книге «Кризис экономической теории» (которая, кстати, имела подзаголовок «Этическая модель и реальность в экономических концепциях») я писал, что экономическая теория чрезвычайно хороша, но только там и настолько, где и насколько мы готовы пренебрегать полным описанием реальности и ограничиться формулами типа «если-то». В таком ракурсе все выглядит понятным. У вас легко возникает идеальная модель рационального выбора, в основе которой – кривая полезности.

Замечу: вся современная экономическая теория пошла из Англии. Не из Франции и Германии. Да, австрийцы внесли свой вклад в ее развитие, но это касалось скорее инструментария теории, а не ее фундаментальных понятий. Британия же стала ро-

¹³² Дэниел Канеман (р. 1934) – израильско-американский психолог, один из основных разработчиков (совместно с Амосом Тверским [1937–1996]) «поведенческой теории финансов» и гедонистической психологии. В 2002 г. был удостоен Нобелевской премии по экономике, став первым лауреатом, никогда не учившимся экономическим наукам. В настоящее время работает в Принстонском университете в США и в Еврейском университете в Иерусалиме.

дона начальницей современной экономической науки потому, что именно там были наиболее сильны традиции утилитаризма, восходящие еще к И. Бентаму. А экономическая теория может быть хороша лишь в той мере, в какой она основывается на принципах утилитаризма, на идеях рационального выбора.

Сама же теория полезности исходит из возможности сравнения: можно предпочесть вариант А варианту В, возможность С возможности D или продукт F продукту S. Пытаясь сравнивать и выбирать, вы снова возвращаетесь к задачам максимизации полезности и оптимизации затрат, т. е. бентамовскому утилитаризму. Естественным выходом, позволяющим достигать большего при меньших издержках, оказывается повышение производительности. Однако основная проблема заключена в том, что между экономическими факторами не существует простых и однозначных связей.

Вы наверняка читали многие книги моего ныне покойного коллеги, профессора Дж. Гэлбрейта, – но ведь известно, что проблемы, которыми он занимался, были до него изучены Джоан Робинсон и

¹³³ Джоан Робинсон (1903–1983) – английский экономист, профессор Кембриджского университета, автор многих трудов по теории конкуренции. С 1958 г. – член Британской академии, с 1979 г. – первая женщина, ставшая полным членом кембриджского Кингс-Колледжа. Среди ее работ особенно известны «Экономическая теория несовершенной конкуренции» (1933) и «Накопление капитала» (1956).

Эдвард Чемберлин (1899–1967) – американский экономист, с 1937 г. и до конца жизни – профессор Гарвардского университета, автор книг «Теория монополистической конкуренции» (1933) и «К общей теории стоимости» (1957).

Эдвардом Чемберлином¹³³, работавшим здесь же, в Гарварде. Их обоих интересовала логика обогащения монополий, и оказалось, что оно далеко не всегда становилось следствием умышленного сговора. Ведь самым простым способом обеспечить монопольное положение на рынке является, как известно, создание бренда. Люди не слишком склонны покупать «просто мыло». В подавляющем большинстве случаев вы покупаете мыло определен-

ной марки. И поэтому компании конкурируют за то, чтобы быть узнаваемыми. В данном случае (а из таких случаев состоит вся наша жизнь) не действуют простейшие принципы максимизации полезности при минимизации затрат. Эти наблюдения привели к появлению теорий, пытающихся объяснить, какие факторы влияют на эластичность спроса на те или иные товары, – а этот момент

крайне важен для экономической теории, так как в данном случае ставятся под сомнение ее основополагающие постулаты.

Принято считать, что снижение цены увеличивает спрос на товар. Предельная эластичность достигается тогда, когда изменения этих показателей находятся в линейной зависимости, т. е. в случае, если снижение цены пропорционально увеличивает объемы продаж. Неэластичным можно назвать спрос на тот товар, повышение цены которого не отражается на объеме спроса. Но в жизни практически не встречаются «чистые воплощения» той или иной идеальной ситуации.

Многие годы я был членом совета директоров Фонда Сантори, и мне вспоминается вот какой случай. Среди компаний, поддерживавших фонд, была фирма, занимавшая в Японии лидирующие позиции в производстве виски. И, скажу я Вам, она делала хороший – даже очень хороший! – виски. Выйдя на американский рынок, компания попыталась завоевать заметные позиции на нем за счет снижения цен: менеджеры были уверены, что так они продадут больше виски. И что Вы думаете? Продажи начали катастрофически падать, и стратегию пересмотрели. Почему?

Иноземцев: Ну это, думаю, объясняется просто. Если в Японии этот виски покупали много и каждый день, то в Америке он считался чем-то особенным; поэтому потенциальных покупателей отпугивал оригинальный и, казалось бы, высококлассный товар, предлагаемый по низкой цене. Ведь известные марки не могут продаваться за бесценок.

Белл: Совершенно верно. Большинство из тех, кто готов был купить этот новый для нас продукт, собирались использовать его в качестве подарка, в знак уважения к коллегам или боссу. Но подарок не должен быть слишком доступным и дешевым. Он должен восприниматься получающим как нечто не только оригинальное, но и ценное. В Японии, например, и сейчас дыни продаются по сорок долларов несколько дней в году, потому что в некоторые праздники их принято дарить, и эти подарки запоминаются. Сегодня лишь в немногих экономиках принят дарообмен, но так было далеко не всегда.

Дарообмен исследовал в свое время Марсель Мосс¹³⁴, племянник Эмиля Дюркгейма, написавший замечательную книгу на эту тему. Многие антропологи описывают потлаш – странный обычай индей-

¹³⁴ Марсель Мосс (1872–1950) – выдающийся французский социолог, антрополог и общественный деятель, основатель Французского института социологии и парижского Этнологического института. Из его научных исследований наиболее известна книга «Дар» (*Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques*, 1923–1924).

¹³⁵ Потлаш (potlash, potlatch) – традиционный обряд коренных народов Аляски и тихоокеанского побережья Северной Америки, обычно совершавшийся в дни разного рода празднеств и игравший определенную роль в становлении социальных иерархий. Последние определялись не столько богатством того или иного человека, сколько проявленной им щедростью. Эта практика была запрещена в Канаде в 1884 г., а в США – в конце XIX века, и вновь признана законной в этих странах – соответственно, в 1951 и 1934 гг.

ние соотношений спроса и предложения, исследования изменения цен в зависимости от доступности благ, а также многое другое были и остаются сильными сторонами экономической теории. Но есть проблема, которая, на мой взгляд, принципиально не может быть разрешена в рамках экономикс. Я говорю о редкости. Очень немногие экономисты задумываются о важности этого понятия и о том, какое влияние на хозяйственную жизнь имеет сам

¹³⁶ Гэри Стэнли Беккер (р. 1930) – американский экономист, известный прежде всего как автор теории «человеческого капитала». Работал в Колумбийском и Чикагском университетах. Лауреат Нобелевской премии по экономике за 1992 г. Наиболее известны его работы «Экономика дискриминации» (1957), «Человеческий капитал» (1964) и «Экономическая теория семьи и домохозяйств» (1991).

эцев, живших на западном побережье США и Канады¹³⁵. Их традиции предусматривали, что если кто-то подносит вам дар, вы обязаны ответить ему подарком большей ценности – и разворачивается «гонка по нарастающей». Потлаш – идеальный пример процедуры, которая искажает то, что современный экономист назвал бы ценой. Поэтому можно, конечно, утверждать, что формирование цен подчиняется четким закономерностям, – но если возникает понятие бренда или значительная часть благ обменивается в виде даров, это становится пустой абстракцией.

Тем не менее введение понятий максимизации полезности, изуче-

ние этого фактора. Одним из них я назвал бы Гэри Беккера¹³⁶, который и сейчас продолжает исследования по этой теме. Между тем сама суть эпохи модернизировать заключена в попытке преодолеть редкость и ограниченность материальных благ. Если в докапиталистических обществах люди влачили жалкое существова-

ние в условиях натурального хозяйства, то миссией буржуазного строя считалось обеспечение материального изобилия.

Если вспомнить величайших европейских философов – Т. Гоббса, К. Маркса, Ж.-П. Сартра, – все они задумывались над тем, можно ли обеспечить всем людям достаток и изобилие... Ограниченность материальных благ безапелляционно признавалась главной причиной ненависти, вражды, насилия и войн. Если один человек чем-то владеет, другой почти наверняка этого лишен – вот центральный пункт первой части книги Гоббса. Гоббс нередко указывает на ограниченность благ как на причину общественной несправедливости – скорее как на одну из таковых, но все же... Маркс считал одной из задач социализма преодоление бедности и открытие эпохи изобилия – имея в виду, что с устранением эксплуататоров будут сняты искусственные пределы для расширения производства, и технологии сделают все блага доступнее.

Отчасти это так и есть, но со временем выяснилось примечательное обстоятельство. Да, сегодня мы можем производить многие товары почти в неограниченном количестве: обувь, одежда, даже автомобили уже не являются чем-то редким или обретаемым с большим трудом. Но это не устраняет одного различия, которое заметил еще Д. Рикардо, хотя и не попытался его развить. Зато намного позже – где-то с полвека назад – это сделал Фред Хирш¹³⁷. Он выявил различие между дистрибутивными, или распределяемыми, и статусными благами. Первые могут быть произведены в любом количестве и доставлены куда угодно. Поэтому любой намек на дефицит обуви и одежды служит сигналом к стремительному восполнению этого дефицита, а производство с лихвой перекрывает потребности в товарах такого рода. Каждый может позволить себе новую обувь или одежду. Но имеется только одна усадьба на вершине красивого холма, и есть только один дом в укромной бухте на берегу горного озера. Руководителем департамента в крупной компании может быть только один, вполне определенный человек. И даже если мы, пусть и с трудом, сумеем преодолеть дефицит материальных, дистрибутивных благ, нам не дано

¹³⁷ Фред Хирш (1931–1978) – английский экономист австрийского происхождения, известный прежде всего своими работами по теории воспроизводства, в частности книгой «Социальные ограничители экономического роста» (1977).

справиться с ограниченностью благ статусных. Они редки по самой своей природе. А экономикс не разработал методологии, пригодной для оценки статусных благ и позволяющей определять общие закономерности их производства, распределения и обмена.

Причина этого вполне понятна. Экономикс функционирует лишь потому, что имеет систему стандартов и координат. В любой экономической теории заложен принцип сравнения материальных благ и труда. Если вы имеете фунт картошки или фунт автомобиля, то вы сможете – пусть хотя бы приблизительно – свести их к одному «знаменателю». Проблема социологии в том, что здесь нет такого основания; нет и системы координат. Например, все мы хорошо знаем, что в любом обществе превыше всего ценятся богатство, власть и статус. Отчасти они взаимосвязаны. Власть легко обращается в богатство. Богатство обеспечивает его владельцу определенное положение в обществе. Но как их соизмерить? У нас нет «коэффициентов пересчета» богатства во власть и социальный статус. Именно поэтому социология никогда не обретет ту же мощь, что и экономикс, в котором есть механизмы определения сравнительной цены того или иного товара, своего рода «ценовая матрица».

Но в случае статусных благ оказывается, что и в рамках экономики возникает сегмент, к которому неприменимы прежние категории и единицы измерения. Если один бизнесмен говорит другому: «Мой офис лучше твоего», – что именно он имеет в виду: размер офиса? Его местоположение? Здания, которые его окружают? Приспособленность к каждодневной работе? Архитектуру? Дизайнерские решения? На эти вопросы нет однозначного ответа. В статусных благах воплощаются отношения между людьми, и их невозможно оценивать в сугубо экономических категориях.

Итак: современная экономика смогла решить проблему распределяемых благ, сделав их общедоступными и небывалым образом увеличив производительность работников. Сегодня таких товаров вырабатывается все больше, и становятся они все дешевле. Может показаться, что мы уже достигли той точки, где, по мнению старых философов – от Гоббса до Маркса и Сартра, – все проблемы можно считать решенными. Но это ошибочное представление. На смену проблеме ограниченности дистрибутивных благ пришла пробле-

ма ограниченности благ статусных, которая, похоже, вообще не имеет решения. А именно этот новый дефицит в наибольшей мере заботит сейчас людей и становится объектом их особо пристального внимания. Мой статус выше вашего – как бы говорит один человек другому, – так как это я владею той усадьбой на вершине холма, и другую рядом уже не построить.

Иноземцев: Согласен с Вами. По мере того как мотивы деятельности людей перемещаются из сферы сугубо материальных интересов, проблемы традиционной экономической теории все больше занимают не только экономистов, но и философов и социологов. А то, что мотивация изменяется именно в сторону уменьшения роли экономических факторов, вполне убедительно показал еще Р. Инглегарт¹³⁸. Думаю, трудности, с которыми сталкивается экономическая наука в современном обществе – пусть в малой мере, но уже обретающем черты постэкономического, вполне закономерны. Экономическая наука не создавалась для того, чтобы объяснять неэкономические по сути явления...

¹³⁸ Рональд Инглегарт (р. 1934) – выдающийся американский социолог, известный своими исследованиями изменения мотивационной составляющей человеческой деятельности (см. его работы: «Культурный сдвиг в развитом индустриальном обществе» [1990] и «Священное и мирское: политика и религия в современном мире» [совместно с П. Норрис, 2005]).

Белл: Правильно. Я как раз и хотел подчеркнуть, что экономическая теория создавалась, чтобы показать, как блага соизмеряются друг с другом, и предложить рецепты расширения и оптимизации производства товаров, делающие их более разнообразными и более доступными потребителям. И сегодня, говоря об экономике, люди обычно не понимают, что ее естественный предел уже достигнут и в ближайшие десятилетия она вынуждена будет превратиться в одну из составных частей социологии.

Иноземцев: Да, с развитием сферы высокотехнологичного и интеллектуализированного производства эта проблема будет становиться все более актуальной. С одной стороны, в сфере производства информации и знаний люди мотивированы не только (и даже не столько) экономическими, сколько нематериальными фактора-

ми. Они ставят целью узнать нечто новое, подняться на новую ступень совершенства, превзойти коллег по цеху и т. д. С другой стороны, все новые и новые массивы знаний и информации становятся общедоступными, превращаясь тем самым в общественные блага, которые не могут вовлекаться в возмездный обмен.

Можно ли говорить о том, что все это свидетельствует о каком-то возрождении дарообменных отношений, пусть даже в совершенно новом виде? Сегодня люди не столько делают подарки друг другу (за исключением случаев, описанных в Вашем примере с виски), сколько вольно или невольно передают свои знания обществу, позволяя хозяйствующим субъектам, способным воспользоваться этой информацией, применить ее для собственного блага. Фактически в пределах современного общества возникает социальная группа, объединяемая возможностью ее членов на равных общаться между собой (лично или заочно). Это, разумеется, не меритократическое общество, но не кажется ли Вам, что эта социальная группа характеризуется тем, что положение человека в ней определяется имеющимися у него возможностями продуктивного использования коммуникационных и социальных сетей нового типа? Неужеле человечество сегодня вступает в «эпоху доступа»¹³⁹, если использовать слова Дж. Рифкина?

¹³⁹ Имеется в виду книга Джереми Рифкина «*The Age of Access. The New Culture of Hypercapitalism where all of Life is a Paid-For Experience*» (2000).

Белл: Я бы поставил вопрос несколько иначе. Современная экономика применяет интеллект и идеи, превращая их в полезные продук-

ты. В XX веке она сполна продемонстрировала эти свои возможности. Но остается еще вопрос об источнике новых идей и информации. И тут главную роль играет не экономика как таковая, а сама приверженность общества принципам хозяйственного роста, которая предполагает в том числе и фактор, ранее практически никогда не принимавшийся в расчет: массовое, а то и всеобщее образование. Сегодня для обеспечения конкурентоспособности необходимо иметь высококвалифицированную рабочую силу, а это – нечто существенно отличное от времен классического капитализма, когда основными факторами повышения эффективности были упрощение производственных технологий и экономия на опла-

те труда. В противоположность приемам, которые применялись тогда, в наши дни экономика – можно назвать ее современной, постиндустриальной или какой-угодно еще – требует рабочей силы максимально высокой квалификации, и это характерно для большинства отраслей.

Поэтому современная экономика неизбежно сталкивается с проблемой изменения качеств рабочей силы. Можно вытеснять низкоквалифицированный труд в периферийные государства, но нельзя не поддерживать высокий уровень квалификации работников в собственной стране – и с этой целью следует постоянно совершенствовать сферу образования.

Но есть и другой аспект обсуждаемого нами вопроса. Как я уже отмечал, один из пределов экономической теории определяется тем, что она не может предложить объяснения цены и значимости статусных благ. Еще один предел обусловлен соотношением экономики и политики, экономики и власти. Тут мы видим, как политические факторы могут ограничивать экономическое развитие, и в то же время наблюдаем, что существуют рыночные силы, нередко позволяющие экономике определять ход политического развития. Хотя для последних десятилетий больше характерны не примеры побед экономики над политикой, а их противоположность – нарастающее давление политических сил на экономические субъекты.

Убежден, что такое давление имеет свой предел. И мне кажется, что наилучшее тому подтверждение – история советской экономики. Система, которая была создана в Советском Союзе, – это пример директивной экономики. Стране нужно столько-то стали. Необходимо такое-то количество самолетов. Все производственные задачи доводились до предприятий посредством цепочки прямых и обязательных для исполнения директив и указаний.

Однако была одна сфера, которую эта плановая система не могла контролировать, – сравнительные издержки производства. Бывало, что рыночная экономика иногда не справлялась с какими-то задачами, но не со снижением издержек: в этом ей не было равных. В плановом же хозяйстве возникали огромные потери и непроизводительные расходы. Государство не раз и не два пыталось «управлять» экономические законы, при этом всегда терпело неудачу. Самый очевидный пример – таможенные пошлины. Поднимаемая

их, вы исключаете для иностранных товаров возможность на равных конкурировать с производимыми в вашей стране. Именно это десятилетиями сдерживало развитие стран Латинской Америки. Там правительства панически боялись конкуренции извне – и потому искусственно поощряли импортозамещающие производства. Но пошлины не помогли. Местная промышленность зашла в тупик.

Итак, экономические силы имеют определенные возможности, но часто их пытаются поставить под контроль политическими методами. Советский эксперимент служит в этом отношении хорошим уроком, так как Госплан был заведомо неспособен исчислять невообразимое множество воспроизводственных пропорций и устанавливать адекватные «плановые» цены на сотни тысяч наименований товаров. Я, кстати, перечитал недавно некоторые статьи Ленина по индустриализации. Вы знаете, что он приводит там в качестве примера? Обувь! Если, например, в стране живут 100 миллионов человек и нормально, чтобы у каждого было по две пары обуви, то должно быть в наличии 200 миллионов пар. Каждая снашивается за три года. Значит, надо производить где-то по 70 миллионов пар в год или около того. Но если взглянуть на мужские ботинки, то окажется, что у большинства из них есть шнурки. А какова себестоимость шнурка? И еще на каждом из них имеется маленький металлический наконечник. А он сколько стоит? То есть даже не принимая в расчет вопросы дизайна и отделки, мы получим, что каждая пара туфель состоит из десятка деталей и рассчитать «правильную» цену каждой почти невозможно. И обществу, между прочим, требуются не одни только туфли и сапоги...

Рыночная экономика и описывающая ее экономическая теория хорошо учитывают все эти моменты и на практике легко справляются с такими трудностями, устанавливая оптимальные ценовые соотношения. В этом и заключена сила экономикс. Поэтому по мере усложнения производств все труднее и труднее становится сохранять систему командной экономики.

Иноземцев: Да, конечно... Но я хотел бы вернуться немного назад. В первой половине XX века повсюду в мире экономисты высказывали озабоченность формированием монополистического капитализма (или, напротив, выражали свое удовлетворение,

считая его «последней фазой загнивания» буржуазного строя). Предполагалось, что концентрация капитала в короткие сроки обеспечит появление гигантских монополистических объединений, которые смогут положить конец всякой конкуренции. Но если такие прогнозы и сбылись, то только в социалистических странах. В большинстве же индустриально развитых государств длинные монополии не сложились ни в одной отрасли. В США действуют сегодня самые крупные автомобильные компании – General Motors и Ford, – или самая большая компания по производству безалкогольных напитков – Coca-Cola. Но разве соответствующие рынки монополизированы? Конечно, нет. Да, брендинг стал важным инструментом продвижения товара, но следует ли считать его чисто экономическим инструментом? На мой взгляд, в нем гораздо больше неэкономических элементов, которые-то и обеспечивают успех того или иного продукта у потребителя.

На самом деле рекламные кампании редко строятся на призывах к банальной экономии; они, скорее, эксплуатируют определенные стереотипы сознания. Мне вспоминается отличная рекламная акция Pepsi, проведенная в Париже накануне чемпионата мира по футболу 1998 года. Тогда Coca-Cola, заплатив огромные деньги, получила право называть свою продукцию «официальным напитком чемпионата». Pepsi, не платя организаторам ни цента, зарезервировала десятки рекламных щитов, которые до дня открытия первенства оставались пустыми. Но вдруг потом на них на всех возникло изображение неформальной тусовки счастливых молодых людей, пьющих Pepsi, со слоганом «Pepsi – неофициальный напиток чемпионата мира!» А люди повсюду устали от «официальности». И Coca-Cola впервые проиграла Pepsi по объемам продаж в эти летние месяцы. Причем тут экономика? Разве не были в данном случае задействованы в полном смысле слова неэкономические факторы и стимулы?

Белл: «Неэкономический» – скользкое словечко. Сегодня крупные компании стремятся прежде всего либо ограничить определенные потребности потребителя, либо актуализировать их. В самой простой ситуации цена продукта определяется издержками производства, к которым прибавляется некоторая усредненная прибыль. Если вы идете в магазин за «просто мылом», то обращаете внима-

ние прежде всего на цену. Но если вы более требовательны, вы купите мыло, которое вам когда-то уже понравилось, а если все сорта почти одинаковы, то скорее всего – то, о котором откуда-то слышали. Здесь и проявляется значение бренда. Он как бы сужает круг выбора. Приходя в магазин за моющим средством, вы наверняка купите Tide или Lite. Конкуренция перемещается из сферы производства самого продукта в сферу «производства» его названия. А это может радикально увеличивать издержки.

В результате рыночные цены все меньше соотносятся с себестоимостью продукции, которая все реже появляется на рынке без соответствующего бренда. Это относится даже к совершенно стандартным продуктам – к таким, скажем, как соль. Лет тридцать назад вы заходили в магазин и просили фунт соли. Сейчас считается хорошим вкусом покупать соль фирмы Morton. Но сильно ли она отличается от той, что мы покупали прежде? И вообще, как она может от нее отличаться? Однако получается, что даже продажи самых обычных товаров начинают контролироваться производителями брендов. Стоит ли называть это явление неэкономическим? Если и да, то только потому, что мы имеем дело с нарастающим отклонением цен от реальных, экономически обоснованных издержек.

Иноземцев: Как бы все это ни было интересно, предложу вернуться к теме успешности рыночной экономики в массовом производстве стандартизированных товаров. В последние десятилетия страны, наиболее успешные в экономическом отношении (в традиционном смысле этого слова), не слишком-то преуспевают в индустриальном производстве. Скорее наоборот: из Соединенных Штатов и Европы производства в массовом порядке переносятся в развивающиеся страны, а «индустриально развитые» государства практически закрывают целые отрасли промышленности. Можно ли говорить, что экономика классического типа смещается на периферию по мере «постиндустриализации» Запада? И еще: не является ли это перенесение производств главной движущей силой глобализации? Не определяется ли современная глобализация прежде всего следствием сокращения «экономической» составляющей народного хозяйства западных государств?

Белл: Я бы сказал, что тон тут задают производители, которые стремятся найти новые рынки для своей продукции, а заодно и контролировать их. Взять хотя бы пример с товаром, почти столь же однородным, как и уже упоминавшаяся мною соль, – с нефтью. Да, бывает нефть марки Brent, есть легкая техасская нефть, нефть из Северного моря и так далее – но нефть все равно остается нефтью. Какие особенные продукты производит Exxon, чтобы они отличались от продукции Shell? Если они и различаются, то мало заметными добавками или присадками. Но эти компании делят рынки развитых стран, становятся символами качества – и получают огромные прибыли, которые инвестируют в поиск и эксплуатацию очередных месторождений вне зависимости от того, где они находятся. И все равно полученная в разных концах мира нефть превращается в бензин или масла под знакомыми потребителям именами Exxon и Shell.

Или иной пример. В середине 70-х годов в Австралии был достигнут такой высокий уровень жизни, что началось быстрое сокращение рабочего времени. Выяснилось, что предпринимателям очень трудно мотивировать работников повышением заработной платы: они не хотели работать больше ни за какие деньги. Компании начали искать выход из возникшей проблемы. Вы знаете, какое решение было найдено?

Иноземцев: Нет.

Белл: Началось быстрое развитие отраслей, так или иначе связанных с производством бытовой техники. При этом реклама стремительно переориентировалась на женщин, которые в то время еще не были в таких масштабах, как сейчас, вовлечены в трудовую деятельность. «Почему бы вам не купить новую стиральную машину?» – вопрошала одна реклама. «Посмотрите, как отлично вписалась бы в вашу кухню новая микроволновка!» – зазывала другая. К тому же постоянно подчеркивалось, что австралийцам еще далеко до американок, в домах которых все эти вещи стали уже привычными. И что бы Вы думали? Социологические опросы показали, что жены стали насаждать на своих мужей, требуя купить им то и это. И главы семейств к началу 80-х стали работать заметно дольше.

Я не шучу – все это было на самом деле. То есть сначала нужно создать потребность в чем-то, а потом добиться, чтобы она оттеснила на второй план некоторые из имевшихся прежде. Так вы порождаете спрос. А за предложением дело не станет. Является ли все это экономикой в строгом смысле слова? И да, и нет. Вы пытаетесь изменить человеческие предпочтения, сформировать новые потребности. Вы используете для этого свои знания о стереотипах поведения, особенностях индивидуальной психологии. Конечно, здесь уже нет и речи о той экономике, пределом которой была интенсификация производства примитивных потребительских товаров, позволявшая выбрасывать их на рынок во все больших масштабах и по постоянно снижающимся ценам.

Иноземцев: Понятно. Но помимо новых человеческих потребностей, экономика XXI века отличается от классического индустриального хозяйства еще и новой экономической географией. Хотя составляющие «триаду» регионы остались прежними – это Соединенные Штаты, Западная Европа и Япония (которой на пятки сегодня наступает Китай), – возникли «новые индустриальные страны», да и вообще высокотехнологичные производства распределены сегодня по миру более равномерно, чем полвека назад. Но сейчас все говорят о глобализации, изображая мир чуть ли не «плоским». Какова же природа глобализации и ее основы? Можно ли говорить, что глобализация рубежа тысячелетий стала элементарным следствием распространения новых технологий – коммуникационных, компьютерных, транспортных? Или, напротив, ее причиной было стремление бизнеса вырваться за национальные рамки, а технологии лишь выполнили роль средства? Что стало толчком к быстрому нарастанию взаимозависимости в мире? Экономические факторы или неэкономические? И еще: имеет ли глобализация некий «центр», из которого она управляется, или же мы столкнулись со стихийным и бесконтрольным процессом?

Белл: Я обратил бы Ваше внимание на одно дополнительное обстоятельство, которое попытался недавно отметить в своем предисловии к очередному изданию книги «Грядущее постиндустриальное общество». Это обстоятельство связано со стандартизацией

производства и приданием ему массового характера. Жизнь любого продукта распадается на две части: сначала его изобретают, запускают в серию и знакомят с ним потребителей; затем добиваются оптимизации производства и наращивают масштабы выпуска. На этой второй фазе принципиальной задачей является сокращение издержек. И если разработан стандартный процесс, то совершенно неважно, где осуществляется производство, – ведь для этого уже не нужно обладать специальными знаниями.

Китай, а еще раньше Япония, ворвались в мировую экономику потому, что наращивание производства стандартизированных благ может идти только вместе со снижением издержек. Новые центры экономического роста возникают там, где есть возможность экономии на издержках. В конце XIX века Великобритания была самой мощной державой мира – и не в последнюю очередь потому, что ведущими отраслями являлись угледобыча и металлургия, а Англия просто-таки лежит на залежах угля. Но уже в первой половине XX века возникли новые производственные технологии, прежде всего – химия и автомобилестроение, и тут главные достижения остались за Германией и Соединенными Штатами. США в общем и целом лучше других стран использовали в прошлом столетии преимущества, открываемые перед экономикой массовым индустриальным производством – и это открыло им огромные возможности.

Затем центр массового производства сместился на Восток, и Япония в 70-е годы стала догонять Америку по экономической мощи, пользуясь ее добровольной деиндустриализацией. В свое время Великобритания была главным центром судостроения в мире, но сегодня там почти нет корабельных верфей. В середине века мы строили больше кораблей, чем кто-либо еще, – но сейчас верфи сохранились почти исключительно на военных базах. Вся отрасль переместилась сначала в Японию, а потом в Южную Корею. В последние годы Китай стремится отобрать у них лидерство и в этой индустрии. Это просто один из примеров того, как в процессе экономического развития стандартизация – особенно производство дистрибутивных благ – позволяет прежде отстающим странам в относительно короткие сроки наращивать промышленный потенциал.

Но глобализация не сводится к деллокализации и аутсорсингу – и мы уже говорили об этом. Она не представляет собой какой-то развернутый, масштабированный вариант международной экономики. Международная экономика происходит из того, что Иммануэль Валлерстайн предпочитает называть «мир-системами»: из особых конгломератов, объединяющих добывающие и производящие экономики. Несколько иная конфигурация возникает там, где формируется специализация, основанная на особых умениях или выгодном географическом положении. В период позднего Средневековья, как известно, Англия продавала имевшуюся у нее в избытке шерсть Флоренции и другим итальянским городам, где ее перерабатывали в качественные ткани, а затем уже торговали ими по всему Средиземноморью.

В условиях глобализации – и этим они отличаются от тех, что создаются экономическими взаимосвязями между отдельными странами, – весь мир превращается в единый рынок, и все цены устанавливаются уже не соглашениями между отдельными производителями или странами, а в результате объективного соотношения спроса и предложения. В такой ситуации каждая страна неизбежно оказывается частью этой глобальной системы. Вопрос о том, участвовать в ней или нет, вообще не стоит.

На первый план выходит противоречие между экономикой и политикой. В интересах предпринимателей оказывается постоянное перемещение производств и сокращение применяемой в развитых странах рабочей силы, чему политики по понятным причинам стремятся препятствовать – причем обычно посредством тарифного и таможенного регулирования, которое оказывается недейственным в новых условиях. Поэтому сейчас наиболее активно используется противоположная тактика – субсидирование собственных производителей и создание для них особо выгодного налогового режима, хотя и этот прием сталкивается с нарастающим сопротивлением со стороны как других стран, так и, например, ВТО.

По мере того как международная торговля уступает место единому глобальному рынку, единственным инструментом «выживания» становится специализация. Взгляните, например, на текстильную индустрию, на ту отрасль, которая исторически формировала облик международной торговли еще со времен Великого шелкового

пути. В XX веке центры текстильного производства стремительно переместились в Азию, прежде всего – в Китай. Сегодня именно там производится большая часть всей одежды, которую носят в мире. Даже знаменитые джинсы наших ведущих марок уже не шьют в Америке. Что можно этому противопоставить? Индустрию моды. Можно специализироваться в том, чего нельзя скопировать. Италия и Франция остаются ведущими игроками на рынке обуви и одежды, потому что контролируют верхний сегмент рынка, потому, что задают стандарты моды. Они сделали рынок особым, фактически переведя одежду из категории дистрибутивных благ в категорию статусных, противопоставив массовому производству особые «ниши», которых, в принципе, может быть бесконечно много и которые, по сути, не конкурируют друг с другом. Этот прием позволяет избежать маргинализации, которая оказалась бы неизбежной в случае, если бы отрасль продолжила свое развитие по пути массового производства. Специализация встает на пути аутсорсинга и развития в направлении постоянного снижения издержек.

Посмотрите на самую, казалось бы, мелкую мелочь – духи, парфюмерию. Сейчас себестоимость парфюма не достигает и пятой части его оптовой цены – остальное складывается из затрат на дизайн флаконов и упаковки, разработку и проведение рекламных кампаний и акций, создание и раскручивание новых брендов. Но запахов не может быть бесконечное множество, а люди постоянно стремятся к чему-то новому. Давно уже я читал замечательную книгу (не помню, была она переводом с французского или итальянского) под названием «Духи», которая описывала развитие парфюмерии с древних времен до наших дней. Замечательная книга, показывающая роль творческого начала, оригинальности и изобретательности в обеспечении экономического процветания! В наши дни это особенно важно, так как только обращаясь к ним, можно сделать отрасли промышленности, а иногда и целые страны неподверженными превратностям глобальной конкуренции. Сегодня творчество и изобретательность становятся залогом экономического выживания.

В мире массовых производства и потребления чрезвычайно важно быть оригинальным. Приведу следующую аналогию. Во вре-

мя Второй мировой войны британцы потратили много сил на то, чтоб расшифровать коды переговоров, которые вели между собой командиры германских подводных лодок, – в конце концов им это удалось, хотя в том была заслуга не столько дешифровщиков, сколько военных моряков, захвативших одну из подводных лодок. Немцы тоже взломали несколько английских шифров. Американцы расшифровывали даже японские кодировки. Но немцы и японцы не смогли расшифровать наши. Знаете, почему?

Иноземцев: Нет.

Белл: Потому что наши коды были основаны на языке индейцев навахо – небольшого племени, чьи потомки живут в Аризоне и Нью-Мексико. Этот язык принципиально отличается от большинства языков, сегодня относительно широко употребляющихся в мире. Практически во всех них отдельные звуки употребляются с разной частотой, и именно на частоте употребления звуков обычно строится работа дешифровщиков. Но язык навахо не знает этого: почти все звуки используются в нем одинаково часто. В каком-то смысле это простейший из существующих языков, как раз поэтому к основным на нем кодам и не смогли подступиться враги.

Такой же метод должен лежать в основе современного эффективного маркетинга: вы должны уметь делать нечто такое, что не может быть симитировано и внутренняя сложность чего не поддается копированию. Я добавил бы к этому, что статусные товары в целом не предполагают массовости – но именно поэтому необходимы огромные усилия и недюжинные творческие способности, чтобы сделать их производство основой экономики целой страны. Зато, если такой замысел удастся, страна займет совершенно особое место в глобальном хозяйстве. К сожалению, среди современных экономистов на это обращают внимание лишь немногие...

Иноземцев: Не могли бы Вы объяснить, почему американцы, проявившие, по Вашим словам, столько изобретательности в защите своих военных секретов в годы Второй мировой войны, сегодня низвели собственную экономику до производства самых что ни на есть массовых и неоригинальных товаров?

Посмотрите на Европу. Согласно статистическим данным, от 65 до 70% всего товарооборота между европейскими странами приходится на торговлю продукцией одних и тех же отраслей промышленности. Французы продают в Германию свои автомобили и покупают немецкие; итальянцы поставляют во Францию свою одежду и покупают французскую; в каждом супермаркете можно встретить печенье или колбасы из пяти-шести стран одновременно. При этом в торговле с внешним миром наблюдается то же самое: итальянцы продают в Китай высокотехнологичную обувь и покупают пляжные шлепанцы и домашние тапочки; французы наводнили азиатские страны одеждой и парфюмерией и ввозят дешевые ткани; немцы продают свою машиностроительную продукцию в Азию, вывозя оттуда электротовары, и т. д. По сути, европейцы как раз и пошли по тому пути, о котором Вы говорите, – они нашли уникальные ниши и «зарабатывают» их.

Напротив, в США только 20% экспортно-импортного оборота приходится на товары одних и тех же групп. Америка экспортирует как высокотехнологичные товары, подобные самолетам Boeing или программам Microsoft, так и те, что активно дотируются правительством, в первую очередь – аграрную продукцию, а ввозит дешевые потребительские товары, произведенные, как Вы правильно заметили, там, где цены на сырье и рабочую силу особенно низки. Но оказывается, что Соединенные Штаты пытаются конкурировать именно на рынке массовой продукции. Если спросить кого-нибудь в любой стране мира, какие американские бренды ему известны, человек скорее всего назовет Coca-Cola, Microsoft, Nike, McDonald's, может быть – еще Ford или General Electric. На такой же вопрос о европейских брендах почти наверняка вспомнятся Mercedes и Rolls-Royce, Gucci и Dior, Ferrari и Lamborghini, Cartier и Graff, Rolex и Patek Philippe. Даже европейские продукты, в которых, скажем прямо, оригинальности меньше, чем шарма, – сыр рокфор или минеральные воды типа Perrier и Evian, пармская ветчина и много чего еще – известны во всем мире. Мы сталкиваемся с диаметрально различными подходами к конкуренции в данном случае. Как можно это объяснить?

И еще. Производя статусные блага, европейцы отчасти гарантируют себя от подделок. Чтобы показать свое богатство, «новые

китайцы» и «новые русские» пьют дорогие виски и коньяки, хотя могли бы запросто набраться рисовой водки и самогона, – благо разбогатели в большинстве своем совсем недавно и еще не забыли их вкуса. Но нет. Тому, кто хочет сделать девушке хороший подарок, не придет в голову купить ей подделку под сумку Gucci или Louis Vuitton. И так далее. А какая вам разница, покупаете ли вы для джоггинга фирменные Nike или китайские Nikke, вставляете ли в компьютер лицензионный диск с программами Microsoft или пиратскую копию? Ведь и кроссовки вам не жмут, и пиратская программа работает ничем не хуже обычной. То же самое касается и фильмов, и музыкальных дисков.

Не возникает ли у Вас ощущения, что Соединенные Штаты, производящие не только массовые, но к тому же и бесппроблемно копируемые и тиражируемые товары, обрекли себя на заведомое поражение в конкурентной борьбе с соседями? Вы не можете ничего противопоставить растущему импорту из Азии, так как вся привязанность потребителей к американским товарам трансформируется в их готовность покупать подделки, вполне сопоставимые с ними по качеству. Постоянно рекламируя по миру Nike и Microsoft, вы облегчаете жизнь малазийским, китайским и вьетнамским предпринимателям, изготавливающим спортивную обувь по вашим лекалам, да еще разного рода компьютерным гениям, без конца соревнующимся друг с другом в том, кто более умелым образом скачает новую программу так, чтобы ее потом можно было установить на сотни компьютеров, где она работала бы не хуже подлинной. На что надеется Америка в подобной ситуации?

Белл: Мне трудно ответить на Ваш вопрос, так как я не слишком хорошо представляю себе динамику международной торговли, чтобы точно сказать, почему все происходит именно так. Но интуитивно я понимаю: все Вами сказанное относится, по сути, только к традиционным товарам, к обычной промышленной продукции; в прорывных, новых отраслях настоящая производственная экспансия еще не началась. Между тем в новом столетии одной из наиболее динамичных окажется биотехнологическая промышленность; те же М. Хардт и А. Негри совершенно правы, когда говорят, что жизнь является формой биопроизводства, и

это почти наверняка станет общепризнанным – причем в недалеком будущем.

На экономическом «фронте» мы сталкиваемся с серьезным противодействием распространению генетически модифицированных продуктов, причем исходящим в первую очередь от Европы. Но посмотрите на те результаты, которых достигли в Monsanto и других крупных компаниях, занимающихся разработкой генетически видоизмененных семян растений. Эти результаты очень впечатляют. Биотехнология позволяет многократно повышать урожайность и делает сельскохозяйственные культуры устойчивыми к вредителям – и это без применения химических удобрений! Мы в Соединенных Штатах придаем огромное значение разработкам в области биотехнологий. В случае успеха возможен настоящий переворот в сельском хозяйстве, вследствие которого оно обретет индустриальные черты, коль скоро сырье (точнее, семена) будет производиться в промышленном масштабе высокотехнологичными компаниями. Это в своем роде тоже станет массовым производством, но копировать его результаты будет весьма сложно, так как модифицированный посадочный материал не воспроизводит этих качеств в новых плодах и семенах. То есть если раньше вы просто собирали урожай, откладывали часть на новые посевы, и так – каждый год, то теперь вы покупаете семена у крупных специализированных фирм, которые сейчас занимают лидирующие позиции в отрасли.

Биотехнологическая революция, считаю я, приведет к кардинальным переменам в двух сферах. С одной стороны, это сельское хозяйство, с другой – фармацевтика. Здравоохранение уже стало или в ближайшее время станет одной из ведущих отраслей практически во всех развитых странах. И это понятно: с повышением уровня жизни люди живут дольше – а старея, они неизбежно становятся более подверженными различным недугам. К тому же люди обуреваемы идеями «безопасности», а болезней становится все больше. Мы стремимся справиться с раком и СПИДом, атипичной пневмонией и лихорадкой Эбола. И, скажу я Вам, ни в аграрном, ни в фармацевтическом секторах у развивающихся стран, которые так эффективны в производстве транзисторных приемников и детских игрушек, нет никаких козырей. Так что я бы не стал переоценивать нашу экономическую «незащищенность» перед всеми ними.

Кроме того, критически важной отраслью на протяжении всего XXI века останется освоение космоса. Россия занимает здесь лидирующие позиции. Американцы также продвинулись далеко вперед в этой области. У европейцев есть свое космическое агентство. Но освоение космоса – это не прелюдия к колонизации Луны или Марса; это использование околоземного пространства для облегчения нашей собственной повседневной жизни. Телевидение и связь обеспечиваются космическими спутниками. Сейчас все больше автомобилей оснащаются навигационными системами, позволяющими водителям ориентироваться даже в незнакомой местности. Из космоса находят новые месторождения полезных ископаемых и обнаруживают косяки промысловых рыб. Все это непосредственно зависит от состояния и степени развития информационных технологий.

Интернет возник в свое время из системы связи, созданной американскими военными, работавшими в рамках Агентства по исследовательским проектам в области обороны¹⁴⁰, руководимого уже упомя-

¹⁴⁰ Агентство по исследовательским проектам в области обороны (Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA) было создано по указанию президента Д. Эйзенхауэра в 1958 г. в ответ на запуск в СССР первого искусственного спутника Земли с целью организовывать обеспечение армии США новейшими научно-техническими разработками. Сегодня в Агентстве, подчиняющемся непосредственно министру обороны США и распоряжающемся средствами в 2 млрд. долл. в год, работают около 240 человек. Центральный офис агентства располагается в Арлингтоне, штат Вирджиния.

¹⁴¹ Имеется в виду фраза Э. Гора о том, что «я взял на себя инициативу по созданию интернета», сказанная им в вечерней передаче с В. Блитцгером на CNN 9 марта 1999 г. Э. Гор имел в виду, что он был инициатором внесения в Конгресс и принятия так называемого «закона Гора», как часто называют High Performance Computing and Communication Act of 1991, принятый 9 декабря 1991 г. и открывший путь использованию компьютерных коммуникационных сетей в гражданской сфере.

нутым мною Дж. Винером. (Если Вы помните, он возглавил потом группу экспертов, которым было поручено оценить, проводилось ли над Южной Атлантикой испытание ядерного оружия.) Специалисты агентства объединили в общую сеть все армейские подразделения и штабы, что позволило военным и курирующим их гражданским лицам общаться в режиме реального времени. По сути, они построили первую продвинутую коммуникационную сеть. И только намного позже явился Эл Гур, который позволил себе заявить, что это он создал интернет¹⁴¹!.. Хотя, признаться, в чем-то он и прав, так как именно он предложил изменения в законодательстве, позволившие разрушить монополию военных на ис-

пользование сети и допустившие к ней большинство американских университетов.

И с тех пор сеть развивается экспоненциальным образом. Через нее общается все больше и больше людей. Все больше и больше товаров продается через интернет. Новая степень открытости обществ оставляет меньше возможностей для тоталитарных режимов контролировать распространение информации. Интернет уже породил больше торговых марок и знаковых имен, чем собственно производство компьютеров. Можно покупать книги и подарки через Amazon, заказывать гостиницы и билеты через Orbitz, узнавать последние новости через сайты новостных агентств, искать необходимую вам информацию через поисковые системы Yahoo! и Google. И хотя объем торговли в интернете пока не обрел решающего значения для экономики какой-либо из стран, вопрос состоит не в количественных показателях, а в способности создавать новые технологии. Эта способность к инновациям присуща сегодня Соединенным Штатам, России, Японии, отчасти Германии – но мало кому еще. А в Китае или Южной Корее даже стремительный рост образованности населения не привел к существенному повышению креативного потенциала нации. И поэтому я еще раз повторю: время западной цивилизации не истекло.

Имея Всемирную паутину, вы не просто пользуетесь компьютером как пишущей машинкой или средством обработки информации, но становитесь участником глобального информационного обмена. Формирование этих сетей общения – не тот процесс, в котором африканские или другие слаборазвитые страны играют заметную роль. Поэтому я отмечу значение того различия, о котором говорю уже много лет: различия между изобретением, нововведением и их распространением. Изобретение практически всегда становится следствием очередного успеха теоретической науки, развитием возможностей, основанных на естественнонаучных закономерностях. Например, радарная установка, созданная прежде всего для военных целей, вначале была в деталях описана физиками-теоретиками. Транзистор также стал результатом длительных теоретических исследований, хотя в этом случае роль прикладных работ была намного большей. Однако и в

том, и в другом случаях изобретения были обусловлены научным прогрессом.

Нововведение характеризуется способностью коллективов и организаций использовать результаты научных исследований. Известно, например, что IBM вложила гигантские средства в разработку и совершенствование стационарных вычислительных машин, и когда компания смогла начать производство персональных компьютеров, у нее не было программ, которые позволили бы среднестатистическим пользователям работать на новой технике. И тут, как все мы знаем, появились молодые люди из Microsoft – и все сразу же радикально поменялось...

Итак, нововведения организационно адаптивны. Изобретения непосредственно основаны на научных исследованиях. А распространение новых продуктов прежде всего зависит от их цены и объема платежеспособного спроса. Поэтому общий ход технологического прогресса (в том виде, в каком этот прогресс становится заметен для общества) определяется динамикой трех факторов: изобретений, нововведений и распространения новых продуктов и процессов. Основой его остаются научные исследования, но роль социальных и организационных структур, обеспечивающих внедрение и распространение технических новшеств, не только не сокращается, но, напротив, растет. Возникают продукты и услуги, потребность в которых вроде бы очевидна, но не артикулируется самими потенциальными пользователями. Например, у массы людей сегодня есть персональные компьютеры с кучей важной информации. Но любой компьютер может сломаться или пропасть. Все знают, какие печальные последствия это имеет, но делать нечего. И тут возникают компании-хранители информации, которые предлагают размещать ваши данные на их серверах и гарантируют их сохранность и конфиденциальность. Спрос на такие услуги сразу же в несколько раз превосходит самые оптимистические оценки. И я думаю, что таких возможностей для бизнеса сегодня как никогда много.

Иноземцев: Согласен, что потенциал западной цивилизации не исчерпан, и не будет исчерпан в ближайшие десятилетия. Но я продолжил бы Вашу мысль и заметил, что в последние годы весь

мир начинает делиться на различные регионы, или зоны, и одну из них можно назвать «зоной инноваций» (к ней следовало бы отнести США и страны Западной Европы), другую – «производственной зоной» (в нее вошли бы Япония, Китай, страны Юго-Восточной Азии и с некоторыми оговорками – ведущие государства Латинской Америки), третью – «ареалом распространения», где все эти новые продукты и технологии потребляются, но не производятся. В большинстве случаев страны этой третьей «зоны» попросту выменивают высокотехнологичные продукты за определенные товары и услуги, преимущественно – за разные виды сырья. Это порождает неравномерность глобального развития и ведет к углублению неравенства между регионами мира, и без того серьезного как никогда.

Более того. Каждая из зон имеет специфический механизм воспроизводства. Если страна занимается добычей сырья, то она продает невозполнимые ресурсы, которые рано или поздно закончатся, а с ними закончится и период ее благополучия. Если основной продукцией являются промышленные товары, это значит, что для производства каждой новой их единицы нужно затратить столько же сырья, энергии и труда, сколько и для создания предшествующей. Это в свою очередь предполагает, что расширение производства требует инвестиций, следовательно – сокращает текущее потребление и препятствует росту уровня жизни. Не секрет, что «быстрорастущие» страны Азии характеризуются высокой продолжительностью рабочего времени и запредельной долей накопления в валовом внутреннем продукте. Есть, наконец, третья – инновационная – модель, которая имеет как минимум два фундаментальных экономических отличия от всех других.

С одной стороны, производя новые технологии и экспортируя их, страны этой группы поставляют остальному миру товары, которых у них самих от этого не становится меньше. Создав новую программу, Microsoft может продать миллионы лицензионных копий – но сама программа останется его собственностью. Более того: вряд ли кто-нибудь, кроме самой Microsoft, сумеет ее квалифицированно усовершенствовать. Таким образом, эти страны обменивают копии своих продуктов на реальные товары, поступающие к ним из остального мира.

С другой стороны, одним из главных активов этих экономик становятся непосредственно занятые в них работники, их творческие способности, называемые порой «интеллектуальным капиталом». В таких условиях многие виды потребления обретают статус инвестиций в человека, т. е. производительных вложений, – и потому доля потребления в валовом внутреннем продукте может резко увеличиться без существенного ущерба, который это нанесло бы развивающимся индустриальным экономикам. Я не говорю уж, что потребности в информационных товарах и технологиях, в отличие от сырья или промышленных изделий, могут расширяться практически до бесконечности.

Поэтому еще раз подчеркну: согласен с Вами, что беспокоиться о судьбах западного мира не следует. Скорее надо задуматься о том, какие последствия может иметь быстрое углубление глобального неравенства, которому современное общество ничего не может пока противопоставить...

Белл: Это хорошая... многое объясняющая схема, очень последовательная, по крайней мере на первый взгляд. Я сопроводил бы ее одним замечанием. Возьмите Японию. Какие из тех товаров, которыми японцы заваливали мир в 70-е и 80-е годы, они изобрели сами? Да никаких. Все они были созданы и выведены на рынок в Соединенных Штатах или Западной Европе. Но тогда чем же «взяли» японцы? Качеством. Качество товаров – вот что было японским нововведением. Они брали известные изделия и доводили их до совершенства. И эта стратегия оказалась крайне эффективной. Ведь не секрет, что в то время качество американских товаров – например, автомобилей, – очень хромало. Говорили, что не дай вам бог купить машину, которая собрана на заводах в Детройте в пятницу или в понедельник. Знаете, почему?..

Иноземцев: Мне кажется, догадываюсь.

Белл: В конце недели многие работники брали отгулы, потому приходилось привлекать временных рабочих или подмастерьев. В понедельник все медленно входило в ритм новой недели. Да к тому же не самые качественные комплектующие привычно было

откладывать на конец недели. Поэтому японцам оказалось довольно просто закрепиться на рынке – тем более что их рабочие трудились чуть ли не как живые роботы... Японцы заняли свою нишу, и по мере того как правительство пыталось ограничить их экспансию, начали переносить часть производств в США. В результате теперь автозаводы в Детройте закрываются, а новым центром производства оказываются южные штаты, где профсоюзы исторически были намного слабее, а рабочая сила – не хуже, чем на севере. Вслед за японцами туда пришли и европейские автоконцерны¹⁴².

В то же время американцы никому не уступают своего первенства в биологических науках и здравоохранении. Поэтому сегодня до 60% всех исследовательских разработок европейских фармацевтических компаний осуществляются в Соединенных Штатах. Даже Roche, Novartis, Aventis и другие европейские компании проводят исследования именно в США – и в этом мы видим еще одно подтверждение нашей конкурентоспособности.

Иноземцев: Но я все же вернулся бы к более широкой картине. Мне кажется, что сегодня Запад, обеспечивший себе определенный вид монополии не только на знания и технологии, но прежде всего – на инфраструктуру глобальных коммуникаций и наиболее узнаваемые бренды, добивается тем самым поддержания своего рода «неэквивалентного обмена» на мировом рынке. Если кроссовки Nike производятся в Индонезии за 1 долл. и продаются в Нью-Йорке за 40–50 долл., то, по сути, цена на них устанавливается из расчета тех расценок на найм рабочей силы, которые характерны для Соединенных Штатов, а не бедной развивающейся страны. Здесь есть какая-то доля мошенничества. Я совершенно не пытаюсь поддержать анти- или альтерглобалистов, как бы они себя ни называли, но все же в пользу западного мира перераспределяется значительная часть добавленной стоимости, создаваемой в развивающихся странах. Если обратиться к статистике, она покажет, что более половины американского ВВП создается в сфере

¹⁴² В 1994 г. компания BMW выпустила первые автомобили на своем заводе в графстве Спартанбург (шт. Южная Каролина), а в 1996 г. DaimlerBenz начал производство автомобилей Mercedes в графстве Тускалоза (шт. Алабама).

оптовой и розничной торговли, финансовом секторе и риелторском бизнесе – то есть в операциях, затраты на которые принято называть транзакционными издержками. Не много ли?

Повторюсь: когда я говорю о неэквивалентности обмена, не имею в виду какого-то «грабежа» развивающихся стран. Сегодня Запад никого не принуждает покупать свои товары по завышенным ценам или продавать ему сырье за бесценок. Время военных угроз и политического давления тоже в значительной мере осталось позади. Но сегодня в мировом масштабе наблюдается нечто подобное выделению статусных товаров в самом развитом мире. Все, что происходит из Европы или Америки, становится (или воспринимается) в развивающихся странах либо как объект статусного потребления, либо как средство приобщения к инфраструктуре, созданной Западом (в эту категорию попадает, к примеру, программное обеспечение). В результате неравенство усугубляется – хотя в наше время его уже нельзя считать столь же несправедливым, как в колониальную эпоху.

Белл: Вы очень хорошо показали на этом примере, как возникает и нарастает противоречие между политикой и экономикой. Здесь, в Соединенных Штатах, правительство постоянно предпринимает меры к тому, чтобы не допустить в страну дешевые товары, произведенные в Африке или Азии. И это можно понять: правительство стремится предотвратить разорение национальных компаний и увольнение ими работников – ведь все они являются гражданами и потенциальными избирателями. Возникают

¹⁴³ Д. Белл имеет в виду выступления активистов антиглобалистских, экологических и профсоюзных организаций в Сиэтле 31 ноября – 2 декабря 1999 г., которые сорвали проходившую в городе сессию Всемирной торговой организации на уровне министров торговли стран-участниц.

многочисленные организации, выступающие в поддержку рабочих и отражающие их интересы. Именно они в наибольшей мере ответственны за демонстрации в Сиэтле¹⁴³. На национальном уровне многие из этих требований поддерживаются

Демократической партией. Однако в наше время нормы международной торговли вполне кодифицированы, и мы все чаще и чаще сталкиваемся с заявлениями развивающихся стран о том, что неправомерно пытаться закрыть наш рынок для их продукции.

Иногда Соединенные Штаты возражают против этого – причем на том основании, что в государствах, откуда поступают к нам те или иные товары, применяется подневольный труд или не соблюдаются нормы, установленные Международной организацией труда. «Именно это и делает ваши товары такими дешевыми», – говорит наш торговый представитель. Но не всегда это хороший аргумент. Ведь наши собственные компании, которые работают в этих странах, не стремятся платить работникам намного больше, чем там принято. Иное было бы просто странным.

Я был знаком с одной дамой, которая некоторое время была президентом одного из колледжей здесь, в Гарварде, и которой столь нелюбимая антиглобалистами фирма Nike предложила место в своем наблюдательном совете. Вскоре она сама попыталась разобраться в положении дел на заводах, расположенных на Филиппинах и во Вьетнаме, и пришла в ужас. Под ее влиянием были реализованы некоторые изменения, а заработная плата была кое-где повышена. Но Вы же прекрасно понимаете, что это просто капля в море. Сами развивающиеся страны далеко не во всех случаях заинтересованы в повышении заработной платы и жестком соблюдении трудового законодательства даже там, где оно есть. Ведь «естественной ценой» небольшого улучшения социальной ситуации в одной из отраслей может стать резкое падение конкурентоспособности страны в целом.

Однако постепенное изменение условий торговли остановить практически невозможно. Если мы хотим получить стандартизированный продукт – такой, например, как уют, – то наивно полагать, что его производство в Соединенных Штатах может быть более выгодным, чем где-нибудь в Китае. Рабочие места в нашей промышленности будут и впредь сокращаться, и с этим ничего не сделаешь. Это порождает глубинный конфликт между экономикой и политикой – конфликт, формирующийся вокруг вопроса о том, кто вынужден будет нести финансовое бремя этого непрекращающегося аутсорсинга. А бремя это не такое уж легкое. Достаточно посмотреть на условия сокращения части занятых на предприятиях автомобильной промышленности, которое последовало за событиями 11 сентября и сокращением спроса на автомобили. Владельцы заводов соглашаются выплачивать увольняе-

мым от 80 до 90% их нынешнего заработка на протяжении пяти лет (!) после увольнения. Разумеется, это станет предпринимателям наукой, и они в будущем много раз подумают, прежде чем открывать в Америке новые заводы и фабрики, – тем более в условиях современной глобализации. А она, повторю еще раз, основывается не на интенсифицирующихся межстрановых экономических взаимодействиях, а на едином глобальном рынке, не признающем исключений из правил.

7 «МЫ» И «ОНИ»: США И РОССИЯ

Иноземцев: На протяжении почти всей второй половины XX века США и Советский Союз были главными антагонистами в мировой политике. В начале нового столетия Россия представляет собой пусть и крупную, но региональную державу, тогда как Америку считают чуть ли не «глобальным гегемоном». Однако в последние годы некоторые политологи, в первую очередь европейские, причисляют наши страны к одной группе государств, причем критерием для такой классификации служит их отношение к миру. Так, например, Роберт Купер¹⁴⁴, известный британский эксперт, некоторое время назад занимавший пост советника Верховного представителя ЕС по внешней политике, выдвинул концепцию, согласно которой все страны мира можно разделить на три категории: страны, достигшие уровня развития европейских государств к началу периода модернити; современные страны, действующие как типичные европейские национальные государства; и страны эпохи постмодернити, к которым он относит, прежде всего государства ЕС отказывающиеся от своего суверенитета в пользу коллективных институтов и переосмысливающие общие принципы организации системы международных отношений.

В рамках этой концепции Соединенные Штаты, Россия и Китай относятся к типичным национальным государствам, которые вы-

¹⁴⁴ Роберт Купер (р. 1947) – британский дипломат и ученый, занимавший ряд постов в Форин-офисе, включая должности в посольствах Великобритании в Японии и Германии. В 2001–2002 гг. – специальный представитель Соединенного Королевства в Афганистане. С 2002 г. – директор управления по внешнеполитическим и военным вопросам при Совете ЕС.

соко ценят традиционные инструменты политического влияния, в том числе военную силу и контроль над ресурсами; действуют исходя из стратегии «баланса сил»; стремятся (или потенциально готовы) навязывать свою волю соседям и т. д. По мнению Роберта Купера, именно сходная «политическая психология» с одной стороны – США, а с другой – Советского Союза и России не давала и не дает нашим странам возможности стабильно сотрудничать друг с другом и оказывать позитивное влияние на развитие системы международных отношений в целом. Действительно ли Америка и Россия столь похожи в своем отношении к внешнему миру? Способна ли сегодня (или в будущем) каждая из наших стран извлечь уроки из истории?

Белл: Я не считаю полезными эти градации. Прежде всего этот подход не оставляет места Японии – стране, которая в некоторых аспектах более «современна», чем Россия, и столь же сдержанно относится к использованию силы в мировой политике, как Европейский Союз. Я, право, не очень понимаю, зачем автор предложил подобную классификацию? Что он хотел этим сказать? Быть современным – что это означает? Как отличаются эти «современные» страны от относимых к двум другим категориям, если не считать их поведения на международной арене? По-моему, одна из актуальных проблем сегодняшнего мира как раз и состоит в том, что все страны – еще не достигшие стандартов модернити, вполне современные и ищущие новых путей – оказались, по сути, уравнины и имеют по одному голосу в Организации Объединенных наций. И как, хочу я спросить, их предпочтения отражаются в такой классификации? Мне кажется, что никак. Просто по одним вопросам государства поддерживают Соединенные Штаты, по другим – пытаются им противостоять. А приведенная классификация менее всего характеризует их поведение.

Иноземцев: Позвольте возразить. Концепция Купера отмечает ряд существенных элементов сходства в поведении США и Советского Союза, а затем России. Например, Соединенные Штаты не раз и не два вводили санкции и даже осуществляли экономическую блокаду зарубежных государств (достаточно вспомнить Кубу); в России

то же можно видеть на примере Грузии. США существенно ограничили гражданские свободы под сомнительном предлогом войны с терроризмом; Россия предприняла такие же меры, причем даже пошла дальше. И Америка, и Россия стремятся упрочить свой контроль над «стратегически важными» для каждой из них регионами, и их интересы порой сталкиваются – как, например, в последние годы в постсоветской Средней Азии. При этом в большинстве случаев их поведение сильно отличается: от действий стран «третьего» мира – по масштабам, а от европейских государств – по логике. Иногда кажется, что и Соединенные Штаты, и Россия ведут себя в мире так, будто их руководители живут в обстановке конца XIX века, но никак не в глобализирующемся мире, где исчезают все и всяческие границы.

Белл: Существует, вынужден повторить, множество проблем, никак не затрагиваемых приведенной Вами классификацией. Я обратил внимание на Организацию Объединенных наций для того, чтобы показать: к какой бы категории Вы ни отнесли ту или иную страну, у нее все равно останется один-единственный голос в ООН. Отнесение государства к той или иной группе не отражает его интересов, равно как не определяет и отношений между отдельными странами. На мой взгляд, весьма значительной проблемой, с которой столкнулась современная Россия, оказалось то, что она не имеет больше сателлитов, которыми дирижировала в советскую эпоху: Венгрии, Румынии, Польши, стран Балтии. Я бы даже сказал, что и Украины. Россия осталась одна. И ее поведение заведомо отличается от курса, который она проводила в прежние годы, будучи ядром и основополагающей частью огромной советской империи.

Есть и другие проблемы. Насколько мне известно, в России произошел мощный всплеск насилия на межнациональной почве, возрождаются движения нацистов и бритоголовых. Это обретает большие масштабы, нежели в европейских странах, и несравнимые с тем, что мы имеем в Соединенных Штатах. Власти не могут или не хотят справиться с этим. Но в таком случае другие страны могут сказать российскому руководству: в международных делах вы ведете себя как «современное» государство, но во внутрен-

ней политике?.. И таких проблем может быть очень и очень много. Поэтому не вижу смысла в той классификации, о которой Вы рассказываете.

Иноземцев: Понятно. Но трудно все же не замечать, что государства (пусть мы и не будем делить их на группы, о которых я говорил) резко отличаются друг от друга не только во внешнеполитических действиях, но и, например, в отношении к контролю над природными ресурсами и их использованию. Сегодня США и Россия несоизмеримы по своему экономическому потенциалу и технологическому уровню, но почему-то именно они (и «примкнувший к ним» Китай) оказываются главными игроками в борьбе за контроль над полезными ископаемыми в самых разных регионах мира. Не знаю как Вам, но мне все это напоминает логику действия классических метрополий, стремившихся установить свое господство на территориях, богатых определенными ресурсами. Разумеется, ценность таких приобретений резко уменьшалась при снижении цен на соответствующие товары или даже исчезновение потребности в таковых; тем не менее сегодня, когда полезные ископаемые, прежде всего энергоносители, снова стоят очень дорого, в поведении «современных» держав нетрудно разглядеть типичные имперско-колониальные мотивы.

Белл: Да, многие сырьевые товары, в первую очередь нефть и газ, стали в последние годы расти в цене – прежде всего из-за устойчивого повышения спроса и регионализованного характера их добычи. В то же время эти высокие цены открывают перед нами и некоторые новые возможности, которые в полной мере проявятся тогда, когда потребители в Соединенных Штатах и в Европе смиряются с мыслью, что повышение цен не является временным или случайным, что нужно адаптироваться к новой реальности.

И тут я еще раз повторю тезис, который уже звучал в другом контексте: если в своем развитии страна зависит не от технологий и человеческого капитала, а от эксплуатации своих природных богатств, то все ее преимущества оказываются временными. В конечном счете ее влияние и мощь сойдут на нет при появлении субститутов, создании новых производственных технологий, кото-

рые позволят развитым странам избавиться от зависимости от того или иного редкого ресурса. Политические факторы могут даже ускорить этот инновационный процесс.

Вполне допускаю, что кандидат от Демократической партии на выборах 2008 года может сказать: наша экономика справляется с высокими ценами на нефть, но тем самым мы нарушаем баланс сил в мире. Давайте напряжемся и будем платить еще немного больше за органическое топливо или энергию, получаемую из возобновляемых источников, – при этом будем платить нашим собственным компаниям или хотя бы нашим друзьям – скажем, бразильцам! Зачем накачивать деньгами Россию или Саудовскую Аравию?

Я думаю, что такая вероятность существует. Я могу и ошибиться, но мне кажется, что эта тема станет очень популярной, как только люди перестанут надеяться на скорое снижение цен. Хотя, разумеется, все, кто постоянно вынужден ездить на автомобиле, начнут протестовать и выдвигать собственные требования. Но они могут быть обеспечены соответствующими субсидиями и дотациями. В любом случае считаю, что в будущем обладание ресурсами – в частности, нефтью – перестанет быть значимым фактором, обеспечивающим влияние в мире...

Иноземцев: Интересно. Но тут напрашивается «дополнительный» вопрос. Я не исключаю (хотя не уверен), что выборы 2008 года сможет выиграть кандидат, который убедит американцев не отдавать свои деньги русским или саудитам; я даже допускаю, что он сможет показать, что его программа реализуема технологически и экономически. Но не окажется ли в таком случае на волне успеха в 2012 или 2016 году тот кандидат, который заявит: давайте начнем выпускать больше собственных холодильников, видеотехники, игрушек и одежды! Неужели вам еще не надоело «спонсировать» этих наглых китайских коммунистов?!

Белл: Нет, не думаю, что к этим проблемам можно подходить с одних и тех же позиций. В случае с энергоносителями речь идет о монопольном статусе производителей – и потому для снижения зависимости от них необходимо более рационально и эффективно

использовать энергию, а также диверсифицировать ее источники. В случае с производством кондиционеров и игрушек мы имеем дело с сиюминутными конкурентными преимуществами отдельных стран, которые могут быть утрачены, если в конкуренцию ввяжутся другие государства.

Сегодня Китай производит дешевые товары среднего технологического уровня. Но он менее конкурентоспособен в более «высоких» с технологической точки зрения секторах – тех, в которых сейчас доминируют Япония, Австралия, отчасти Южная Корея. Этим странам, чтобы удержаться в данной нише, придется «ввозить» иммигрантов, соединяя свои технологические преимущества с относительно дешевой рабочей силой выходцев из-за рубежа. Такой процесс уже идет в Японии, хотя сами японцы пока еще стараются это отрицать. В пригородах Токио уже сейчас есть районы, разрастающиеся вокруг крупных промышленных предприятий, которые населены почти исключительно корейцами. Так что даже японцы начинают привлекать дешевую зарубежную рабочую силу. А страны Персидского Залива! Вся их строительная индустрия держится только на привозных рабочих из Пакистана и Индии! Если этим странам удастся обеспечить политическую стабильность и благоприятный инвестиционный климат, они вполне могут стать промышленными гигантами завтрашнего дня. Поэтому в этой сфере намного больше вариантов, чем принято считать.

Иноземцев: Мы коснулись перспектив выборов в США в 2008 году; в России президентские выборы тоже приходятся на 2008 год, хотя и пройдут несколько раньше – весной, а не в ноябре. И в связи с этим я хотел бы спросить: существует ли, на Ваш взгляд, какое-то сходство политических предпочтений российских граждан, которые выбрали президентом В. Путина в 2000-м и 2004-м годах, и американских, которые в те же годы проголосовали за Дж. Буша? Оба лидера похожи друг на друга в своей решительности, своем безапелляционном отстаивании права своих стран на полную независимость во внешней политике, в своем «черно-белом» видении мира да и во многом другом. Можно ли говорить, что за обоими президентами стоят похожие друг на друга политические

силы? Насколько сходна (или об этом вообще невозможно говорить?) политическая конъюнктура в современных Соединенных Штатах и нынешней России?

Белл: Я не усматриваю сходства в политической конъюнктуре – прежде всего потому, что не вижу в России силы (или, возможно, я просто ничего не знаю о ней), которая отражала бы интересы высококвалифицированных представителей среднего класса, технической интеллигенции или менеджеров, особенно – проживающих в крупных городах. В Соединенных Штатах их интересы традиционно представляет Демократическая партия, но в России, мне кажется, сегодня нет политической силы, типа той, что стояла у нас за Джоном Керри, а теперь – за Хиллари Клинтон. Некоторые могут говорить, что в России ее аналогом можно считать партию Г. Явлинского, – но она чрезвычайно слаба, а ее социальная база узка и не имеет никаких шансов расшириться. Поэтому я не сравнивал бы ситуацию в наших странах.

То же самое относится и к сторонникам действующей власти в Америке и России. Путин активно эксплуатирует тему возрождения национального величия и статуса России – настолько активно, что порой санкционирует откровенно националистические практики. И я думаю, что националистическая составляющая в риторике российской правящей элиты будет только нарастать. Здесь, в Америке, ситуация выглядит иначе, так как подобные призывы и основанная на них политика могут ударить по самим их инициаторам. Люди уже сейчас говорят: на кой нам такое величие Америки, из-за которого мы торчим в иракских песках, а во всем мире нас начинают ненавидеть? Да и налоги растут, увеличивается государственный долг... Поэтому я вполне допускаю возвращение к определенной интравертности и «закрыванию» от внешнего мира.

Некоторым сходством может считаться религиозная составляющая. Если я не ошибаюсь, российские власти активно заигрывают с церковью, и среди религиозной части общества это находит живой отклик. В Соединенных Штатах Республиканская партия также опирается на наиболее воцерковленную часть населения, однако этот фактор я не стал бы переоценивать. Сегодня сторон-

ники традиционных христианских течений, а также евангелисты составляют 45–50% населения США. Когда сейчас говорят об усилении влияния евангелистов, это не очень соответствует реальному положению дел. Они и в прошлые десятилетия составляли 20–25% американцев, как и сегодня. Вопрос, скорее, состоит в активной политизации этой части общества, в том, что ей удалось установить контроль над Республиканской партией, а также в том, что именно эта часть населения определяет исход праймериз практически во всех преимущественно республиканских штатах – то есть получает полный контроль над выдвижением кандидата на пост президента от этой партии. Но я не стал бы говорить, что голоса именно христиан-евангелистов, которые придерживаются крайне консервативных взглядов, могут определить общий исход президентской кампании.

Иноземцев: Действительно, большинство граждан в Соединенных Штатах более индифферентно относятся к внешнеполитическим проблемам, нежели в России. Однако не думаю, что американцев совсем не беспокоит антиамериканизм, который стремительно распространяется в мире, – по крайней мере о такой обеспокоенности я слышал от многих своих знакомых американцев. Вряд ли Америке безразлично, что во всем мире ее постепенно начинают не столько бояться, сколько ненавидеть. В Европе (да и не только) на полках магазинов уже встречаются своеобразные «антологии антиамериканизма», показывающие, как стремительно нарастают в мире соответствующие настроения...

И здесь я тоже провел бы некоторые аналогии с российской ситуацией. Сегодня российские власти, вдоволь упражняющиеся в агрессивной риторике, очень редко переходят во внешней политике от слов к делу, оправдывая порой свое бездействие какими-либо обстоятельствами, похожими на случайные. Объективно Россия сдает свои позиции в мире и ее мало кто боится, – но антироссийские настроения становятся все сильнее не только в Восточной Европе, но даже в республиках бывшего СССР.

Какими, на Ваш взгляд, могут быть варианты преодоления негативного отношения к нашим странам, которое формируется в современном мире?

Белл: В мире нет и не было антиамериканизма как такового. Успехи и достижения Америки широко признаются и высоко ценятся – достаточно взять хотя бы киноиндустрию, спорт, популярную музыку... Скорее нужно говорить о том, что когда какая-то страна становится доминирующей и затем начинает действовать так, будто ей все дозволено, это неизбежно вызывает отторжение, если не сопротивление. В этом нет ничего нового.

Вы, наверное, знаете, что на протяжении десятков лет в самих Соединенных Штатах были очень сильны антияпонские настроения. Япония считалась источником опасности – военной и экономической. В годы войны все американские граждане японского происхождения были даже временно интернированы. Где эти настроения сегодня? Их нет и в помине. Американские города заполнены японскими ресторанами, мы ездим на японских автомобилях, читаем книги японских романистов. Зато в последнее время рост антияпонских чувств наблюдается в Китае. Почему? Прежде всего потому, что Китай ощущает себя усиливающейся державой и стремится «изобличать» своего основного конкурента. Отсюда и постоянное напоминание о резне в Нанкине, о японских преступлениях времен войны и т. д.

Названная Вами проблема – во многом проблема масштаба и мощи. Все говорит именно о том, что неприятие более сильных – первое чувство, которое подспудно ощущают те, кто от них зависит или их опасается. И я думаю, что как только упадок американского могущества станет очевиден, антиамериканизм во всем мире пойдет на спад.

Вы совершенно правы в том, что нечто подобное ощущают и россияне, – причем именно по тем же причинам. Здесь, в Америке, нередко пишут о всплесках антироссийских настроений в Польше или Венгрии, но гораздо чаще – в балтийских странах, о проблемах, возникающих в Таллине или Риге. Почему это происходит? Людям трудно забыть, кто был сильнее их на протяжении долгих лет, кто управлял ими. Особенно если Россия продолжает давить на соседей, используя сегодня свое монопольное положение на энергетическом рынке. Эти проявления если и сойдут на нет, то не раньше, чем вырастут поколения, в памяти которых взаимные обиды уже не будут играть значимой роли. Здесь можно прове-

сти определенную аналогию с тем, что происходило в Европе после Второй мировой войны и как постепенно уходила ненависть к немцам.

Иноземцев: Значит ли это, что такая напряженность (я имею в виду российскую ситуацию) практически неизбежна? И как же российским гражданам и политикам на все это реагировать? Никак?..

Белл: Вот именно. Никак. Да, все эти настроения «имеют место быть». Но настоящие проблемы могут появиться, только если настроения трансформируются в определенные действия, а они приведут к определенным следствиям. Какими, собственно, могут быть эти следствия? Большинство из них – просто ерунда. Когда, например, во Франции начали выступать против американской политики в Ираке, люди здесь перестали было покупать французские товары: сыры, вино... Даже French fries попытались переименовать во Freedom fries... Все это было, пожалуй, смешно.

Разумеется, выступления прессы, телепередачи соответствующего содержания и все такое не могут не раздражать. Но величие державы и состоит в том, чтобы не придавать особого значения такой трескотне – тому, что мы называем пеной, всегда поднимающейся на поверхность.

Иноземцев: В последние годы и здесь, в Америке, и у нас, в России, нарастают опасения в связи с усилением Китая. Отчасти в США они подогреваются и тем, что Россия начинает рассматривать Китай как своего союзника в Азии. Лично я придерживаюсь той точки зрения, что никто из нас – ни Соединенные Штаты, ни, тем более, Россия – не контролирует того, что происходит в КНР, и не слишком-то может влиять на его поведение. Более того, мне кажется, что мы не вполне понимаем его цели и задачи, – нас убаюкивает риторика о «мирном возвышении» Китая, а политики в России по не вполне понятным мне причинам верят в возможности так называемой Шанхайской организации сотрудничества. Не опасна ли недооценка исходящих от Китая угроз – пусть пока прежде всего экономических? Не кажется ли Вам целесообразным своего рода «разворот» российской (а возможно, и американской)

политики в сторону Европы – ради, скажем так, воссоздания атлантического единства?

Белл: Сегодня многое в мире меняется, и мы не вполне готовы к этим переменам. Согласен, что у США (о России лучше судить Вам) нет четкой политики в отношении Китая; да и само отношение к нему в обществе и среди политиков было и остается двойственным. С одной стороны, трудно закрывать глаза на нарушения прав человека в Китае; на все то, что происходит сегодня в Тибете и Синцзяне; мириться с позицией, которую китайцы занимают по Ирану или Судану; с тем, что Китай становится одним из главных поставщиков оружия в нестабильные регионы, и т. д. С другой стороны, в последние годы Китай превратился в одного из крупнейших торговых партнеров Америки. В значительной мере Соединенные Штаты сами зависят от Китая как от крупнейшего покупателя наших долговых обязательств. Но опасно ли это? Это зависит от способности Китая в одночасье отказаться от такой политики. Насколько вероятно такое? На мой взгляд, реальных шансов на стремительный поворот – особенно если учитывать специфику китайской политики и принятия решений – сегодня практически нет.

Мне вспоминается история, произошедшая с покойным шахом Ирана, когда в середине 70-х годов он начал кампанию, направленную на сокращение оттока иранских инвестиций за рубеж. Тем самым он хотел убедить состоятельных иранцев вкладываться в их собственную экономику, а не в чужие. Вскоре монарху стало известно, что значительная часть высшего эшелона государственных служащих, включая самого министра финансов, держат свои средства в Америке. «Что вы все надеетесь там получить?» – возмущенно спросил он одного из министров. – «По крайней мере то, что вложили», – последовал ответ¹⁴⁵. И отвечавший оказался весьма прощательным, как показало не слишком отдаленное будущее...

¹⁴⁵ Здесь Д. Белл использует игру слов, труднопереводимую на русский. Вопрос шаха сформулирован так: «What kind of return do you want to get there?» – а ответ министра: «At least, it would be a return».

Иноземцев: Таким образом, у Америки есть очень существенные экономические интересы, и именно они определяют политиче-

скую линию. Но если, например, во внутренней политике России и впредь будут усиливаться авторитарные тенденции, страна будет наращивать экономическую мощь, будет дальше дистанцироваться от западного мира, создаст военно-политические союзы, противоречащие интересам США и их союзников в Европе, и т. д. – каким, на Ваш взгляд, может быть ответ на все это?

Белл: Не приходится сомневаться, что на пропагандистском уровне ответ не заставит себя долго ждать (мы ведь уже говорили о речи Д. Чейни). Но такой реакции, как лет тридцать назад, я бы не ждал. Военная конфронтация между Россией и Европой или между Россией и США, какой она была в те годы, когда Гельмут Шмидт просил о размещении новых американских ракет в Европе, или во времена, когда Никита Хрущев отдал распоряжение установить советские ракеты на Кубе, уже невозможна ни сегодня, ни в будущем.

Но если военно-политической реакции не предвидится, можно ли ожидать серьезных контрмер в экономической сфере? Тоже не уверен. Что мы можем делать? Отказаться покупать русскую нефть? Но если не Америка, то Европа точно нуждается в ней. Можно пытаться расширять сеть нефтепроводов, идущих в обход России, – ну, собственно, и все.

На том или ином уровне постоянно будут происходить какие-то разговоры, время от времени инициироваться политические спекуляции, которые на деле не изменят существующего статус-кво – воплощающего сегодня, рискну заметить, недовольство всех всеми. Л. Толстой, как известно, говорил, что все счастливые семьи похожи друг на друга. Но в наши дни все страны напоминают друг друга в своей несчастьности, происходящей из необходимости считаться друг с другом. Русские недовольны грузинами и прибалтами; украинцы – русскими; молдаване и белорусы – еще кем-нибудь. Если, конечно, спросить их, не хотят ли они вернуться в Советский Союз, большинство ответит: избави бог! Но все равно все они несчастны – и в этом удивительно похожи и на американцев, и на европейцев, и на арабов. В ближайшие десятилетия, может статься, во всем мире распространится и утвердится это ощущение абсолютной несчастьности – но это естественная черта любой переходной эпохи, любого периода неопределенности.

Иноземцев: Хотелось бы вернуться к проблеме, которую мы затронули пока только вскользь. Советский Союз был многонациональной державой, в которой дружеские отношения между представителями отдельных народов оставались одним из условий самого его существования. После распада СССР по границам национальных республик Россия осталась, по сути, моноэтничной страной; этнические русские составляют сейчас более 80% населения (хотя если бы Советский Союз сохранился, они были бы в меньшинстве). Но даже в такой ситуации, как Вы правильно заметили, все общество оказалось заражено вирусом национализма...

Здесь, в Соединенных Штатах, модель моноэтничного общества давно осталась в прошлом. Весь западный мир в последние десятилетия стал прибежищем несметного множества иммигрантов. Только за 90-е годы в США прибыло более 10 миллионов иммигрантов, в Европу – около 15 миллионов. Россия сталкивается пока только с временной трудовой миграцией из бывших республик Советского Союза – но даже это вызывает в обществе серьезные трения. Учитывая крайне неблагоприятную демографическую ситуацию, весьма уверенно можно предположить, что в ближайшие 10–20 лет доля иммигрантов в населении страны увеличится как минимум вдвое.

Какие последствия это может иметь для России? Каковы, на Ваш взгляд, наиболее серьезные трудности, с которыми сталкиваются страны, выходящие из состояния экономической и политической автаркии и начинающие интегрироваться в стремительно глобализирующийся мир?

Белл: Вы затронули одну из наиболее серьезных проблем, которая, как я считаю, может оказаться определяющей в ближайшие два-три десятилетия, если не в более долгосрочной перспективе. Одним из важнейших аспектов иммиграции является вопрос о том, стремятся ли иммигранты получить статус граждан. Здесь, в Соединенных Штатах, это является основной их целью. В европейских странах, таких как Швеция, где проводится социалистическая политика, иммигранты полагают, что даже без этого они «достаточно равны», – и предпочитают жить на социальные пособия в относительно изолированных и закрытых анклавных сообществах.

Все это порождает чувства отчужденности, враждебности и злобы, которые затем перерастают в действия. Я уже говорил о нарастающей национальной и расовой нетерпимости в России. Делает ли что-то российская элита для того, чтобы положить этому конец? Скажем так: ее действия не слишком заметны. Отчасти ей трудно противостоять росту шовинизма, так как официальная политика ориентирована на превознесение достижений России, то есть имеет признаки националистической. Пусть и в «хорошем смысле слова», – но всегда найдутся те, кто интерпретирует ее и в ином смысле.

Посмотрите на Европу, прежде всего – на Германию. В стране приняты жесткие законы, карающие за проявление национальной нетерпимости. В Австрии уголовно наказуемо отрицание Холокоста. Во Франции, если не ошибаюсь, не только Холокоста, но даже геноцида армян турками в годы Первой мировой войны. Политики, спекулирующие на этих темах в пределах допустимого, подвергаются широкому осуждению. Три года назад, когда Ле Пен вышел во второй тур президентских выборов во Франции, против него сплотилось все общество, и он получил чуть ли не меньше голосов, чем в первом туре¹⁴⁶. Уверен, что это был предел. Французы больше не проголосуют за националистов¹⁴⁷. Но я никогда не слышал о серьезном и массовом осуждении национализма в России. Мне говорили, что даже

ваш великий писатель и диссидент А. Солженицын недавно написал чуть ли не антисемитскую книгу¹⁴⁸. Мне кажется, что В. Путин, при всей приписываемой ему решительности не хочет занимать по этому вопросу определенной позиции. И это – проблема для России.

Возьмите самый печальный пример из жизни нынешней России – Чечню. Разумеется, война в Чечне обусловлена прежде всего тем, что явное большинство россиян считает ее частью России. У чеченцев тоже

есть историческая память – они помнят и о покорении их русскими в XIX веке, и о выселении чеченцев и ингушей Сталиным.

¹⁴⁶ В первом туре выборов президента Франции 21 апреля 2002 года лидер ультраправого Национального фронта Ж.-М. Ле Пен получил 16,86% голосов, а президент Ж. Ширак – 19,88%. Во втором туре 5 мая Ж.-М. Ле Пен собрал 17,79% голосов, а Ж. Ширак – 82,21%.

¹⁴⁷ Здесь Д. Белл оказался провидчески прав: в первом туре следующих президентских выборов 22 апреля 2007 года Ж.-М. Ле Пен получил лишь 10,44% голосов.

¹⁴⁸ Скорее всего, Д. Белл имеет в виду книгу А. Солженицына «Двести лет вместе, или Одиночество вдвоем», тт. 1–2, Москва: «Русский путь», 2001–2002.

Даст бог, в самой Чечне наступит мир. Но в России жило и живет много чеченцев. Насколько мирно будут они сосуществовать с русскими? Если я правильно помню, еще в советские времена чеченские преступные группировки были самыми дерзкими и опасными в стране, а сейчас у многих чеченцев (да и у многих русских) появились поводы мстить друг другу. Задумывается ли сейчас правительство о том, как решать эту проблему?

Иноземцев: Я понимаю, о чем Вы говорите, – но хотел бы отметить, что при всей его «сложности», чеченский вопрос кажется мне относительно простым уже потому, что, как Вы заметили, русские и чеченцы имеют достаточно поводов испытывать неприязнь друг к другу. Более «сложной» проблемой кажутся мне те нападения, которые случаются еженедельно в Санкт-Петербурге, Воронеже, Москве и многих других российских городах, на китайцев, египтян, арабов, выходцев из африканских стран, а в последнее время и на армян, киргизов, таджиков. Мне непонятны мотивы нападающих: негры, изредка появляющиеся на улицах русских городов, ничего не сделали россиянам плохого. Они даже выучили русский язык – не слишком, скажу, простой, – чтобы здесь учиться. Они могут в будущем рассказать своим согражданам о культуре этой страны. Мало кто из них задумывается о том, чтобы остаться в России. Даже – хотя я и не футбольный болельщик, но замечу – зрелищность российских футбольных матчей стала немного большей потому, что в команды сегодня приглашены иностранные игроки. Чем же эти люди не угодили местным подонкам? Таджики и киргизы тоже не живут в России на пособия – просто потому, что их трудно получить даже россиянам, да и выжить на них нельзя. Они работают, увеличивая богатство России и делая жизнь россиян комфортнее. Откуда эта ненависть? Как преодолеть ее?

Белл: Не знаю! Вы говорите – люди не любят иммигрантов. Но разве «люди» и «народ» – это одно и то же? Разве не народ выбирает правительство, которое должно устанавливать и соблюдать законы, которые положили бы всему этому конец? Но это общие слова, конечно. На Ваш вопрос у меня нет ответа...

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдалла (Абдалла ибн Абдель Азиз ас-Сауд; *أبو زيدعلاء بن عبد الله* *أسعد*) (р. 1928) – в 1996–2005 гг. – принц-регент, с 2005 г. – король Саудовской Аравии – **188**

св. Августин (Sanctus Aurelius Augustinus) (354–430) – один из наиболее влиятельных христианских философов и политических мыслителей раннего Средневековья – **25, 27**

Адамс, Брукс (Brooks Adams) (1848–1927) – известный американский историк – **54**

Адамс, Генри (Henry Brooks Adams) (1838–1918) – американский журналист и историк – **54**

Александр II (Александр Николаевич Романов) (1818–1881) – российский император в 1855–1881 гг. – **113**

Александр III Македонский (или Александр Великий, *Μέγας Αλέξανδρος*) (356–323 гг. до н. э.) – царь Македонии с 336 г. до н. э., великий завоеватель Азии, создатель Македонской империи, существовавшей в 330–323 гг. до н. э. – **82**

Андерсон, Бенедикт (Benedict Richard O’Gorman Anderson) (р. 1936) – англоамериканский историк национализма – **237**

Арафат, Ясир (Мухаммад Абд ар-Рахман Абд ар-Рауф Арафат аль-Кудвааль-Хусейни, *يحيى بنيسحالة وبنقالات افرع ف وؤر لادبعن محر لادبعدمحم*) (1923–2004) – деятель движения за создание независимой Палестины и первый президент Палестинской национальной автономии в 1994–2004 гг. – **106–107**

Аристотель (Αριστοτέλης) (384–322 гг. до н. э.) – величайший древнегреческий философ – **82, 121, 146**

Асад, Башар (Башар аль-Асад; دسلاً راشد) (р. 1965) – действующий президент Сирии с 2000 г. – **111**

Асад, Хафез (Хафез аль-Асад; دسلاً ظفا) (1930–2000) – президент Сирии в 1970–2000 гг. – **110**

Ататюрк, Мустафа (Mustafa Kemal Atatürk) (1881–1938) – турецкий революционер и политический деятель, основатель Турецкой республики и ее первый президент в 1923–1938 гг. – **146**

Ахмадинежад, Махмуд (دائيدمدا دوما) (р. 1956) – 6-й президент Исламской республики Иран с 2005 г. – **102**

Барак, Эхуд (חחח חחח) (р. 1942) – израильский политический и государственный деятель, премьер-министр Израиля в 1999–2001 гг. – **106**

Бек, Ульрих (Ulrich Beck) (р. 1944) – современный немецкий философ и футуролог – **239**

Беккер, Гэри (Gary Stanley Becker) (р. 1930) – американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике (1992) – **240**

Белл, Дэвид (David A. Bell) (р. 1954) – американский историк, профессор Университета им Дж.Хопкинса, сын Даниела Белла – **229**

Белый, Андрей (настоящее имя: Борис Николаевич Бугаев) (1880–1934) – один из ведущих русских писателей-символистов – **206**

Бенар, Анри (Henri Jean Émile Bénard) (1844–1929) – французский архитектор и художник – **94**

Бентам, Иеремия (Jeremy Bentham) (1748–1832) – английский философ-утилитарист и политико-эконом – **138, 240**

Березовский, Борис Абрамович (р. 1946) – российский предприниматель и политик, с 2001 г. живущий в Лондоне как политический эмигрант – **147**

Берлин, Исая (Sir Isaiah Berlin) (1909–1997) – выдающийся политический философ и историк философской мысли – **121**

Бисмарк, Оттофон (Otto Eduard Leopold von Bismarck-Schönhausen) (1815–1898) – выдающийся немецкий политический деятель, первый канцлер Германской империи в 1871–1890 гг. – **66, 139**

Блэкман, Гарри (Harry Andrew Blackmun) (1908–1999) – член Верховного суда США в 1970–1994 гг. – **126**

Бодлер, Шарль (Charles Pierre Baudelaire) (1821–1867) – знаменитый французский поэт и переводчик – **206, 208**

Бональ, Луи де (Louis Gabriel Ambroise, Vicomte de Bonald) (1754–1840) – французский контрреволюционер, политик и религиозный философ – **122**

Брежнев, Леонид Ильич (1906–1982) – советский партийный и государственный деятель, генеральный секретарь ЦК КПСС в 1964–1982 гг. и председатель Верховного Совета СССР в 1977–1982 гг. – **164**

Брюллов, Карл Павлович (1799–1852) – великий русский художник – **93**

Брюсов, Валерий Яковлевич (1873–1924) – русский поэт-символист – **206**

Бурлацкий, Федор Михайлович (р. 1927) – советский интеллектуал и партийно-государственный деятель, народный депутат СССР – **10, 160**

Бухарин, Николай Иванович (1888–1938) – выдающийся советский государственный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1924–1929 гг. – **85**

Буш, Джордж ст. (George Herbert Walker Bush) (р. 1924) – 41-й президент США в 1989–1993 гг. – **126**

Буш, Джордж мл. (George Walker Bush) (р. 1946) – 43-й президент США, находится в должности с 2001 г. – **54–55, 102, 109–112, 128, 134–135, 167, 205, 227, 274**

Валлерстайн, Иммануил (Immanuel Wallerstein) (р. 1930) – современный американский социолог и историк экономики – **46, 254**

Вашингтон, Букер (Booker Taliaferro Washington) (1856–1815) – известный борец за права негров в Соединенных Штатах – **90**

Вебер, Макс (Maximilian Carl Emil Weber) (1864–1920) – выдающийся немецкий социолог и историк экономики – **43**

Виктория (Alexandrina Victoria, Queen Victoria) (1819–1901) – королева Великобритании в 1837–1901 гг. – **33**

Виллон, Жак (Jacques Villon, настоящее имя: Гастон Эмиль Дюшам [Gaston Emile Duchamp]) (1875–1963) – французский художник-кубист – **94**

Виттфогель, Карл Август (Karl August Wittfogel) (1896–1988) – немецкий историк, автор классических работ по экономической истории Древнего Востока – **23**

Вогель, Эзра (Ezra Feivel Vogel) (р. 1930) – американская исследовательница экономики и политики азиатских стран – **46**

Вольтер (Voltaire, настоящее имя: Франсуа-Мари Аруэ [François-Marie Arouet]) (1694–1778) – великий французский философ и писатель эпохи Просвещения – **69, 92, 205**

Вулфовиц, Пол (Paul Dundes Wolfowitz) (р. 1943) – американский неоконсервативный политик, заместитель министра обороны США в 2001–2005 гг. и глава Всемирного банка в 2005–2007 гг. – **168**

Галилей, Галилео (Galileo Galilei) (1564–1642) – флорентийский математик, астроном и философ – **212**

Гарднер, Джон (John William Gardner) (1912–2002) – американский общественный деятель, министр здравоохранения и социального обеспечения в 1965–1968 гг. – **74**

Гарибальди, Джузеппе (Giuseppe Garibaldi) (1807–1882) – итальянский революционер и борец за независимость и объединение Италии – **139**

Гарфинкель, Адам (Adam Garfinkle) (р. 1952) – американский журналист и политический аналитик, редактор журнала The American Interest с 2005 г. – **170**

Гегель, Фридрих Георг Вильгельм (Georg Wilhelm Friedrich Hegel) (1770–1831) – великий немецкий философ-идеалист, основатель современной диалектической теории – **24, 31, 47, 76, 84**

Генрих IV (Heinrich IV) (1050–1106) – король Германии в 1056–1105 гг. и император Священной Римской империи в 1084–1105 гг. – **213**

Генрих VIII (Henry VIII Tudor) (1491–1547) – английский король в 1509–1547 гг., основатель англиканской церкви – **78**

Геринг, Герман (Hermann Wilhelm Göring) (1893–1946) – один из виднейших деятелей нацистского режима в Германии, главный обвиняемый на Нюрнбергском трибунале – **300**

Гёте, Йоганн Вольфганг (Johann Wolfgang von Goethe) (1749–1832) – великий немецкий писатель и выдающийся государственный деятель – **84**

Гиббон, Эдвард (Edward Gibbon) (1737–1794) – британский историк и политический деятель – **61**

Гизо, Франсуа (François Pierre Guillaume Guizot) (1787–1874) – французский историк и государственный деятель – **122**

Гинденбург, Пауль фон (Paul Ludwig Hans Anton von Beneckendorff und von Hindenburg) (1847–1934) – германский военачальник и государственный деятель, президент Германии в 1925–1934 гг. – **146**

Гитлер, Адольф (Adolf Hitler, настоящее имя: Адольф Шикльгрубер [Adolf Schicklgruber]) (1889–1945) – немецкий национал-социалистический политик, рейхсканцлер Германии в 1933–1945 гг. – **82, 146**

Гоббс, Томас (Thomas Hobbes) (1588–1679) – выдающийся английский философ, один из основателей современной западной политической философии – **16, 243–244**

Гонкуры (братья Эдмон де (Edmond Huot de Goncourt, 1822–1896) и Жюль де (Jules Huot de Goncourt, 1830–1870) – знаменитые французские писатели – **94**

Гор, Альберт (Albert Arnold “Al” Gore, Jr.) (р. 1948), американский политик, вице-президент США в 1993–2001 гг., лауреат Нобелевской премии мира (2007) – **134, 260**

Горбачев, Михаил Сергеевич (р. 1931) – советский партийный и государственный деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС в 1985–1991 гг. и первый президент СССР в 1990–1991 гг., лауреат Нобелевской премии мира (1990) – **233**

Гордон, Майкл (Michael R. Gordon) (р. 1956) – американский журналист и военный обозреватель – **103**

Григорий VII (Sanctus Gregorii VII; настоящее имя: Гильдебранд Соанский [Ildebrandus Aldobrandeschi Soanae]) (1020/1025–1085) – римский папа в 1073–1085 гг. – **213**

Гроций, Гуго (Hugo de Groot) (1583–1645) – великий голландский политический философ и правовед, основатель теории международного права – **27**

Гусинский, Владимир Александрович (р. 1952) – российский предприниматель, бывший владелец телекомпании НТВ – **147**

Гэлбрейт, Джон Кеннет (John Kenneth Galbraith) (1908–2006) – выдающийся американский экономист, многолетний профессор Гарвардского университета – **240**

Гэри, Фрэнк (Frank Owen Gehry, настоящее имя: Эфраим Оуэн Голдберг [Ephraim Owen Goldberg]) (р. 1929) – знаменитый современный американский архитектор – **208**

Дарвин, Чарльз (Charles Robert Darwin) (1809–1882) – выдающийся британский естествоиспытатель, создатель теории эволюции – **77**

Дарендорф, Ральф (Ralf Gustav, Lord Dahrendorf) (р. 1929) – выдающийся немецко-британский политический философ, директор Лондонской школы экономики в 1974–1984 гг. – **152**

Деннет, Даниел (Daniel Clement Dennett) (р. 1942) – выдающийся современный американский философ-атеист – **76**

Джойс, Джеймс (James Augustine Aloysius Joyce) (1882–1941) – знаменитый ирландский писатель – **208**

Дидро, Дени (Denis Diderot) (1713–1784) – французский философ эпохи Просвещения – **26**

Диоген (Διογένης) (412–323 гг. до н. э.) – древнегреческий философ-аскет – **206**

Диоклетиан (Caius Aurelius Valerius Diocletianus) (245–313) – римский император в 284–305 гг. – **61**

Дювалье, Франсуа (François Duvalier) (1907–1971) – военный диктатор Гаити в 1957–1971 гг. – **188**

Дюркгейм, Эмиль (Émile Durkheim) (1858–1917) – великий французский социолог и антрополог – **242**

Екатерина II (Екатерина Алексеевна Романова, настоящее имя: София Фредерика-Августа Анхальт-Цербская [Sophie Friederike Auguste von Anhalt-Zerbst]) (1729–1796) – российская императрица в 1762–1796 гг. – **92, 205**

Елизавета Австрийская (Elisabeth Amalie Eugenie von Österreich-Ungarn) (1837–1898) – императрица Австрии в 1854–1898 гг., королева Венгрии в 1867–1898 гг. – **113**

Ельцин, Борис Николаевич (1931–2007) – советский и российский политик и государственный деятель, первый президент Российской Федерации в 1991–1999 гг. – **136**

Жене, Жан (Jean Genet) (1910–1986) – французский писатель и политический активист – **208**

Зитовьев, Григорий Евсеевич (настоящее имя: Овсей-Гершен Ааронович Радомысльский) (1883–1936) – выдающийся революционер и советский партийный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1921–1926 гг. – **85**

Золя, Эмиль (Émile Zola) (1840–1902) – известный французский писатель и либерал – **94**

Изабелла I Кастильская (Isabel I de Trastámara “la Católica”) (1451–1504) – королева Кастилии в 1474–1504 гг. – **30**

Инглегарт, Рональд (Ronald F. Inglehart) (р. 1934) – современный американский социолог и политический философ – **245**

Кавур, Камилло ди (Camillo Benso, conte di Cavour) (1810–1861) – итальянский политический деятель, премьер-министр Пьемонта в 1852–1861 гг. и первый премьер-министр объединенной Италии в марте-июне 1861 г. – **139**

Каменев (Розенфельд), Лев Борисович (1883–1936) – выдающийся революционер и советский партийный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1919–1925 гг. – **85**

Канеман, Даниел (Daniel Kahneman) (р. 1934) – израильско-американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике (2002) – **239**

Кант, Иммануил (Immanuel Kant) (1724–1804) – великий немецкий философ-гуманист – **16, 26, 144**

Капица, Петр Леонидович (1894–1984) – выдающийся советский физик, лауреат Нобелевской премии по физике (1978) – **214**

Каплан, Анатолий Львович (1902–1980) – советский художник и скульптор – **206**

Каримов, Ислам Абдуганиевич (Ислом Абдуганиевич Каримов) (р. 1938) – узбекский государственный деятель, первый секретарь ЦК КП Узбекистана в 1989–1990 гг. и действующий президент Узбекистана с 1990 г. – **200**

Карл V (Carlos V) (1500–1558) – один из самых могущественных монархов Европы XVI века, император Священной Римской империи в 1530–1556 гг. – **33**

Карно, Мари Франсуа (Marie François Sadi Carnot) (1837–1894) – французский политик, президент Франции в 1887–1894 гг. – **113**

Керри, Джон (John Forbes Kerry) (р. 1943) – американский политик, сенатор от штата Массачусеттс с 1985 г., кандидат от Демократической партии США на президентских выборах 2004 г. – **275**

Ким Чен Ир (р. 1941) – северокорейский государственный деятель, действующий лидер КНДР с 1994 г. – **218**

Кларк, Уэсли (Wesley Kanne Clark) (р. 1944) – известный американский военачальник, главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе в 1997–2000 гг. – **191–192**

Клинтон, Билл (William Jefferson “Bill” Clinton) (р. 1946) – 42-й президент США в 1993–2001 гг. – **55, 106, 205**

Клинтон, Хиллари (Hillary Diane Rodham Clinton) (р. 1947) – супруга президента США Б.Клинтона, первая леди в 1993–2001 гг., сенатор от штата Нью-Йорк с 2000 г. и кандидат на пост президента США на предстоящих в 2008 г. выборах – **275**

Клистен (Κλεισθένης) (ок. 540–486 гг. до н. э.) – афинский политик, реформатор системы управления городом в 508–507 гг. до н. э. – **120**

Кондорсэ, Жан-Антуан де (Marie Jean Antoine Nicolas de Caritat, marquis de Condorcet) (1743–1794) – французский политический философ – **25**

Константин I (Flavius Valerius Aurelius Constantinus) (280–337) – римский император в 306–337 гг., перенесший в 330 г. столицу из Рима в Византий (после его смерти переименованный в Константинополь) – **29**

Константин XII Палеолог (Κωνσταντίνος ΙΑ΄ Δραγάσης Παλαιολόγος) (1405–1453) – последний император Византии в 1448–1453 гг. – **29**

Конт, Огюст (Isidore Marie Auguste François Xavier Comte) (1798–1857) – великий французский философ, основатель позитивизма – **75–76**

Купер, Роберт (Robert Cooper) (р. 1947) – современный британский дипломат и политолог – **45, 269–300**

Ладен, Усама бин (Усама бин Мухаммад бин Авад бин Ладен; نادلان بضوعن بدمحممن بة ماسأ) (р. 1957) – создатель и руководитель «Аль-Каиды», одной из крупнейших исламистских террористических сетей – **101–111**

Ландау, Лев Давидович (1908–1968) – выдающийся советский физик, лауреат Нобелевской премии по физике (1962) – **214**

Лемкин, Рафаэль (Raphael Lemkin) (1900–1959) – еврейский правовед, введший понятие «геноцид» и разработавший Конвенцию ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» (1949) – **195**

Ленин (Ульянов), Владимир Ильич (1870–1924) – российский революционер и советский государственный деятель, лидер Октябрьской революции 1917 г. и основатель Советского государства – **85, 214, 248**

Ле Пен, Жан-Мари (Jean-Marie Le Pen) (р. 1928) – французский ультраправый политик, лидер Национального фронта с 1972 г. – **282**

Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814–1841) – великий русский поэт и писатель – **201–202**

Либерман, Джозеф (Joseph Isadore “Joe” Lieberman) (р. 1942) – член Сената США от шт. Коннектикут, кандидат в вице-президенты США от Демократической партии на выборах 2000 г. – **134**

Линкольн, Авраам – (Abraham Lincoln) (1809–1865) – 16-й президент США в 1861–1865 гг., руководитель северных штатов в период Гражданской войны 1861–1865 гг. – **132**

Лисицкий, Лазарь Маркович (1890–1941) – советский художник и архитектор-авангардист – **206**

Лоуренс, Дэвид (David Herbert Richards Lawrence) (1885–1930) – известный английский писатель – **209**

Лукашенко, Александр Григорьевич (Аляксандар Рыгоравіч Лукашэнка) (р. 1954) – действующий президент Республики Беларусь с 1994 г. – **232**

Лэндес, Дэвид (David Landes) (р. 1924) – американский историк, почетный профессор Гарвардского университета – **34**

Людовик XVIII (Louis XVIII) (1755–1824) – король Франции в 1814–1815 и 1815–1824 гг. – **184**

Маззини, Джузеппе (Giuseppe Mazzini) (1805–1872) – итальянский философ, писатель, революционер и политический деятель – **139**

Макартур, Дуглас (Douglas MacArthur) (1880–1964) – американский военачальник, руководивший операцией по оккупации Японии в 1945–1950 гг. и начальной фазой войны в Корее в 1950–1951 гг. – **153**

Макиавелли, Никколо (Niccolò di Bernardo dei Machiavelli) (1469–1527) – итальянский политический философ – **149**

МакКинли, Уильям (William McKinley) (1843–1901) – 25-й президент США в 1896–1901 гг. – **112–113**

Маклин, Фицрой (Sir Fitzroy Hew Royle MacLean of Dunconnel) (1911–1996) – британский дипломат, военный и политик – **201**

Малевич, Казимир Северинович (1878–1935) – выдающийся русский советский художник – **93, 206**

Мандельштам, Осип (Иосиф) Эмильевич (1891–1938) – русский советский поэт и литературный критик – **206**

Мао Цзэдун (1893–1976) – выдающийся китайский революционер и политический деятель, основатель Китайской Народной Республики и председатель КНР в 1949–1976 гг. – **159**

Маринетти, Филиппо (Filippo Tommaso Emilio Marinetti) (1876–1944) – итальянский поэт и писатель, основатель движения футуристов – **207**

Маркос, субкоманданте (Subcomandante Insurgente Marcos, настоящее имя предположительно: Рафаэль Себастьян Гильен Висенте [Rafael Sebastián Guillén Vicente]) (р. 1957) – лидер Сапатистской армии национального освобождения – **220**

Маркос, Фердинанд (Ferdinand Emmanuel Edralín Marcos) (1917–1989) – президент Филиппин в 1966–1986 гг. – **187–188**

Маркс, Карл (Karl Marx) (1818–1883) – великий философ и экономист, создатель теории научного коммунизма – **16, 22–23, 31, 42, 47, 69, 71, 75–76, 145, 152, 237–238, 243–244**

Местр, Жозеф де (Joseph-Marie, Comte de Maistre) (1753–1821) – савойский философ-консерватор, сторонник католицизма и абсолютной монархии – **122**

Меттерних, Клемент фон (Klemens Wenzel Nepomuk Lothar Fürst von Metternich-Winneburg zu Beilstein) (1773–1859) – выдающийся австрийский государственный деятель, министр иностранных дел Австрии в 1809–1848 гг. – **184**

Милль, Джон Стюарт (John Stuart Mill) (1806–1873) – английский политический философ и политикоэконом – **23, 138**

Милошевич, Слободан (Слободан Милошевић) (1941–2006) – югославский и сербский политический деятель, президент Сербии в 1989–1997 гг. и Союзной Республики Югославия в 1997–2000 гг. – **132, 140, 229–230**

Михник, Адам (Adam Michnik) (р. 1946) – активный деятель польского профсоюза «Солидарность» и главный редактор «Газеты выборчей» с 1989 г. – **162**

Моне, Клод (Claude Oscar Monet) (1840–1926) – выдающийся французский художник-импрессионист – **94**

Мосс, Марсель (Marcel Mauss) (1872–1950) – французский антрополог и публицист – **242**

Муази, Доминик (Dominique Moïsi) (р. 1937) – современный французский политолог и журналист – **45**

Мугабе, Роберт (Robert Gabriel Mugabe) (р. 1924) – премьер-министр Зимбабве в 1980–1987 гг. и действующий президент страны с 1987 г. – **225–226, 229**

Най, Джозеф (Joseph S. Nye, Jr.) (р. 1936) – известный американский политолог – **155**

Наполеон I Бонапарт (Napoleone di Buonaparte, Napoléon Bonaparte) (1769–1821) – великий французский полководец и государственный деятель, император Франции в 1804–1813 и 1814 гг. – **126**

Наполеон III Бонапарт (Charles Louis-Napoléon Bonaparte) (1808–1873) – французский политик, президент Франции в 1848–1852 гг. и император в 1852–1870 гг. – **145–146**

Негри, Антонио (Antonio Negri) (р. 1933) – итальянский леворадикальный философ – **238, 258**

Николаевский, Борис Иванович (1887–1966) – русский революционер и историк, систематизатор архивов по истории русских революций – **85–86**

Никсон, Ричард (Richard Milhous Nixon) (1913–1994) – 37-й президент США в 1969–1974 гг. – **59**

Ньерере, Джулиус (Julius Kambarage Nyerere) (1922–1999) – борец с колониализмом и первый президент Танзании в 1964–1985 гг. – **226**

Олбрайт, Мадлен (Madeleine Korbel Albright, урожденная Мария Яна Корбелова [Marie Jana Korbelová]) (р. 1937) – американский политик, государственный секретарь США в 1997–2001 гг. – **169**

Оруэлл, Джордж (George Orwell, настоящее имя: Эрик Артур Блэр [Eric Arthur Blair]) (1903–1950) – британский писатель и публицист, автор романа «1984» – **34**

Пайпс, Ричард (Richard Edgar Pipes) (р. 1923) – современный американский специалист по истории России и СССР – **184**

Патнэм, Хиллари (Hilary Whitehall Putnam) (р. 1926) – выдающийся американский философ, специалист в области теории и философии познания и теории символов – **76**

Пауэр, Саманта (Samantha Power) (р. 1970) – современный американский журналист и политолог – **191**

Перес, Шимон (שמון פרס) (р. 1923) – выдающийся израильский политический и государственный деятель, премьер-министр Израиля в 1977, 1984–1986 и 1995–1996 гг., с 2007 г. – действующий президент Израиля – **111**

Перо, Росс (Henry Ross Perot) (р. 1930) – американский предприниматель и политик, кандидат в президенты США на выборах 1992 и 1996 гг. – **135**

Перикл (Περικλῆς) (ок. 495–429 гг. до н. э.) – великий государственный деятель Древней Греции, правитель Афин в 461–429 гг. до н. э. – **119–120**

Перон, Хуан (Juan Domingo Perón) (1895–1974) – президент Аргентины в 1946–1955 и 1973–1974 гг. – **121, 146**

Петр I (Петр Алексеевич Романов) (1672–1725) – русский царь с 1682 г., первый император Российской империи с 1721 г. – **29, 47**

Пиночет, Аугусто (Augusto José Ramón Pinochet Ugarte) (1925–2006) – чилийский военный и государственный деятель, военный диктатор страны в 1974–1990 гг. – **140**

Писистрат (Πεισιστρατός) (ок. 607–528 гг. до н. э.) – афинский тиран, пришедший к власти в результате народного бунта в 561 г. до н. э. и правивший городом в 561–556 и 546–528 гг. до н. э. – **121, 146**

Планк, Макс (Max Karl Ernst Ludwig Planck) (1858–1947) – выдающийся немецкий физик, один из создателей квантовой теории, лауреат Нобелевской премии по физике (1918) – **19**

Платон (Πλάτων) (428/427–348/347 гг. до н. э.) – великий древнегреческий философ-идеалист – **146**

Полито, Антонио (Antonio Polito) (р. 1960) – итальянский журналист, корреспондент газеты La Repubblica в Лондоне – **12**

Поло, Марко (Marco Polo) (1254–1324) – венецианский купец и путешественник – **80**

Путин, Владимир Владимирович (р. 1952) – российский государственный деятель, 2-й президент Российской Федерации с 2000 г. – **56, 125, 136, 148–149, 173–174, 199–200, 204–205, 274, 282**

Пуфендорф, Самуэль фон (Baron Samuel von Pufendorf) (1632–1694) – выдающийся немецкий юрист и философ – **27**

Радек (Собельсон), Карл Бернгардович (1885–1939) – видный революционер и советский партийный деятель, член ЦК ВКП(б) в 1919–1924 гг. – **85**

Райс, Кондолиза (Condoleezza Rice) (р. 1954) – действующий государственный секретарь США с 2005 г. – **167, 170–171**

Рамсфельд, Дональд (Donald Henry Rumsfeld) (р. 1932) – американский государственный деятель, министр обороны США в 1975–1977 и 2001–2006 гг. – **102, 167–168, 171**

Рейган, Рональд (Ronald Wilson Reagan) (1911–2004) – 40-й президент США в 1981–1989 гг. – **54–55. 126, 161**

Ретин, Илья Ефимович (1844–1930) – великий русский художник – **93**

Рикардо, Давид (David Ricardo) (1772–1823) – выдающийся английский экономист – **24–25, 243**

Рифкин, Джереми (Jeremy Rifkin) (р. 1943) – современный американский футуролог и политолог – **245**

Ричард I Львиное Сердце (Richard the Lionheart, или Richard Cœur de Lion) (1157–1199) – граф Анжуйский, герцог Нормандии и король Англии в 1189–1199 гг. – **79–80**

Робинсон, Джоан (Joan Violet Robinson) (1908–1978) – известный британский экономист, многолетний профессор Кембриджского университета – **240**

Родс, Сесил (Cecil J. Rhodes) (1853–1902) – известный британский предприниматель и политик, основатель компании De Beers и премьер-министр Капской колонии в 1890–1902 гг. – **34**

Романов, Сергей Александрович (1857–1905) – брат императора Александра III и московский генерал-губернатор в 1898–1904 гг. – **112**

Рузвельт, Теодор (Theodore “Teddy” Roosevelt, Jr.) (1858–1919) – 26-й президент США в 1901–1909 гг., лауреат Нобелевской премии мира (1906) – **90**

Рузвельт, Франклин Д. (Franklin Delano Roosevelt) (1882–1945) – выдающийся американский государственный деятель, 32-й президент США в 1933–1954 гг. – **125**

Руссо, Жан-Жак (Jean-Jacques Rousseau) (1712–1778) – выдающийся французский философ эпохи Просвещения – **16, 142, 205**

Саид, Эдвард (Эдвард Вад-и Саид, |دیعسعیدودرادو|) (1935–2003) – выдающийся американско-палестинский социальный философ, историк и общественный деятель – **28**

Сакс, Джеффри (Jeffrey David Sachs) (р. 1954) – американский экономист, специалист по проблемам переходных экономик – **234**

Саладдин (Салахаддин Юсуф ибн-Айюб, |حي بورلاً نيدلا حلاص|) (1138–1193) – курдский военачальник, основатель Айюбидской династии, султан Египта в 1174–1193 гг. – **80**

Сартр, Жан Поль (Jean-Paul Charles Aymard Sartre) (1905–1980) – выдающийся французский философ-экзистенциалист и писатель – **243–244**

Сахаров, Андрей Дмитриевич (1921–1989) – выдающийся советский физик и общественный деятель, народный депутат СССР, лауреат Нобелевской премии мира (1975) – **233**

Сен-Симон, Анри де (Claude Henri de Rouvroy, comte de Saint-Simon) (1760–1825) – знаменитый французский социальный философ, один из основателей позитивизма – **76**

Скиннер, Квентин (Quentin Robert Duthie Skinner) (р. 1940) – современный английский историк и исследователь форм государственной власти – **150**

Скрябин, Александр Николаевич (1872–1915) – выдающийся русский композитор – **93**

Смит, Адам (Adam Smith) (1723–1790) – шотландский экономист, основатель классической политической экономии – **16, 22–230, 43**

Смит, Джозеф (Joseph Smith, Jr.) (1805–1844) – американский религиозный деятель, основатель церкви Мормонов – **71**

Сноу, Чарльз (Charles Percy Snow, Baron Snow) (1905–1980) – британский философ и литератор – **217**

Солженицын, Александр Иванович (р. 1980) – выдающийся российский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1970) – **282**

Солон (Σόλων) (ок. 638–558 гг. до н. э.) – великий государственный деятель Древней Греции, реформатор афинской политической системы – **120**

Соутер, Дэвид (David Hackett Souter) (р. 1939) – действующий член Верховного суда США с 1990 г. – **126**

Спэрроу, Джон (John Hanbury Angus Sparrow) (1906–1992) – британский писатель и литературный критик, главный попечитель Колледжа Всех Святых в Оксфорде в 1952–1977 гг. – **209**

Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович (1879–1953) – российский революционер и советский государственный деятель, Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)-ЦК КПСС в 1922–1953 гг. – **82, 85, 146, 206, 282**

Талейран, Шарль-Морис де (Charles-Maurice de Talleyrand-Périgord, Prince de Benevente) (1754–1838) – французский дипломат и государственный деятель, министр иностранных дел Франции в 1797–1815 гг. – **184**

Тверски, Амос (Amos Tversky) (1937–1976) – израильско-американский психолог, исследователь теории рисков – **239**

Тито, Иосип Броз (Јосип Броз Тито) (1892–1980) – югославский военачальник и государственный деятель, президент СФРЮ в 1953–1980 гг. – **132**

Того, Хидеки (1884–1948) – японский военачальник и политический деятель, премьер-министр Японии в 1941–1944 гг. – **138**

Токвиль, Алексис де (Alexis-Charles-Henri Clérel de Tocqueville) (1805–1859) – французский историк и политический философ – **122**

Толстой, Лев Николаевич (1828–1910) – великий русский писатель и философ-гуманист – **280**

Трейноф, Бернард (Bernard E. Trainor) (р. 1928) – американский генерал и военный аналитик – **103**

Троцкий (Бронштейн), Лев Давидович (1879–1940) – великий революционер и теоретик революционного движения, советский государственный деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1919–1926 гг. – **85, 96–97, 145–146**

Уилсон, Эдвард (Edward Osbourne Wilson) (р. 1929) – американский биолог и натуралист, профессор Гарвардского университета – **77**

Уолцер, Майкл (Michael Walzer) (р. 1935) – современный американский политический философ – **86**

Уэсли (братья Джон) (John Wesley, 1703–1791) и *Чарльз* (Charles Wesley, 1707–1788) – основатели методизма, одного из течений протестантизма – **71**

Фергюсон, Адам (Adam Ferguson) (1723–1816) – выдающийся шотландский философ и историк эпохи Просвещения – **22, 27**

Фердинанд II Арагонский (Fernando II de Aragón “el Católico”) (1452–1516) – король Арагона в 1479–1516 гг., объединитель Испании – **30**

Флобер, Гюстав (Gustave Flaubert) (1821–1880) – знаменитый французский писатель – **208**

св. Фома Аквинский (Sanctus Thomas Aquinas) (1225–1274) – великий средневековый теолог, основатель философии томизма, считающейся официальной доктриной современного католицизма – **25**

Франц-Иосиф I (Franz Joseph I von Habsburg-Lothringen) (1830–1916) – император Австро-Венгрии в 1848–1916 гг. – **113**

Франц Фердинанд (Franz Ferdinand von Österreich-Este) (1863–1914) – наследник австро-венгерского престола в 1896–1914 гг. – **113**

Фридман, Милтон (Milton Friedman) (1912–2006) – выдающийся американский экономист, создатель теории монетаризма, лауреат Нобелевской премии по экономике (1976) – **150**

Фридрих II (Friedrich II von Hohenzollern) (1712–1786) – король Пруссии в 1740–1786 гг. – **92**

Фукидид (Θουκυδίδης) (ок. 460–395 гг. до н. э.) – выдающийся древнегреческий историк – **119**

Фурье, Шарль (François Marie Charles Fourier) (1772–1837) – известный французский философ, иногда причисляемый к социалистам-утопичестам – **74**

Хаммурапи (Ammurāpi) (ок. 1810–1750 гг. до н. э.) – шестой царь Вавилона, первый император Вавилонской империи, создатель первого известного истории свода законов – **129**

Хан, Абдул Гадиф (ساحه ريدق الحبع) (р. 1936) – пакистанский физик-ядерщик – **100**

Хандтке, Питер (Peter Handtke) (р. 1942) – австрийский драматург и писатель – **132**

Хантингтон, Самуэль (Samuel Huntington) (р. 1927) – известный американский политический философ, почетный профессор Гарвардского университета – **66, 21**

Хаусхофер, Карл (Karl Ernst Haushofer) (1869–1946) – германский геополитик – **222**

Хардт, Майкл (Michael Hardt) (р. 1962) – американский социолог и историк литературы – **238, 258**

Хилель Старший (הלל) (1-я половина I в. до н. э. – ок. 14 г. н. э.) – известный иудейский мудрец и религиозный лидер – **178–179**

Хирохито (1901–1989) – 124-й император Японии в 1926–1989 гг. – **138**

Хирш, Фред (Fred Hirsch) (1931–1978) – известный английский экономист австрийского происхождения – **243**

Хобсбаум, Эрик (Eric Hobsbawm) (р. 1917) – известный британский историк-марксист – **12, 57**

Холмс, Оливер (Oliver Wendell Holmes, Jr.) (1841–1935) – американский юрист, член Верховного суда США в 1902–1932 гг. – **180**

Хомейни, Рухолла (аятолла Сайид Рухолла Мусави Хомейни, *ای نینم خدی و سوم الله احو*) (1900–1989) – выдающийся иранский религиозный и политический деятель, лидер исламской революции 1979 г. и верховный духовный лидер Ирана в 1979–1989 гг. – **114**

Хренников, Тихон Николаевич (1916–2007) – советский композитор, председатель Союза композиторов СССР в 1948–1991 гг. – **93**

Хрущев, Никита Сергеевич (1894–1971) – советский партийный и государственный деятель, первый секретарь ЦК КПСС в 1953–1964 гг. и председатель Совета Министров СССР в 1958–1964 гг. – **130, 160, 280**

Ху Цзинтао (р. 1942) – действующий Председатель КНР и Генеральный секретарь ЦК КПК с 2003 г. – **158**

Хуан Карлос I (Juan Carlos Alfonso Víctor María de Borbón y Borbón-Dos Sicilias) (р. 1938) – король Испании с 1975 г. – **163, 166**

Хусейн, Саддам (Саддам Хусейн Абд аль-Маджид ат-Тикрити; *حیدتیرکتالادیجمالابیعن سید حمد لاص*) (1937–2006) – авторитарный правитель Ирака в 1979–2003 гг. – **59, 101–102, 110, 112, 164, 220, 226, 231**

Чайковский, Петр Ильич (1840–1893) – великий русский композитор – **93**

Чейни, Ричард (Richard Bruce “Dick” Cheney) (р. 1941) – американский политик, нынешний вице-президент США, находится в должности с 2001 г. – **53, 168, 171, 175, 175, 280**

Чемберлин, Эдвард (Edward H. Chamberlin) (1899–1967) – американский экономист, многолетний профессор Гарвардского университета – **45, 240**

Черчилль, сэръ Уинстон (Sir Winston Leonard Spencer-Churchill) (1874–1965) – выдающийся британский политик и государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 гг., лауреат Нобелевской премии по литературе (1953) – **45**

Чингисхан (Chinggis Khayan) (1162–1227) – великий военачальник, основатель Монгольской империи – **82**

Шагал, Марк [Захарович] (מרק שאַפאָרמאָן, Marc Chagall) (1887–1985) – выдающийся русский и французский художник еврейского происхождения – **93**

Шарон, Ариэль (אַרְיֵל שָׂרֹן, настоящее имя: Ариэль Шайнерман) (р. 1928) – израильский военачальник и политик, премьер-министр Израиля в 2001–2006 гг. – **140**

Шекспир, Уильям (William Shakespeare) (1564–1616) – великий английский поэт и писатель, под именем которого, возможно, скрывались несколько авторов – **145**

Шелер, Макс (Max Scheler) (1874–1928) – немецкий социальный философ-пацифист – **145**

Шмидт, Гельмут (Helmut Heinrich Waldemar Schmidt) (р. 1918) – немецкий политик, федеральный канцлер ФРГ в 1974–1982 гг. – **280**

Шмитт, Карл (Carl Schmitt) (1888–1985) – немецкий исследователь политических процессов, апологет авторитарной власти – **81**

Шостакович, Дмитрий Дмитриевич (1906–1975) – выдающийся советский композитор – **93**

Шоу, Бернард (George Bernard Shaw) (1856–1950) – великий британский писатель и философ, лауреат Нобелевской премии по литературе (1925) – **179**

Шредер, Герхард (Gerhard Fritz Kurt Schröder) (р. 1944) – немецкий политик и предприниматель, федеральный канцлер ФРГ в 1998–2005 гг. и глава совета директоров компании NordStream AG с 2005 г. – **184**

Шумпетер, Йозеф (Joseph Alois Schumpeter) (1883–1950) – американский экономист и историк экономики австрийского происхождения – **33, 149**

Щаранский, Натан (Анатолий) Борисович (נתן שרנסקי) (р. 1948) – советский диссидент, эмигрировавший в Израиль и ставший видным израильским политиком – **163**

Эйнштейн, Альберт (Albert Einstein) (1879–1955) – великий физик-теоретик, создатель теории относительности, лауреат Нобелевской премии по физике (1921) – **17**

Эрроу, Кеннет (Kenneth N. Arrow) (р. 1921) – выдающийся американский экономист, создатель современной теории экономического равновесия, лауреат Нобелевской премии по экономике (1972) – **50**

Юм, Давид (David Hume) (1711–1776) – выдающийся шотландский философ эпохи Просвещения – **22–23, 25**

Явлинский, Григорий Алексеевич (р. 1952) – российский экономист и политик, заместитель председателя Совета Министров РСФСР в 1990 г., лидер политической партии «Яблоко» с 1993 г. – **149, 275**

Научное издание

БЕЛЛ Даниел
ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович

ЭПОХА РАЗОБЩЕННОСТИ
Размышления о мире XXI века

Художник
А. Семенов
Компьютерная верстка
М. Долгова

АНО «Центр исследований постиндустриального общества»
101000, Москва, Милютинский переулок, д. 2

Подписано в печать с оригинал-макета 20.12.2007 г.
Тираж 3000 экз.



9 785903 184401